

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ПРАВОВОЕ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ**

*Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции
«Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае»*

Выпуск XX

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431
У 261

У 261 **Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое, оперативно-розыскное обеспечение** : сборник статей XXII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». — Вып. XX / под ред. С.И. Давыдова, В.В. Полякова ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. — 161 с.

ISBN 978-5-7904-2881-4.

В сборник включены статьи участников XXII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое, оперативно-розыскное обеспечение», проведенной Алтайским государственным университетом 23-24 мая 2024 года.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, аспирантов и студентов.

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431

ISBN 978-5-7904-2881-4

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Гаврилов Б.Я.</i> Актуальные проблемы современного законодательства уголовно-правового комплекса: видение правоприменителя и ученого	5
<i>Калюжный А.Н.</i> Взаимосвязи и взаимозависимости отдельных данных криминалистической характеристики посягательств на свободу личности.....	12
<i>Ковтун Н.Н.</i> Акт привлечения в качестве обвиняемого как функция прокурора в уголовном судопроизводстве России.....	18
<i>Федюнин А.Е., Перетяцько Н.М.</i> Проблемы установления лица, совершившего преступление, при осуществлении розыскной работы органов внутренних дел ...	25
<i>Яковец Е.Н.</i> К вопросу об оперативно-розыском сопровождении таможенными органами предварительного расследования и судебного разбирательства	32

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Авилова О.Е., Блинова О.А.</i> Роль прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов	40
<i>Акимов В.С.</i> Особенности обеспечения состязательности при избрании мер процессуального принуждения и продлении срока их действия	46
<i>Блинова О.А.</i> Современные подходы в определении правоохранительной деятельности таможенных органов	57
<i>Букур А.И.</i> Применение современных средств собирания объемных трасологических следов в условиях импортозамещения.....	64
<i>Зудилов В.В.</i> Первоначальные следственные действия при расследовании оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.....	67
<i>Ильин Н.Н.</i> Установление с помощью судебных экспертиз обстоятельств преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы.....	71
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> К вопросу о средствах поиска лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения в условиях неочевидности (по материалам следственной практики г. Красноярск).....	76
<i>Кузнецов М.С.</i> К вопросу о принципе формальной оценки доказательств в контексте отечественного уголовного судопроизводства	83
<i>Кукеев А.К.</i> Мошенничества, совершенные с использованием информационных компьютерных технологий	88
<i>Маркелов А.Г.</i> К вопросу об обстоятельствах, исключающих компромиссное производство дознания в сокращенной форме	93
<i>Морозова Н.В.</i> Актуальные проблемы производства предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве	100

Петухова Ж.П. Некоторые проблемы в деятельности следователя после приостановления предварительного следствия	104
Примкулов А.А. К вопросу об отдельных способах собирания доказательств в уголовном судопроизводстве	107
Сиворакиа В.В. Продление уголовно-процессуального срока как самостоятельная гарантия обеспечения прав и интересов участников судопроизводства	112
Соколов А.С., Яковлев Д.С. К вопросу о способах и средствах совершения кибертерроризма	115
Терехин С.И. Особенности криминалистической характеристики личности преступников, совершивших убийства по найму	121
Титов С.Н. Проблема определения юрисдикции в отношении преступлений против интеллектуальной собственности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	129
Туров С.Ю. Роль и значение результатов ОРД при судебном санкционировании меры пресечения	134
Ушакова В.В. Типичные модели механизмов преступлений, совершенных несовершеннолетними	141
Шеметов А.К. Тактические особенности допроса подозреваемого в убийстве, признающего свою вину	147
Шепелева А.К. К вопросу об участниках стадии исполнения приговора	151
Юань В.Л. Биографический и юридический факты в криминалистическом изучении обвиняемого	156

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Б.Я. Гаврилов, д.ю.н., профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА: ВИДЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ И УЧЕНОГО

При рассмотрении актуальных проблем современного законодательства уголовно-правового комплекса автор исходит из приоритетности обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, определяется эффективностью действующего законодательства. При этом данный вопрос автором рассматривается как с точки зрения ученого-процессуалиста, так и позиции правоприменителя¹, а также члена рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ по подготовке УПК РФ ко второму и третьему чтениям и в его мониторинге. В нее входили видные российские ученые-процессуалисты В.М. Савицкий, С.Е. Вицин, П.А. Лупинская, Л.Н. Масленникова и др., а также судьи Верховного Суда РФ, руководящие сотрудники Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России и других правоохранительных органов. От МВД России в группу входили профессор Т.Н. Москалькова (первый заместитель начальника правового управления МВД России), профессор С.И. Гирько (начальник ВНИИ МВД России), профессор А.А. Чувилев. Следует также указать, что рабочая группа при разработке УПК РФ руководствовалась исключительно принципами Конституции РФ и положениями Федерального закона от 30.05.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

С учетом изложенного у автора есть все основания не согласиться с мнением отдельных оппонентов о низком качестве УПК РФ на том основании, что в него на сегодня внесены изменения более чем 300 федеральными законами, и тем более с «вмешательством, навязыванием» представителями иностранных государств своего видения развития российского уголовно-процессуального законодательства. При этом содержание основных уголовно-процессуальных институтов позволяет утверждать, что целью их реализации ст. 6 УПК РФ обуславливает как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от совершенных преступлений, так и лиц, подвергшихся уголовному преследованию от необоснованного обвинения, осуждения.

¹ Автор имеет стаж следственной работы более 30 лет, начиная с должности следователя органов внутренних дел на районном и региональном уровне до заместителя начальника Управления внутренних дел региона и от должности начальника отдела до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

В этой связи автор настоящей публикации отмечает значительную роль государства на протяжении двух последних десятилетий в существенном сокращении уровня уголовной репрессии (с 1 млн 10 тыс. граждан на 01.01.2000 до 447 тыс. содержащихся в местах лишения свободы) [1]) за счет:

во-первых, дифференциации Федеральным законом от 31.10.2002 г. № 133-ФЗ [2] части второй ст. 158 УК РФ на две самостоятельных части: ч. 2 ст. 158 УК РФ со снижением ее санкции с 6 до 5 лет лишения свободы, предусматривающей уголовную ответственность за абсолютное большинство квалифицированных краж чужого имущества, и ч. 3 ст. 158 УК РФ (кражи из жилища, в крупном размере и ряд др.) с сохранением санкции до 6 лет лишения свободы, что обеспечило сокращение числа заключенных под стражу в ходе предварительного расследования ежегодно на 100 тыс. человек;

во-вторых, исключения Федеральным законом от 09.03.2001 № 25-ФЗ [3] из ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР «одиозного» признака, позволяющего заключать под стражу по мотивам лишь одной опасности совершенного лицом преступления, к которым относились, например, кража ведра гвоздей на сумму 200 руб. из сарая на садовом участке и т.п. виды квалифицированных краж, что позволило сократить число ежегодно заключаемых подозреваемых, обвиняемым под стражу более чем на 90 тыс. [4, с. 46-47].

Продолжая вести речь о многочисленности внесенных в УПК РФ поправок, автор обращает внимание оппонентов на то, что часть изменений была обусловлена необходимостью реализации решений Конституционного Суда РФ (например, только в одну ст. 61 УПК РФ были внесены изменения пятью федеральными законами) и до 28 февраля 2023 г. решений Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) [5]. При этом абсолютное большинство внесенных в УПК РФ поправок были инициированы правоприменителями в части совершенствования регламентации конкретных процессуальных правил, регламентирующих процедуры расследования уголовных дел. Следует учитывать и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, что также побуждает законодателя следовать велению времени, включая сферу уголовного судопроизводства.

Вместе с тем вполне обоснованными следует признать критические высказывания в адрес определенной части изменений в УПК РФ в силу того, что отдельные из них носили популистский характер, а часть из поправок, инициированных в том числе высшей судебной инстанцией страны, носила характер контрреформ, например, о правилах изложения доказательств в обвинительном заключении, о расширении с трех до девяти оснований возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [6, с. 22-28].

Также одна из причин внесения в уголовно-процессуальный закон столь значительного количества изменений заключалась в том, что депутаты Государственной Думы РФ не поддержали ряд предложений автора по включению в проект разрабатываемого УПК РФ, включая дифференциацию процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, принципиальное реформирование стадии возбуждения уголовного дела, включение в участники уголовного судопроизводства на стороне обвинения начальника

подразделения дознания и ряд других, что законодатель был вынужден реализовать в дальнейшем [7, с. 4-14].

Ведя речь о роли законодателя в становлении современного уголовно-процессуального законодательства, автор вынужден обратить внимание и на компромиссные решения законодателя при подготовке и принятии УПК РФ [8, с. 74-82], к которым безусловно относятся так называемые переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 г. [9] права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также на продление Генеральным прокурором РФ и его заместителями срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [10]. Предпринятая законодателем попытка отступления от Конституции РФ повлекла за собой рассмотрение данного вопроса Конституционным Судом РФ, решением которого [11] указанные положения через нормы УПК РСФСР были признаны не соответствующим Конституции РФ, что потребовало внесения в УПК РФ целого блока изменения еще до момента вступления его с 1 июля 2002 г. в действие [12].

По мнению автора настоящей публикации, как представителя научного сообщества, а в первую очередь, как правоприменителя, негативно на содержательную составляющую ряда уголовно-процессуальных институтов сказалось и то, что при построении его концептуальных положений не удалось преодолеть сложившиеся еще в период действия УПК РСФСР заформализованность содержания ряда из них, элементы которой в последующие годы действия УПК РФ, 2001 г. «расцвели пышным цветом». И как следствие, существенно снизилась эффективность досудебного производства, что подтверждается значительным (с 36% в 1991 г. до 20% в 2023 г.) сокращением удельного веса уголовных дел из числа возбужденных направленных в суд, например, следователями в системе МВД России [13, с. 98-102].

Отмечая нестабильность действующего уголовно-процессуального закона, автор тем не менее не считает возможным вести об этом речь как о некоей крайне негативной ситуации, обращаясь к точке зрения видного ученого-процессуалиста профессора В.Т. Томина о том, что «Мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо — первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности», что вряд ли, когда будет достижимо» [14]. Следует также учитывать, что в современных условиях решение проблем уголовного судопроизводства требует, по мнению профессора Л.А. Воскобитовой, выхода за рамки уголовно-процессуальной науки; необходим переход с аналитико-критического уровня анализа на уровень проактивного прогноза и социального проектирования [15, с. 6-17].

Противоположную позицию высказывает профессор Л.В. Головкин, который обращает внимание научной общественности на то обстоятельство, что Кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал.... Легко объяснить «эффект размывания» неким «динамизмом», который якобы присущ нашему времени.... Такого рода дискурс, конечно ожидаем, но от истины, увы, далек, как да-

леки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени» [16, с. 3-7], с чем автор настоящей публикации, как и многие коллеги-процессуалисты, согласиться не могут в том числе и по причине того, что на необходимости совершенствования ряда уголовно-процессуальных институтов настаивают как следователи и дознаватели, так и прокуроры и судьи, которые видят в этом направлении совершенствование правового регулирования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

На основании изложенного выше и учитывая ряд других факторов, изложенных, в том числе, и в перечисленных выше публикациях автора, как представляется, подлежат пересмотру и отдельные положения в виде конкретных норм, и ряд процессуальных институтов, что призвано повлечь:

во-первых, пересмотр положений ч. 5 ст. 162 УПК РФ, допускающей возможность продления сегодня срока предварительного следствия без его ограничения, что вступает в прямое противоречие со ст. 61 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ [17] и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 [18], не должен превышать по уголовным делам 4 лет. В силу многократно возросшей сложности расследования уголовных дел требуется внесение изменений в ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия, «перешедшей» в современный закон из УПК РСФСР 1922 г.;

во-вторых, пересмотр первоначального (два месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, также «перешедшего» в современный закон из УПК РСФСР 1922 г. Более того, сегодня в этот срок вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г. входят с учетом положения ч. 1 и ч. 11 ст. 221 УПК РФ от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Данное предложение учитывает и опыт государств с устоявшейся системой правосудия. Так, в Европе первоначальный срок заключения под стражу по судебному решению составляет от 100 до 120 суток, а по УПК Итальянской Республики этот срок составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

в-третьих, исключение из действующего уголовно-процессуального законодательства института привлечения в качестве обвиняемого. Его наличие в УПК РФ обеспечивало на протяжении длительного временного периода реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. Однако сегодня участие адвоката-защитника предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, что имеет место как результат принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ [19]. Сегодня фактически нивелированы и различия в правовом положении подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Бесспорным аргументом за исключение института предъявления обвинения является то обстоятельство, что в суд за 22 года действия УПК РФ направлено порядка 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъяв-

ления обвинения [20, с. 65-73] и никто из осужденных не обращается в суд о нарушении его конституционного статуса «обвиняемый» (ст.ст. 47-49 Конституции РФ). Сегодня такого института не знает большинство государств; исключен он из уголовно-процессуального законодательства ряда государств бывшего постсоветского пространства;

в-четвертых, замену дознания в сокращенной форме, которое сегодня и по срокам расследования, и по объему собираемых доказательств ничем не отличается от дознания в общем порядке. Автором публикации предлагается протокольная форма, расследование по которой осуществляется в срок, не превышающий 48 час. в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» за совершение противоправного деяния. Подлежит исключению стадия возбуждения уголовного дела; подлежит ограничению перечень следственных действий, который должен включать в себя допрос заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Следует предусмотреть обязательное задержание такого лица в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществляется судебного разбирательства.

Кроме перечисленных выше проблем уголовного досудебного производства, в первоочередном разрешении требуется исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,7 млн) на протяжении последних 17 лет, начиная с 1 января 2007 г. снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 1,7 млн (в 2023 г.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях (с учетом статистических данных).

Предложение автора статьи и других ученых-процессуалистов об исключении из УПК РФ его ст.ст. 146 и 148 обусловлено требованиями Конституционного Суда РФ [21] к судебнo-следственной практике в части возбуждения самостоятельного уголовного дела по факту каждого вновь выявленного в рамках

расследуемого дела дополнительного эпизода преступной деятельности или выявления нового соучастника преступления, что противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении уже более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

В этой связи представляется необходимым ориентировать деятельность научной общественности, практикующих юристов и органов законодательной власти на разработку конкретных предложений по совершенствованию отдельных институтов действующего Кодекса, а не на разработку нового УПК РФ, учитывая в числе других факторов его (УПК РФ) всего 22-летний период действия (УПК РФ 1922 и 1960 гг. действовали по 40 лет).

Список литературы

1. Калинин Ю.И. Лесоповал с человеческим лицом // Российская газета. 2002. 2 октября. № 186.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.10.2002 № 133-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 44. Ст. 4298.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.
4. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М.: Проспект, 2008. 208 с.
5. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.
6. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22-28.
7. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 4-14.
8. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-82.
9. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.
10. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

11. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов».

12. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

13. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98-102.

14. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. 112 с.

15. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6-17.

16. Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 3-7.

17. О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета 2016. 6 апреля. № 72.

19. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. №. 9. С. 875.

20. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65-73.

21. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2006. № 24.

ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ДАННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Результативность расследования посягательств на свободу личности, безусловно, зависит от опыта следственных и оперативных работников по раскрытию и расследованию дел данной категории, владения ими тактическими приемами производства отдельных процессуальных действий и оперативно-розыскных¹ мероприятий, знания и выполнения требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем эффективность расследования будет существенно возрастать при обладании субъектов расследования научно обоснованными данными о типовых особенностях совершения преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, лицах, их совершающих, мотивах совершения данных преступлений и других специфических признаках, характеризующих модель совершения исследуемых преступных деяний.

Информационной моделью посягательств на свободу личности является их криминалистическая характеристика, позволяющая дать базовые, типовые данные, способствующие установлению лиц, их совершивших, и обстоятельств, входящих в предмет доказывания, повышая ситуационную готовность практической деятельности субъектов расследования.

В то же время криминалистическая характеристика имела бы слабое значение и не была бы практико-ориентированной без обоснования ее разработчиками корреляционных связей, возникающих между данными анализируемой информационной модели. Важность и значимость взаимосвязей и взаимозависимостей данных криминалистической характеристики не ставится под сомнение и единодушно поддерживается подавляющим большинством современных исследователей [1, с. 12-16; 2, с. 38-39; 3, с. 8].

Представляя собой исходные, основополагающие начала, взаимосвязи позволяют субъектам расследования использовать комплекс аналитических, тактико-криминалистических средств в целях решения задач уголовного судопроизводства: смоделировать событие преступления и механизм его совершения; спрогнозировать местонахождение криминалистически значимых данных (следов преступления, вещей, предметов, документов), направления и средства их поиска и обнаружения; установить круг лиц и версий, которые необходимо проверить; предположить местонахождение потерпевшего и разработать тактиче-

¹ Написание слов «оперативно-розыскной», «розыскной» здесь и далее — в авторской редакции. В соответствии с современными правилами русского языка — «оперативно-разыскной», «разыскной». См.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М., 2006; С. 53 (§ 40); [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_2_razysknoj/. В документах, названиях подразделений, цитатах и т.п. сохранена орфография первоисточника. — Прим. ред.

ские операции (комбинации) по его освобождению; запланировать комплекс оперативно-розыскных, следственных и процессуальных действий.

Исследование закономерностей совершения преступлений против свободы личности позволило установить следующие *взаимосвязи и взаимозависимости способов их совершения с данными о личностных свойствах преступников и их жертв.*

Во-первых, имеется прямая причинно-следственная зависимость способов совершения преступлений против свободы личности со способами их подготовки. Чем более серьезно и тщательно преступники осуществляли подбор и изучение жертв, приискивали разнообразные орудия и средства совершения преступных посягательств, подбирали компетентных соучастников преступной деятельности, тем профессиональнее и организованнее реализовывались способы совершения исследуемых преступлений.

Молодые люди в возрасте до 25 лет (26,7%) редко осуществляли подготовку посягательств на свободу личности, реализовывали свои преступные намерения в связи с внезапно возникшим умыслом, детерминированным корыстной направленностью их противоправных действий, нахождением субъектов в состоянии алкогольного опьянения, стремлением к быстрому обогащению, удовлетворению своих низменных потребностей. Незапланированному совершению посягательств на свободу личности способствовало и виктимное поведение жертвы, характеризовавшееся доверчивым, инфантильным поведением потерпевших, демонстрацией ими материальных ценностей, наличием у них крупных денежных средств, бравированием высокого дохода и возможностью решения проблем их родственниками, родителями, близкими.

Во-вторых, следует отметить взаимосвязи способов подготовки и способов совершения исследуемых преступных деяний с достигаемым преступным результатом. Приискание преступниками автомобильного транспорта (73,3%), средств физического и психического воздействия на жертв (67,9%), соучастников преступления (64,7%) и распределение между ними ролей (48,6%), огнестрельного (5,8%), газового или пневматического оружия (8,8%) обуславливали успешность совершаемых посягательств.

По изученным нами уголовным делам были выявлены корреляции способов поиска и изучения потерпевшего с последующими способами совершения исследуемых посягательств, свидетельствующие об оказании эффективного сопротивления потерпевшими, не позволившего совершить их похищение, факты отказа потенциальных жертв от дальнейшего сотрудничества с преступниками в ходе их вербовки, обмана и др. [4, 5]. Очевидная зависимость способов подготовки и способов совершения преступных посягательств демонстрируют взаимосвязи с достигаемым преступным результатом.

В-третьих, наблюдалась детерминированность применяемого к жертвам физического (92,1%) и психического насилия (100%) личными свойствами преступников и потерпевших (сила, рост, возраст, навыки) [6, с. 378]. Выявленные в ходе изучения жертв данные об обладании потерпевшими навыками рукопашного боя, приемами единоборств и отсутствие соответствующих способностей у преступников обуславливало последних к совершению посягательств группой

лиц (64,7%), приисканию оружия (14,6%) или предметов, используемых в качестве оружия для пресечения и подавления возможного сопротивления жертв.

В то же время обладание преступниками высокой физической силой, навыками единоборств, огнестрельным, газовым или пневматическим оружием, опытом преступной деятельности детерминировало большую открытость, наглость преступных посягательств, обуславливало уверенность субъектов в достижении преступного результата, способствовало причинению жертвам более тяжких телесных повреждений.

Зависимость личностных свойств преступников и жертв со способом совершения преступлений против свободы личности отражалась и на родственниках потерпевших, которым субъекты предъявляли противоправные требования, связанные с передачей или перерегистрацией имущества, выплатой выкупа (денежных средств) за освобождение жертв.

В-четвертых, отмечалась зависимость способов совершения преступлений против свободы личности от конечных целей преступной деятельности. Так, приискание автомобильного транспорта, подбор и оборудование мест удержания потерпевших указывали на намерения преступников удерживать жертв, что было характерно для состава похищения человека. Использование завуалированной рекламы преступной деятельности, осуществление вербовки и обмана потенциальных жертв, иные бесконтактные способы воздействия на потерпевших [7, с. 66] — все это свидетельствовало о последующем совершении виновными торговли людьми, использовании их рабского труда. Консультирование преступников с медицинскими работниками, приобретение лекарственных препаратов, влияющих на психику и поведение человека, фальсификация медицинской документации о состоянии здоровья потерпевшего подчеркивало последующее совершение посягательств, связанных с незаконным помещением человека в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Наоборот, отсутствие приискания мест удержания жертв, автотранспортного средства, одиночный характер преступной деятельности, спонтанность или невыраженность способов подготовки к совершению посягательств на свободу личности указывало на последующее совершение незаконного лишения свободы человека.

Зависимость способов преступлений от конечных целей преступной деятельности проявлялась и в том, что после ограничения или лишения свободы человека виновные достигали преступных целей, совершая хищения имущества и личных вещей жертв (71,4%) (кражи, грабежи, разбои и вымогательства); причиняя телесные повреждения, степень тяжести которых выходила за пределы элементов составов посягательств на свободу личности (8,1%), а также похищая документы потерпевших (3,7%). Реализация перечисленных преступных замыслов детерминировала совершение похищения человека или незаконного лишения свободы.

Таким образом, информация о способе преступлений против свободы личности является ключевой в формировании корреляционных связей данных криминалистической характеристики исследуемых преступлений, обосновании ме-

тодики расследования таких посягательств. Обладание субъектами расследования преступлений сведениями о взаимосвязях и взаимозависимостях способов совершения преступлений с иными данными информационной модели посягательств на свободу личности позволяют эффективно достичь целей уголовного судопроизводства, грамотно выдвинуть версии, спланировать комплекс мероприятий по их проверке, отработать на причастность к совершению преступлений фигурантов [8, с. 61], раскрыть и расследовать посягательства на свободу личности.

В то же время, по справедливому замечанию профессора А.М. Кустова, способ преступления не выбирается случайно и обусловлен не только личностными свойствами преступников и потерпевших, но и обстановкой [9, с. 118], в которой происходил захват и перемещение потерпевших, их последующее удержание или эксплуатация. Именно соответствующая обстановка преступления позволяет преступникам осуществить воздействие на жертву, использовать ими орудия и средства преступления, реализовать преступные замыслы субъектов.

Анализ преступлений против свободы личности позволил установить *корреляционные зависимости обстановки совершения преступлений со способами их совершения и свойствами личностей преступников и потерпевших.*

Во-первых, выбор обстановки посягательств на свободу личности обусловлен способами их совершения. Как правило, для захвата потерпевших выбирались малолюдные, пустынные места (61,9%), утреннее (35,6%) или вечернее (32,3%) время суток, способствующие реализации преступных планов виновных.

Необходимость кратковременного удержания потерпевших, оказания на них физического и психического воздействия обязывали преступников использовать в качестве мест удержания безлюдные, отдаленные участки местности (пустыри, лесопосадки, недостроенные объекты), на которые вывозились (перемещались) захваченные жертвы.

Следует обратить внимание и на особенности обстановки совершения преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием их рабского труда, для реализации способа совершения которых проводилась тщательная работа по оборудованию мест вербовки, обману потерпевших, созданию у них измененного восприятия деятельности модельных, творческих, танцевальных организаций. Обстановка совершения таких преступлений, в большинстве своем, направлена на привитие потерпевшим намерения заняться предлагаемой деятельностью, внушение им необходимости добровольного, самостоятельного перемещения к месту захвата и удержания.

Во-вторых, срок удержания потерпевших находился в прямой корреляционной зависимости от целей преступной деятельности и времени реализации виновными и потерпевшими (их родственниками, близкими) противоправных замыслов преступников. Цели эксплуатации жертв, торговли людьми, похищения человека с последующим вымогательством значительных денежных сумм у родственников или близких жертв предопределяли значительные временные периоды лишения свободы (удержания) потерпевших. В большинстве своем от жертв таких преступлений не зависел период их освобождения виновными.

Тем не менее по посягательствам на свободу личности, где преступники желали получить имущество или денежные средства похищенного человека, вымогали денежные средства у родственников или близких потерпевших, период удержания похищенных находился в прямой зависимости от быстроты (времени) реализации требований субъектов. Чем быстрее выполнялись преступные условия виновных, тем скорее жертвы получали утраченную свободу. Указанное предопределяло освобождение потерпевших в пределах одних суток (49,8%), реже они удерживались от одних до трех суток (37,7%).

В-третьих, прослеживалась зависимость мест удержания потерпевших от целей преступной деятельности, достижения ее конечного результата, способов его достижения. Так, для длительного удержания потерпевших с целью их последующей эксплуатации или других целей выбирались гаражи, дачи, подсобные и иные помещения (27,8%), оборудованные и приспособленные для предотвращения самостоятельного освобождения. Об этом свидетельствовали дополнительные или приспособленные устройства, препятствующие самостоятельному освобождению жертв. Двери таких помещений закрывались с внешней стороны; при наличии окон они оснащались решетками; места удержания и прилегающие к ним помещения оборудовались системами видеонаблюдения или же преступниками обеспечивалась охрана жертв.

Длительное удержание потерпевших предполагало организацию их повседневных условий, что, в свою очередь, проявлялось в оснащении бытовых, нежилых помещений спальными местами, топчанами, койками, кухонными принадлежностями, приспособлениями для обогрева мест удержания и приборами для приготовления пищи. Места эксплуатации потерпевших содержали вещи и предметы, предназначенные для организации работы жертвы, наибольшее распространение среди которых имели предметы интимной гигиены, одежда и обувь, строительный и уборочный инвентарь.

Изложенные данные подчеркивают предопределенность обстановки совершения посягательств на свободу личности способами их совершения и личностными свойствами преступников и потерпевших. Взаимосвязи и взаимозависимости указанных данных образуют систему взаимодействующих факторов, позволяющих судить о сущности произошедшего и о событии преступления [10, с. 16; 11, с. 49]. Знание обстановки совершения захвата, перемещения, удержания и эксплуатации жертвы или хотя бы некоторых ее составляющих позволяет: построить версии о преступниках, установить примерный район их нахождения; определить способы и механизм преступления, его цели и мотивы; выявить следы отражения преступной деятельности в ходе ее подготовки, совершения и сокрытия; выделить источники криминалистически значимой информации (возможных свидетелей, данные операторов связи, записи камер видеонаблюдения) [12, с. 32; 13, с. 39].

Подводя итог изложенному, отметим, что корреляции данных криминалистической характеристики преступлений составляют ее неотъемлемую, практико-ориентированную составляющую информационной модели исследуемых посягательств. Взаимосвязи и взаимозависимости анализируемых данных позволяют субъектам расследования использовать комплекс аналитических, тактико-

криминалистических средств в целях решения задач уголовного судопроизводства: смоделировать событие преступления и механизм его совершения; спрогнозировать местонахождение криминалистически значимых данных (следов преступления, вещей, предметов, документов), направления и средства их поиска и обнаружения; установить круг лиц и версий, которые необходимо проверить; предположить местонахождение потерпевшего и разработать тактические операции (комбинации) по его освобождению; запланировать комплекс оперативно-розыскных, следственных и процессуальных действий.

Список литературы

1. Бессонов А.А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 251 с.
2. Гармаев Ю.П. Криминалистические методики расследования и судебного разбирательства: состояние концепции и перспективы развития // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V междунар. науч-практ. конф. Симферополь-Алушта: ИТ «Ариал», 2017. С. 35-39.
3. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей теории криминалистической теории // Вестник МГУ. Серия «Право». 2000. № 2. С. 3-13.
4. Архив Бутырского районного суда г. Москвы // Уголовное дело № 01-0060/2016.
5. Архив Центрального районного суда г. Хабаровска // Уголовное дело № 1-27/2017.
6. Чулахов В.Н. Значимость понимания сущности индивидуализации навыков для оценки их признаков // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 377-380.
7. Тыдыкова Н.В. О проблемах установления субъективной стороны в половых преступлениях против несовершеннолетних, совершаемых бесконтактным способом // Уголовное право. 2023. № 1. С. 65-72.
8. Калюжный А.Н. Предварительная проверка сообщений о преступлениях: понятие и этапы производства // Юридическая наука. 2013. № 1. 60-62.
9. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2002. 304 с.
10. Винокуров С.И. Основные вопросы методики расследования преступных нарушений правил обращения со взрывчатыми материалами: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 25 с.
11. Гавло В.К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений: сбор. науч. труд. Иркутск, 1980. С. 49-50.

12. Ишигеев В.С., Гаврилов Е.А., Пясецкий С.В. Обстановка совершения корыстных преступлений в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним // *Baikal Research Journal*. 2016. Т. 7, № 6. С. 28-50.

13. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // *Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов*. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 38-39.

Н.Н. Ковтун, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

АКТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО КАК ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Доктрине российского уголовно-процессуального права и следственной практике достаточно известны суждения о центральной роли и определяющем значении акта привлечения в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России. Особая ценность последнего, напомним, виделась в том, что законное и обоснованное вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого наиболее полно гарантировало реализацию прав обвиняемого:

на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката, ибо именно с момента вынесения данного акта представители адвокатского сообщества могли быть «допущены» в досудебный уголовный процесс для целей представления (отстаивания) интересов и прав доверителя;

ознакомление стороны защиты с юридической и фактической сутью инкриминируемого следствием обвинения (следственного утверждения о виновности; п. 22 ст. 5 УПК РФ) для целей выработки тактики и стратегии защиты от этого обвинения, в том числе посредством приведения доводов защиты относительно законности и обоснованности данного акта;

законное применение наиболее существенных мер процессуального принуждения, ибо отдельные из них могли быть реализованы лишь в отношении лица, привлеченного в качестве обвиняемого. Временные пределы применения других носили пресекательный характер и были поставлены в зависимость от вынесения этого акта (ст. 100 УПК РФ);

определение надлежащей формы осуществления предварительного расследования, так как именно юридическая квалификация деяния, приведенная в акте о привлечении в качестве обвиняемого, являлась определяющей в этом моменте. Кроме того, именно следственное утверждение о виновности определяло суть и содержание обвинительного заключения по делу, предмет и пределы рассмотрения дела в суде (ч. 1 ст. 252 УПК РФ).

Не менее акцентировалось и материальное значение акта «привлечение в качестве обвиняемого». Практика была практически однозначна в константе о том, что посредством этого процессуального акта уголовно преследуемые лица привлекаются к уголовной ответственности (как обязанности дать ответ за со-

вершенное деяние, подвергнуться за него осуждению, наказанию и судимости) [1, с. 431].

В итоге, именно в диалектике указанных составляющих институт привлечения в качестве обвиняемого постепенно оформился как центральный, определяющий акт всего досудебного производства по делу. Однако со временем благоговейный трепет перед особой ценностью этого акта несколько «потерял» в своей сакральности. И, прежде всего, в силу нарастающих нормативных новаций, по сути, которых:

обеспечение права уголовно преследуемых лиц на оказание квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника оказалось практически не связанным с актом привлечения в качестве обвиняемого, поскольку было поставлено в зависимость от наличия, не менее значимых и столь же императивных юридических фактов (ч. 3 ст. 49 УПК РФ);

процессуальные статусы обвиняемого и подозреваемого (особенно в части обеспечения основных прав и гарантий) стали настолько тождественны, что не только доктрина, но и непосредственно практика все более ставят вопрос о рациональности одновременного «присутствия» в досудебном уголовном процессе субъектов со столь совпадающим статусом [2, с. 13-17];

сам процесс досудебного расследования обрел упрощенные процессуальные формы (гл. 32, 32.1 УПК РФ) и акт привлечения в качестве обвиняемого, в своем «классическом» следственном виде (ст. 171-175 УПК РФ), оказался несколько невостребованным. При этом вне каких-либо особо негативных последствий для задач и целей процесса [3, с. 18-22].

Кроме того, при общей бюрократизации процесса должностные лица и органы, ведущие предварительное расследование, исходя из ведомственных запросов, настолько модифицировали суть и материально-правовое назначение этого центрального акта досудебного этапа производства по делу, что из фундаментальной нормы-гарантии он преобразовался в необременительную и не всегда к «месту» используемую процессуальную фикцию. Приведем, к примеру, (не основанное на законе, но императивное по факту) требование прокуратуры о вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого в отношении лиц, задержанных в порядке ст. 91-96 УПК РФ. Требования с явной акцентуацией «угрозы» о признании данного задержания незаконным, с властным «намерением» на то, что вне объективации «обвинения» прокурор никак не поддержит ходатайство следственных органов перед судом о применении к задержанному меры пресечения — заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). В итоге, несмотря на то, что единственно легальным основанием для вынесения данного процессуального акта является доказанность обстоятельств, указанных в пунктах 1-4 части 1 статьи 73 УПК РФ, следственные органы вынужденно «оформляют» дежурный акт привлечения в качестве обвиняемого в условиях, когда процесс доказывания еще на самом начальном этапе.

К примеру: следственным отделом ОМВД России по Академическому району города Москвы гражданин Б. задержан в качестве подозреваемого (ст. 92 УПК РФ). После составления протокола о задержании с 16 часов 15 минут до 17 часов 30 минут гр. Б. допрошен в качестве подозреваемого. В 17 часов 45 минут гр. Б. предъявлено обвинение, по, сути которого он с 18.00 часов до

19 часов 15 минут допрошен в качестве обвиняемого [4, с. 20-21]. Как видим, на обоснование законного и обоснованного обвинения (акта привлечения к уголовной ответственности) 15 минут для следствия в целом достаточно.

Не менее «дежурные» роли объективирует указанный акт и в той ситуации, когда меры пресечения применяются в отношении подозреваемого по правилам статьи 100 УПК РФ. Категорическое требование закона о предъявлении («дежурного») обвинения в течение 10 (45) суток или немедленной отмене избранных мер пресечения однозначно объективируется процессуальной фикцией; к примеру, в тех ситуациях, когда обвиняемый скрылся от следствия и, соответственно, объявлен в розыск. Или, например, когда он известен для целей «предъявления» этого акта, но в отношении него годами и более решаются вопросы об экстрадиции (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Еще более нивелировала материальную ценность этого акта известная следственная практика перепредъявления «дежурного» обвинения — нередко неоднократного, но полностью неизменного как в юридической, так и в фактической части; как следствие, выполняющего исключительно формальные процессуальные роли, но ни никак не действительно акта привлечения к уголовной ответственности. Например: Постановлением Уст-го районного суда Удмуртской Республики уголовное дело в отношении О. и В., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 195, частью 4 статьи 159 УК РФ, возвращено прокурору в связи с нарушением требований УПК РФ, допущенных при составлении обвинительного заключения (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Согласно обвинению, О. и В. инкриминируется хищение в составе группы лиц по предварительному сговору. Между тем соучастники преступной деятельности в хищении в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указаны, их роль в хищении в содержании обвинения не отражена, условия предварительного сговора не приведены, общая сумма совместно похищенного имущества в результате единого преступного умысла не указана. В итоге, данное обвинение противоречит установленным статьей 252 УПК РФ пределам проведения судебного разбирательства, ...ухудшает положение обвиняемых, затрудняет реализацию их права на защиту в связи с невозможностью проверить доводы обвинения, возражать против него и отстаивать свою позицию [5].

Между тем отметим, обвинение О. и В. на протяжении 2 лет предварительного расследования предъявлялось более 6 раз; формула и формулировка последнего при этом фактически не изменялись; общий срок следствия по делу составил более 29 месяцев.

О максимально наработанной, ведомственно одобряемой практике предъявления обвинения в последние сутки расследования, с одновременным представлением для ознакомления участникам всех материалов уголовного дела (ст. 215-218 УПК РФ), когда времени на защиту от этого обвинения просто «не предусмотрено», даже вспоминать неприлично. Равно как и о том, что в отличие от структуры и содержания обвинительного заключения по делу, следователи в принципе не считают для себя обязательным приводить в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого систему доказательств, послуживших основанием (фактической основой) для итоговых утверждений. В итоге утверждение следственных органов о фактической и юридической стороне содеянного,

суммируемое в подобном постановлении, не дает представления ни о фактической основе итоговых выводов следствия, ни о мотивировке решения [6, с. 16-18].

Преломляясь через ведомственное понимание законности, формально составленный, неоднократно «дежурно» предъявленный акт привлечения в качестве обвиняемого создает лишь видимость должной правовой процедуры, должных правовых оснований, обеспечения прав и гарантий. Как следствие, в научном и правовом обороте все более объективируются характеристики акта привлечения в качестве обвиняемого как обвинения «первоначального», которое нельзя сравнивать с обвинением «окончательным», формируемым в обвинительном заключении [7]; обвинения «промежуточного» [8] и обвинения «окончательно следственного»; «обвинения государственного» и «окончательно судебного» [9]. Эти «новации» достаточно широко восприняты и судебной системой России, не усматривающей ничего предосудительного в том, что в рамках производства по делу не только утверждение о виновности, но и важнейший материально-правовой акт привлечения лица к уголовной ответственности может быть перманентно «промежуточным», «первоначальным», «окончательно следственным» или «окончательно судебным» [10].

«Деконструкция» акта привлечения в качестве обвиняемого, естественно, не осталась незамеченной в науке российского права. В доктрине объективируются суждения о том, что как для целей процесса, так и для задач формирования легального процессуального статуса уголовно преследуемых лиц оптимальным и достаточным является акт уведомления о подозрении. Акт вынесения «дежурного» обвинения, в его действующей нормативной редакции, становится явно излишним для оптимизации следственной деятельности и его следует «упразднить» [2, с. 16; 12, с. 135-137]. Вместе с тем поскольку судебное рассмотрение дела осуществляется исключительно в отношении обвиняемого и в пределах предъявленного ему обвинения (ст. 252 УПК РФ), как акт привлечения в качестве обвиняемого, так и одновременно материальный акт привлечения к уголовной ответственности должен быть трансформирован кардинально; в том числе обеспечивая конституционное право [13, с. 103]:

на своевременное ознакомление обвиняемых с сутью и содержанием инкриминируемого им обвинения; с исчерпывающим приведением и анализом в итоговом акте как фактической стороны инкриминируемых следственных утверждений, так и их итоговой юридической оценки – в форме итоговой квалификации содеянного по конкретным статьям, части, квалифицирующим признакам действующего уголовного закона;

на полное ознакомление стороны защиты со всей системой сформированных (на этот момент) обвинительных доказательств по делу; причем, как в единстве фактических сведений о деянии, так и непосредственно законного источника «происхождения» этих релевантно значимых данных;

на формирование такого порядка привлечения лица к уголовной ответственности, при котором утверждение о виновности, фактической стороне инкриминируемых деяний, их юридической квалификации по нормам УК РФ, должно отражать окончательную и согласованную позицию в целом стороны обвинения относительно сути уголовного притязания-иска, подлежащего внесению в суд. Любая «конкуренция» следственных и прокурорских утверждений

о виновности обвиняемого к моменту объективации этого акта должна быть а priori исчерпана (п. 2 ч. 1 ст. 221, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Действующая конструкция института привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171-175 УПК РФ) практически не в состоянии обеспечить реализацию этих задач; следствием чего является его практически полная дискредитация. Надо признать, что реальным актом привлечения уголовно преследуемого лица к уголовной ответственности (обязанности дать ответ за совершенное деяние: в форме осуждения, наказания и судимости) является акт утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта). Доводы в рациональность указанного заключаются в том:

что в настоящее время акт привлечения в качестве обвиняемого по факту выполняет сугубо служебные, процессуальные роли. Он, как правило, не обоснован; содержит лишь следственно-прогностическую квалификацию содеянного; в итоге, не воспринимается в качестве реального акта привлечения к уголовной ответственности. Свидетельством тому служат «дежурные» изменения этого обвинения, исключение ключевых следственных утверждений в части и полностью, перманентное перепредъявление обвинения (по факту, перманентное «перепривлечение» к уголовной ответственности);

законное, обоснованное и окончательное обвинение по факту объективируется в форме обвинительного заключения (акта). Именно этот итоговый акт досудебного производства по делу максимально системно и полно включает в себя изложение фактической стороны обвинения с приведением и анализом всех релевантно значимых доказательств по каждому эпизоду преступных деяний, каждому обстоятельству. Здесь же изложены доводы стороны защиты, приведенные в опровержение утверждений следственных органов, результаты их проверки следствием (в дальнейшем и прокурором). В итоге, именно на этой объективной основе обосновывается юридическая квалификация содеянного, формируются итоговые утверждения обвинения-иска, адресуемого на рассмотрение и разрешение суда;

рационально и то, что в этом акте законность и обоснованность итоговых обвинительных утверждений легко верифицируется стороной защиты посредством обращения к первоисточникам тех доказательств, которые закреплены в материалах дела. Как следствие, обеспечение конституционного права на защиту от инкриминируемого обвинения становится не иллюзорным, а реально гарантией;

известно и то, что именно обвинительное заключение служит непосредственным предметом проверки и оценки суда, как в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и при рассмотрении дела по существу. В итоге, существующая в современном законе обязанность суда в императивном порядке проверять, насколько суть и содержание этого акта соответствуют «последней» редакции постановления о привлечении в качестве обвиняемого, становится бессодержательной;

установление такого порядка предъявления обвинения оправдано и с позиций материального права, поскольку предметом рассмотрения дела по существу выступает притязание обвинительной власти о наказании, которое принадлежит

исключительно государству. Следственный орган не является субъектом самостоятельного формирования и внесения этого притязания-иска в суд. Именно прокуратура обязана сформировать (утвердить) итоговый публичный иск-утверждение о виновности и праве государства на наказание. На основе этого утверждения реализовать материальный акт привлечения лица к уголовной ответственности.

На то, что именно обвинительное заключение, а не постановление о привлечении в качестве обвиняемого, определяет предмет и пределы судебного рассмотрения и разрешения дела, однозначно указывают и правовые позиции высшего органа конституционного правосудия. Как следствие, векторы актуального реформирования досудебного уголовного судопроизводства России выверены нормативно, теоретически и практически.

Проблемы, во-первых, лишь в готовности прокуратуры реально взять на себя ответственность за законное и обоснованное привлечение обвиняемых (именем государства) к уголовной ответственности; в осознании прокуратурой своей истинной роли и в акте привлечения в качестве обвиняемого и акте привлечения к уголовной ответственности.

Во-вторых, в надуманно-двойственных подходах российского законодателя к формированию статуса прокурора в нормах ст. 221-222 УПК РФ. Несмотря на то, что на этот момент дело фактически уже «принято к производству» самостоятельным органом обвинительной власти, прокурор фактически лишен реальных властных полномочий по распоряжению обвинением (как уголовным притязанием-иском). Он не вправе ни изменить данное обвинение в фактической или юридической части, ни отказаться от уголовного преследования, в том числе по мотиву нецелесообразности его внесения в суд. Это парадокс, но по делу, поступившему с постановлением о применении к лицу принудительных мер медицинского характера, прав у прокурора несравненно больше, чем по делу, по которому он должен сформировать государственное обвинение и принять решение о его внесении в суд. Пора преодолеть заблуждения и стереотипы в этих моментах и однозначно признать, что нормы статей 221-222 УПК РФ — это не заключительный этап предварительного следствия по делу, где прокурор по факту связан процессуальной самостоятельностью и независимостью следственных органов. Это самостоятельная, достаточно значимая процессуальная стадия формирования государственного обвинения по делу (привлечения уголовно-преследуемого лица к уголовной ответственности), и прокурор на этом этапе должен обладать всем объемом правомочий и прав по распоряжению обвинительным иском. В том числе и в части отказа от последнего по мотивам нецелесообразности его внесения в суд.

Список литературы

1. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

2. Гаврилов Б.Я. Подозреваемый, обвиняемый — возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 13-17.
3. Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 16-22.
4. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 20-21.
5. Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики № 22-1032/2016 от 19 мая 2016 г. по делу № 22-1032/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).
6. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 15-18.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 857-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухарева А.А. на нарушение его конституционных прав статьями 171, 172 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).
8. Правовед.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoved.ru/question/1560529-postanovlenie-o-privlechenii-v-kachestve-obvinyaemogo/> (дата обращения: 12.03.2024).
9. Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=37945#011386233650826283> (дата обращения: 12.03.2024).
10. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 881-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крушинского В.А. на нарушение его конституционных прав статьями 164, 172, 195 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.12.2018 № 58-АПУ18-14 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).
12. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123-137.
13. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1. С. 98–105.

А.Е. Федюнин, д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Н.М. Перетяцько, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] одной из задач ОРД является установление лиц, совершивших преступление. Розыскная деятельность в современных условиях является одной из самых социально необходимых и востребованных функций органов внутренних дел.

Ежегодно по различным основаниям органами внутренних дел разыскивается более 0,5 млн граждан. На протяжении последних десяти лет на территории России сформировалась устойчивая тенденция к увеличению числа разыскиваемых лиц всех категорий. Общее число объектов розыска ежегодно в среднем увеличивается на 4-5%.

По данным МВД России, ежегодно в розыске находится около 100 тыс. подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда. В результате осуществления розыскной работы около 80% указанных лиц оказываются найденными, что свидетельствует о достаточной эффективности работы органов внутренних дел. Однако достигнутые результаты эффективности розыска сопровождаются рядом проблем организационного и правового характера, которые требуют решения.

Состояние организации и эффективности розыскной работы напрямую влияет на оперативную обстановку и авторитет правоохранительных органов в целом. Именно поэтому вопросам совершенствования этого направления работы органов внутренних дел руководством МВД России постоянно уделяется самое серьезное внимание. Они обсуждаются на различных совещаниях, конференциях, в специальной литературе.

В целях совершенствования розыскной работы, на наш взгляд, необходимо обратить самое серьезное внимание на основные, реально существующие общие и частные проблемы, заметно снижающие эффективность осуществления розыскной работы. Часть из этих проблем уже имеет определенную историю, но не имеет своего разрешения. Другая часть вызвана потребностью сегодняшнего дня.

В данной статье мы остановимся на некоторых узловых проблемах организации и осуществления розыскной работы органов внутренних дел:

- несовершенство действующей нормативно-правовой базы;
- организационно-штатное обеспечение розыскной работы;
- информационно-техническое и аналитическое обеспечение розыскной работы;

– взаимодействие субъектов розыскной работы.

Проблемы розыска лиц, совершивших преступления, сегодня во многом обусловлены несовершенством действующего законодательства и ведомственной нормативно-правовой базы. Как известно, за последние годы произошел ряд коренных изменений в уголовном законодательстве, либерализовавших правоприменительную практику, расширивших структуру и географию разыскиваемых лиц. Эффективность розыскной деятельности существенно снижается «прозрачностью» границ, ростом миграционных потоков на территории стран-участников СНГ, вызванных спецификой рынка труда и лояльностью институтов регистрации. Хотя следует отметить, что Главное управление по вопросам миграции МВД России в последнее время активизировало работу по наведению порядка в этой сфере.

Несовершенство правового регулирования деятельности, связанной с розыском скрывающихся от правосудия лиц, неверное толкование отдельных положений норм УПК РФ практическими работниками препятствует эффективному осуществлению работы по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания.

Действующий УПК РФ с точки зрения организации розыска подозреваемого или обвиняемого создает труднопреодолимые препятствия. В частности, он первоначально, с момента принятия, не предусматривал процедуру заочного вынесения постановления об избрании меры пресечения в виде ареста заочно ни внутри России, ни в отношении лиц, скрывающихся от органов расследования за рубежом. Кроме того, действующий УПК РФ содержит некоторые препятствия для эффективного розыска лиц, а также допускает неоправданную конкуренцию ряда норм, определяющих механизм розыскной работы.

Так, в ч. 3 ст. 210 УПК РФ говорится, что при объявлении обвиняемого в розыск в отношении него может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случаях, предусмотренных ст. 108 УПК РФ. Одновременно с этим ч. 5 ст. 108 УПК РФ напрямую связывает возможность вынесения такого решения в его отсутствие только в случае его объявления международный либо межгосударственный розыск.

Однако объявление фигуранта в международный розыск связано с выполнением целого ряда непростых процедурных требований и в практике правоохранительных органов, которые регламентируются «Инструкцией о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц» [2] и встречается не так часто. Таким образом, розыск обвиняемого, в отношении которого не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, затруднен. Сотрудник уголовного розыска к тому же лишен возможности удержания разысканного на законных основаниях, до момента его представления в суд для решения вопроса об избрании меры пресечения.

По нашему убеждению, а также мнению большинства ученых [3, с. 5] и практиков, решить проблему своевременного помещения под стражу подозреваемого или обвиняемого, находящегося в розыске, можно только путем законо-

дательного дозволения (внесения изменений в УПК РФ), т.е. заочного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Возможность «заочного» избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, скрывшегося от следствия и суда, не противоречит и существующей международно-правовой практике.

Другой причиной увеличения количества объявляемых в розыск лиц является применение в их отношении мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. В деятельности следственных аппаратов и органов дознания немало проявлений нерешительности, обусловленных субъективными факторами. Зачастую обвиняемые, совершившие особо тяжкие преступления, ранее судимые лица, не имеющие постоянного места жительства, и граждане других государств не арестовываются. Лишь в исключительных случаях проводятся мероприятия, способствующие предупреждению возможного уклонения их от следствия. Приходится констатировать, что при их задержании с мерой пресечения, не связанной с заключением под стражу, на территории другого региона у него можно взять только объяснение и обязать явкой к инициатору розыска. В этой связи большое количество таких лиц объявляются в розыск повторно.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что действующая нормативно-правовая база не учитывает изменений, произошедших в законодательстве Российской Федерации. Отсутствует расширение поля разыскиваемых в части, касающейся категории подозреваемых в совершении преступлений, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда. Соответственно, отсутствует база, регламентирующая перечень документов, необходимых для представления органами предварительного расследования в розыскные подразделения для организации розыска подозреваемых.

Исследуя вопрос о перспективах законодательного регулирования розыскной деятельности, следует согласиться с мнением ряда ученых о необходимости принятия единого правового акта об организации и тактике розыскной работы органов внутренних, аккумулирующего в себе многочисленные приказы и инструкции, действующие в настоящее время [4].

Таким правовым актом мог бы стать Федеральный закон «О розыскной деятельности». Разработка и принятие подобного нормативного акта позволила бы: систематизировать законодательную базу в сфере правового регулирования розыскной деятельности; свести до минимума противоречия между нормативными актами, регулирующими данную область правоотношений; в значительной степени уменьшить ведомственное регулирование отношений, затрагивающих права и свободы граждан; сократить число нормативных документов, регламентирующих розыскную работу; разграничить функции и обеспечить координацию и взаимодействие различных министерств и ведомств, которые в большей или меньшей степени связаны с организацией розыскной деятельности; создать закон, приемлемый для изучения и правоприменения не только правоохранительными органами, но и населением [5, с. 74].

Произошедшие в последние годы организационно-штатные изменения в структуре розыскных подразделений уголовного розыска привели к снижению результативности розыскной работы и ослаблению управленческого воздействия на органы внутренних дел в данной сфере. При проведении реорганизационных мероприятий руководители практически всех МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации не учли сложившуюся оперативную обстановку в сфере розыска лиц, глубоко не вникли в сущность решаемых розыскниками задач, потому что относятся к ним как к дополнительной нагрузке, отвлекающей от основных функций. В итоге на сегодняшний день нагрузка на одного оперуполномоченного, осуществляющего розыскные функции, по России в среднем составляет около 120 дел в год. Вместе с тем исследование, проведенное ВНИИ МВД РФ, показало, что оптимальной можно считать нагрузку, не превышающую 30-32 дела, а количество специалистов розыскной работы должно составлять до 10-12% от общей численности подразделений уголовного розыска.

Из этого следует, что в условиях ограниченности кадровых ресурсов одним из направлений повышения эффективности розыскной работы является оптимизация розыскных усилий, заключающаяся в освобождении сотрудников розыскных подразделений от избыточных функций.

Также следует отметить, что комплектование, техническая оснащенность, обеспечение оргтехникой и автотранспортом работников розыскных подразделений практически повсеместно осуществляются по остаточному принципу, что в конечном итоге существенно снижает качество розыскной работы.

В последние годы происходит «вымывание» наиболее квалифицированного слоя сотрудников-розыскников. Во многих регионах ежегодно увольняется 5-6-я часть профессионально подготовленных сотрудников; 50% сотрудников имеет стаж работы в уголовном розыске до 3 лет, т.е. по существу они только осваивают профессию.

По ориентировочным оценкам ВНИИ МВД России, для достижения относительного оптимального режима и результатов работы штат сотрудников указанной категории в целом по стране испытывает дефицит в 300 единиц штатной численности.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что кадровый вопрос по-прежнему остается острым и существенно влияет на качество розыскной работы.

Хотелось бы отметить, что основой правоохранительной деятельности является преемственность поколений, сохранение традиций российского сыска и опыта предшественников. Еще 140 лет назад, говоря о значении организационно-штатных мероприятий для улучшения основ полицейской службы, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепов, отмечал: «Только с принятием этого штата в полном его объеме власть и значение полиции возвысятся до той степени, на которой они должны стоять в каждом благоустроенном государстве для достижения цели своего назначения, и что только при этом условии представится возможность привлечь на службу в полицию людей компетентных

и отвечать за них, а также водворить в действиях Столичной Полиции надлежащую силу и быстроту» [6].

Другим не менее важным направлением в повышении эффективности розыскной работы органов внутренних дел является ее информационно-техническое обеспечение. В частности, информационно-аналитическое обеспечение розыска лиц различных категорий осуществляется информационными подразделениями органов внутренних дел на основе формирования централизованных розыскных и дактилоскопических учетов — учета лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов и лиц, которые не могут сообщить о себе установочные сведения, а также лиц, объявленных в местный, федеральный и межгосударственный розыск. Внедрение систем оперативной идентификации позволяет: устанавливать личность задержанных лиц, скрывшихся преступников, неопознанных трупов; способствует установлению местонахождения и задержанию лиц, находящихся в розыске выявлению у одного лица наличия нескольких документов, удостоверяющих личность, с разными установочными данными.

Централизация всей информации в одном банке данных позволяет не только увеличить объем массива, доступного сотрудникам всех подразделений ОВД, но и обеспечивает пересечение различных массивов. Указанная информация может использоваться не только оперативными подразделениями, но и следственными органами. Например, изображения группы лиц указывают на их связи, изображения лиц на фоне помещения или участков местности — на место их нахождения.

Дальнейшее совершенствование информационно-аналитического обеспечения розыскной деятельности связывается с созданием подразделений оперативной идентификации. В соответствии с решением руководства МВД России в ГИАЦ МВД России действует центр оперативной (биометрической) идентификации. В рамках одной организационной структуры проводится попытка объединения трех информационных массивов: розыскных учетов лиц, банка дактилоскопической информации и банка фото- и видеoinформации. Формирование и ведение указанных учетов и банков данных осуществляется с целью информационного обеспечения розыска лиц, установления личности неопознанных трупов и неизвестных лиц, установления местонахождения лиц, пропавших без вести, а также скрывающихся от правоохранительных органов.

В целом система информационно-аналитического обеспечения розыскной работы должна обеспечивать решение как минимум трех основных задач, каждая из которых обрабатывается в рамках автономной информационной подсистемы. В задачи первой подсистемы входит ведение учета лиц, находящихся в розыске, сбор сведений о задержании лиц, информирование сотрудников правоохранительных органов о лицах, находящихся в розыске, информирование инициатора розыска о задержании лица. Задачи второй подсистемы состоят в сборе сведений о пассажиропотоке на железнодорожном и авиатранспорте, о гражданах, находящихся в гостиницах, и сравнение их со сведениями о лицах, находящихся в розыске. Задачами третьей подсистемы являются сбор сведений

о разыскиваемых лицах, их связях, судимости, наличии недвижимости и транспортных средств, а также иной информации, способствующей розыску. Создание новой системы с биометрическими параметрами позволит увеличить количество разысканных лиц с использованием информационных систем, сократить сроки розыскных мероприятий и финансовые затраты на их проведение.

Важную роль в механизме информационного обеспечения розыскной работы ОВД играют ресурсы сети Интернет. В контексте массовой информатизации общества следует обращать особое внимание на действия физических лиц в различных социальных сетях, что позволяет, с одной стороны, совершать различные преступления (мошенничество, иные хищения, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.), а с другой, — при проведении розыскной работы получать актуальную информацию о конкретных фигурантах и круге их общения. Не менее важным аспектом данного направления розыскной деятельности является сотрудничество оперативно-розыскных служб с провайдерами, что позволяет осуществлять мониторинг коммуникаций, в том числе отслеживать электронную переписку, блокировать нежелательный контент. При своевременном и надлежащим образом проводимом судебном санкционировании указанных действий такие методы могут быть эффективны для решения задач ОРД с минимальным вмешательством в сферу гарантированных Конституцией прав граждан.

Наряду с совершенствованием информационных систем и их централизацией одним из важнейших направлений в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел является обеспечение доступа оперативных сотрудников к централизованным розыскным учетам со своего рабочего места. В этом плане особый интерес вызывают автоматизированные рабочие места (АРМ), основное предназначение которых заключается в повышении эффективности работы сотрудников за счет автоматизации его труда. Автоматизированные рабочие места могут работать как в режиме личного рабочего места, так и в сетевом варианте, позволяющем создавать региональные и общероссийские баз данных, содержащие информацию нормативно-правового характера, шаблоны оперативно-служебных документов, схемы и алгоритмы выявления и раскрытия преступлений. Информатизация рабочих мест сотрудников уголовного розыска с возможностью удаленного доступа к розыскным учетам позволит им заполнять учетные документы в электронном виде, отправлять копии постановлений в электронном виде, контролировать внесение сведений в базы данных, получать информацию о задержании лиц органами внутренних дел других субъектов Российской Федерации и государств-участников СНГ. Иллюстрацией может служить АРМ «Розыскник», предназначенное для сотрудников розыскных подразделений, но практически работниками они используются в недостаточной степени [7].

Говоря об информационно-техническом обеспечении розыскной работы, необходимо отметить, что в настоящее время органами внутренних дел на транспорте широко используются возможности программно-технического ком-

плекса (ПТК) «Розыск-Магистраль». Основное предназначение ПТК «Розыск-Магистраль» — это выявление в пассажиропотоке лиц, находящихся в розыске. Работа в данном направлении ведется с 1996 г., и за этот период Департамент обеспечения правопорядка на транспорте МВД России достиг существенных результатов. В то же время проблемы по внедрению ПТК на морском и речном транспорте связаны с большим количеством судовладельцев, компаний и туристических фирм, арендующих суда. Неурегулированность порядка сбора и представления сведений о пассажирах в органы внутренних дел на транспорте срыывает возможность своевременной их проверки и принятия, соответствующих мер по выявлению и задержанию разыскиваемых лиц.

Не менее важными, влияющими на эффективность розыскной деятельности органов внутренних дел, являются проблемы, возникающие при взаимодействии сотрудников уголовного розыска с ГУВМ МВД России, ФСБ, ФТС и другими субъектами. Известно, что значительное влияние на криминальную обстановку в стране и организацию розыскной работы оказывает повышенная миграция населения, в том числе из стран ближнего зарубежья.

Нередки факты, когда органы предварительного следствия не применяют п. 1.3 ст. 108 УПК РФ к лицам, нарушившим ранее избранную меру пресечения. Так, например, лицо, находившееся в розыске с мерой пресечения «подписка о невыезде» устанавливалось, розыскное дело прекращалось, мера пресечения не изменялась, уголовное дело направлялось в суд. В дальнейшем лицо повторно объявлялось в розыск судом за неявки на судебные заседания.

Обозначенные нами проблемы розыскной работы не являются исчерпывающими, а предложения бесспорными. Но их актуальность не вызывает сомнений и требует дальнейшего обсуждения и разрешения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Инструкция «О едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц». [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/gU5WwxTiPo.doc. (дата обращения: 22.02.2022).
3. Баркалова Е.В., Макогон А.А. Выдача лица для уголовного преследования: актуальные вопросы теории и практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 3-6.
4. Кириллов О.П., Огрохина А.Н. Правовые, организационно-тактические и методические вопросы деятельности розыскных подразделений органов внутренних дел: учеб. пособие. М.: Московская академия МВД России, 2002.
5. Буряков Е.В. Проблемы совершенствования правового регулирования розыскной деятельности // Полицейское право. № 1. 2005. С. 73-74.
6. Петербургское градоначальство. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и сто-

личной полицией с 1866 по 1876 г. СПб.: Тип. Канцелярии Санкт-Петербург. градоначальника, 1876. 31 с.

7. Авдашкевич Л.А. Современное состояние информационного обеспечения розыскной работы органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2013, № 5. С. 145-149.

Е.Н. Яковец, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, г. Люберцы

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Преступления, выявление, предотвращение, пресечение и раскрытие которых относятся к компетенции таможенных органов (таможенные преступления), характеризуются следующими основными криминогенными признаками: 1) повышенной общественной опасностью последних; 2) их направленностью на причинение вреда внешнеэкономической деятельности государства; 3) пересечением предметом незаконной коммерческой или финансовой деятельности таможенной либо государственной границы при его ввозе, вывозе или возврате; 4) нарушением установленных норм таможенного и уголовного законодательства. К числу указанных преступлений относятся:

1) незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ);

2) незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ);

3) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ);

4) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ);

5) незаконный экспорт из Российской Федерации или передача товаров, технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль (ст. 189 УК РФ);

6) невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ);

7) уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ);

8) совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ);

9) уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ);

10) контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ);

11) контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов (ст. 226.1 УК РФ);

12) контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1 УК РФ)¹.

Согласно положениям п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, по пяти составам из двенадцати таможенные органы осуществляют предварительное расследование в форме дознания в полном объеме. Это касается, в частности, следующих преступлений:

1) статья 193, ч. 1. Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации;

2) статьи 193.1, ч. 1. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов;

3) статьи 194, ч. 1, 2. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица;

4) статьи 200.1, ч. 1. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, (наряду с пограничными органами).

5) статьи 226.1, ч. 1. Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов.

¹ Относившаяся ранее к данному перечню ст. 200.2 УК РФ (Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий) с 1 апреля 2024 г. утратила силу.

По остальным составам, включая и невыделенные выше части отмеченных статей, дознаватели таможенных органов в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ проводят лишь неотложные следственные действия, а дальнейшее расследование в зависимости от подведомственности осуществляют следственные подразделения МВД России, ФСБ России или Следственного комитета РФ.

На стадии документирования результатов ОРД в ходе выявления, пресечения и раскрытия указанных преступлений важную роль играет организация тесного взаимодействия оперативных подразделений таможенных органов (ОП ТО) с подразделениями таможенных расследований и дознания (ПТРД), а в процессе дальнейшей работы по большинству составов — и со следователями других ведомств.

С согласия своего руководства сотрудник ОП ТО на любой стадии документирования результатов ОРД должен располагать возможностью обратиться к руководителю ПТРД за содействием в правовой оценке имеющейся у него оперативной информации, а также за иными необходимыми разъяснениями, касающимися процессуальной перспективы ее использования. Указанные материалы следует представлять с соблюдением требований по защите сведений, составляющих государственную тайну. Руководитель ПТРД должен поручить их рассмотрение тому дознавателю, который в перспективе будет их использовать в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела. Срок изучения результатов ОРД, как правило, согласуется между руководителями ПТРД и ОП ТО, однако, по логике вещей, он не может превышать 10 суток. В неотложных случаях изучение указанных материалов должно осуществляться незамедлительно.

Критериями оценки готовности результатов ОРД для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела призвано явиться наличие в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а именно:

- сведений о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, а также иные имеющиеся фактические данные по каждому установленному эпизоду преступной деятельности;
- обстоятельств, при которых они обнаружены;
- установочных и характеризующих сведений о лицах, его совершивших, а также об иных объектах документирования и очевидцах преступления;
- информации о местонахождении предметов и документов, которые могут явиться вещественными доказательствами;
- данных о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

После изучения материалов дознавателем они должны быть возвращены в ОП ТО. Если содержащиеся в них данные не подтверждают наличия признаков преступления, к ним следует приложить соответствующие письменные рекомендации по осуществлению дополнительных мероприятий, направленных на получение необходимых сведений. В том случае если представленные материалы соответствуют предъявляемым требованиям, руководителю ОП ТО целесообразно инициировать их рассекречивание и направление официальным порядком в ПТРД.

На практике нередки случаи, когда подозреваемый задерживается с поличным в ходе совершения преступления. В этом случае время для согласования действий с дознавателем у сотрудника ОП ТО отсутствует. Однако и в этой ситуации необходимо хотя бы в устной форме согласовать с ним тактику дальнейшего документирования преступной деятельности фигуранта, предъявления его на опознание свидетелям и очевидцам преступления, проведения очных ставок, обысков и иных неотложных следственных и процессуальных действий. В ходе допросов лиц, задержанных по подозрению в совершении таможенных преступлений, особое внимание должно уделяться документированию их первоначальных показаний, поскольку нередко в процессе уголовного судопроизводства обвиняемые от них отказываются.

Особые требования должны предъявляться к оперативной проверке задержанных и арестованных в ИВС или СИЗО. Эта проверка призвана способствовать решению двух основных задач — выявлению дополнительных доказательств вины подозреваемых по эпизодам, за которые они были привлечены к уголовной ответственности, и установлению их возможной причастности к совершению иных нераскрытых преступлений. При оперативной проверке в условиях изоляции лиц, отличающихся повышенной общественной опасностью, для достижения наиболее оптимальных результатов целесообразно использовать дополнительные оперативные возможности. Их проверка при необходимости должна продолжаться и в условиях исправительных учреждений после вынесения приговора в рамках оперативного взаимодействия с сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

После решения вопроса о возбуждении уголовного дела взаимодействие между сотрудниками ОП ТО и дознавателями осуществляется в рамках организационно-тактической формы ОРД *«оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства»*. Наряду с выполнением отдельных поручений дознавателей, а в некоторых случаях и следователей — в ходе дальнейшего предварительного следствия по уголовным делам отмеченной выше категории — данное сопровождение должно быть направлено на преодоление противодействия уголовному судопроизводству со стороны криминалитета. Оно представляет собой *комплекс законных и противоправных деяний, препятствующих функционированию правоохранительных органов*. К ним относятся разнообразные приемы, уловки, а также деяния криминальной среды провокационного характера, препятствующие эффективному расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел, а также способствующие минимизации назначаемого уголовного наказания. Оно может замедлять и даже приостанавливать уголовное судопроизводство за счет инициирования различных неблагоприятных факторов, в числе которых могут фигурировать:

- сокрытие или уничтожение орудий, средств и следов преступления;
- подбрасывание ложной информации, вещественных доказательств, а также появление в материалах судопроизводства подставных свидетелей;

- направление различного рода жалоб в надзорные и контролирующие инстанции с целью дискредитации сотрудников подразделений правоохранительной деятельности ТО и их обвинения в совершении незаконных действий;
- оказание психологического, а нередко и физического воздействия на дознавателя или следователя в расчете на его отказ от дальнейших действий по изобличению подозреваемых и обвиняемых;
- аналогичное воздействие на потерпевших и свидетелей с целью склонения последних к изменению своих показаний;
- оказание давления на судопроизводство в целом с помощью коррумпированных высокопоставленных должностных лиц из органов власти, а также средств массовой информации, формирование благоприятного для преступной среды общественного мнения и психологического фона и др.

Не секрет, что в преступных сообществах имеются свои «мозговые центры», разрабатывающие сценарии психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов. К числу основных задач подобных аналитических структур относятся: выявление лиц, фактов и объектов, представляющих для них интерес; добывание, проверка и анализ различных сведений для определения наиболее благоприятных условий достижения преступных замыслов, а также для планирования оптимальных способов совершения противоправных деяний с учетом минимизации риска разоблачения.

Для организации каналов поступления разведывательной информации преступные сообщества выделяют значительные материальные средства. По этим каналам организуется утечка сведений о ходе оперативных проверок, касающихся представителей уголовной среды, а также о планируемых таможенными органами операциях.

Добытию необходимых криминальным структурам сведений во многом способствует достаточно высокая техническая оснащенность организованной преступности, позволяющая осуществлять контроль за радиочастотами правоохранительных (в том числе таможенных) органов, перехват радио- и телефонных переговоров сотрудников оперативных групп, выезжающих на места происшествий, прослушивание служебных и домашних телефонов оперативных сотрудников, дознавателей и следователей с целью получения информации, значимой для установления противоправных контактов с ними. Организованными преступными группировками широко применяются средства и методы, аналогичные тем, которые используются в ОРД. Нередко к осуществлению подобных действий привлекаются профессионалы из числа бывших сотрудников правоохранительных органов.

Одним из источников утечки из ТО в организованные преступные структуры осведомительной информации являются отдельные коррумпированные сотрудники. Преступные формирования постоянно ведут среди сотрудников правоохранительных органов поиск и целенаправленную психологическую обработку лиц, способных предать интересы службы. Нередко для этих целей применяются такие формы воздействия, как *запугивание*, *дискредитация*, *подкуп* и др. В связи с этим руководители таможенных органов в ходе оперативно-розыскного сопровождения расследуемых уголовных дел должны организовыв-

вать мероприятия по нейтрализации указанных негативных факторов, исходя в каждом случае из конкретных обстоятельств дела, и при необходимости — инициировать государственную защиту дознавателей, следователей, судей, сотрудников ОП ТО и других участников уголовного судопроизводства, а также их близких.

Если обвиняемые по уголовным делам лица не признают своей вины, установленной и доказанной в ходе предварительного расследования, то на этой стадии должны выявляться дополнительные обстоятельства их преступной деятельности с учетом использования потенциала всех возможных оперативных мер, имеющихся в распоряжении ОП ТО.

Помимо оказания криминального давления на сотрудников таможенных и иных государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, злоумышленники могут инициировать негативное воздействие на объективность *судебного разбирательства*. До его начала в СМИ нередко появляются материалы, раскрывающие обстоятельства совершенного преступления и проведенного предварительного расследования в контексте, выгодном подсудимым. Дискредитирующая правоохранителей информация может быть подана как интервью защитника, так называемое «журналистское расследование», или как комментарии «независимых специалистов» (юристов, экологов, правозащитников и др.) в СМИ. При определении тактики нейтрализации этой формы противодействия уголовному судопроизводству необходимо иметь в виду, что основная масса журналистов, выступающих с подобными публикациями, сами нередко становятся жертвами заблуждений. Людям, не имеющим профессиональных навыков выявления и квалификации преступлений, сложно при определенных условиях отличить объективные факты от тех, которые сфабрикованы злоумышленниками. Однако встречаются среди журналистов и такие, кто достаточно хорошо осознает, в чем именно заключается суть событий, и сознательно, из-за материальной выгоды идет на фальсификацию тех или иных фактов в угоду представителям криминала. Суду же порой нелегко бывает принять объективное решение по существу дела после того, как под влиянием СМИ общественное мнение в части, касающейся виновности или невиновности определенных лиц, уже сформировано.

Для противодействия подобным информационным угрозам необходимы совместные усилия представителей пресс-служб силовых структур в сочетании с использованием возможностей неангажированных СМИ, а также активное применение по отношению к инициаторам клеветнических измышлений уголовно-правовых и гражданско-правовых мер.

Значительную опасность для разрешения дела по существу в суде представляют высказываемые в адрес судей угрозы, касающиеся физической расправы с ними, их близкими, уничтожении их имущества и т.п., с целью заставить последних принять неправосудные решения по рассматриваемым уголовным делам. В отдельных случаях злоумышленники добиваются своих целей, поскольку судьи, большинство из которых женщины, как правило, не обладают прочными навыками самообороны, обращения с огнестрельным оружием и специальными средствами защиты. Реальный же уровень обеспечения их государственной за-

щиты, инициируемой в соответствии с действующим законодательством [1], не всегда оказывается достаточным. Злоумышленники порой не останавливаются даже перед совершением новых преступлений с тем, чтобы уничтожить или фальсифицировать доказательства, уличающие подсудимых. Подобные деяния обычно применяются как крайняя мера в тех случаях, когда иные способы противодействия оказываются неэффективными [2].

При получении в ходе применения оперативно-розыскных мер документальных свидетельств причастности тех или иных лиц к оказанию противодействия уголовному судопроизводству последние могут быть привлечены к уголовной ответственности за следующие преступные деяния: воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) и др. [3, с. 12-13]. Однако и эти меры не всегда оказываются эффективными.

Несколько слов следует сказать относительно взаимодействия оперативных подразделений непосредственно с *судьями* при рассмотрении уголовных дел по существу в суде. Формально такое взаимодействие возможно, о чем свидетельствуют положения Закона об оперативно-розыскной деятельности [4, ст. 11, ч. 2] и межведомственной Инструкции о результатах ОРД [5]. Однако к этим положениям, доставшихся нам в «наследство» с советских времен, следует относиться критически. В советский период суд являлся государственным органом власти и выполнял четко определенные правоохранительные функции [6, с. 28–33]. Современный российский суд таковым не является. Согласно положениям ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, судопроизводство в России осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Поэтому судья не вправе инициировать действия, в том числе с использованием оперативно-розыскных мер, которые ставили бы в неравное положение одну из сторон судебного разбирательства (в частности, сторону защиты). Исключения могут составлять, пожалуй, лишь постановления суда о розыске подсудимых в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ.

Тем не менее документированные результаты ОРД, соответствующие требованиям ст. 89 УПК РФ, все же могут быть приняты судом как основа для формирования судебных доказательств, однако во избежание возможных протестов со стороны защиты, инициатива в этом плане должна исходить не от оперативников, а, например, от прокурора как должностного лица, осуществляющего уголовное преследование на судебных стадиях уголовного судопроизводства. Представление результатов ОРД прокурору или государственному обвинителю отвечает международным требованиям к использованию в суде информации такого рода [7, с. 41-42].

В заключение следует отметить, что достижение целей ОРД таможенных органов по борьбе с преступлениями, регистрируемыми по линиям их деятельности, возможно лишь на основе формирования и принятия компетентных орга-

низационно-управленческих решений и организационно-тактических мер. Результативность деятельности ОП ТО во многом обеспечивается за счет надлежащей организации исполнения их основной оперативно-розыскной функции, различные формы реализации которой находятся между собой в тесной взаимосвязи. Неиспользованным в этом плане резервом повышения эффективности работы ОП ТО является повышение качества их взаимодействия с подразделениями таможенных расследований и дознания, а также следственными подразделениями иных ведомств. Эта работа должна постоянно находиться на контроле у руководителей таможенных органов различного уровня.

Список литературы

1. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. 1995. 26 апреля.
2. Тесников А.И. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2002. 269 с.
3. Бордиловский Э.И. Оперативно-розыскное обеспечение процесса расследования преступлений: лекция. М.: Академия управления МВД России, 1993. 48 с.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.). Ст. 11, ч. 2 // Российская газета. 1995. 18 августа.
5. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, или в суд, утвержденная приказом МВД России, МО РФ, ФСБ России, ФСО России, ФТС, Служба ВР России, ФСИН, ФСКН, СК Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.
6. Суд и правосудие в СССР: учебник / под общ. ред. засл. юриста РСФСР проф. А.Т. Бажанова и проф. В.П. Малкова. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. 400 с.
7. Викулов О.В. К вопросу о возможности представления результатов оперативно-розыскной деятельности суду // Оперативник (Сыщик). 2014. № 1 (38). М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014. С. 41-42.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

О.Е. Авилова, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, г. Барнаул

О.А. Блинова, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, г. Барнаул

РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

В современных условиях мирового финансового кризиса, затрагивающего, в числе прочего, и сферу таможенных правоотношений, а также в российских условиях сложной экономической ситуации, требующей проведения серьезных реформ, обостряется проблема обеспечения законности и правопорядка при осуществлении таможенными органами своих функций.

В сфере таможенного дела одной из гарантий утверждения режима законности является прокурорский и судебный контроль. Одним из таких органов, обеспечивающих этот режим, выступает Прокуратура Российской Федерации, которая в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации, в частности Конституцией РФ, ФЗ «О прокуратуре» и другими актами, наделена функциями осуществления надзора за соблюдением действующего на момент проведения такого надзора законодательства всеми лицами, находящимися на территории РФ, в том числе теми лицами, которые перемещают через границу РФ определенные товары и предметы, а также лицами, напрямую взаимодействующими в этот момент с упомянутыми субъектами со стороны Российской Федерации, то есть таможенными органами, возглавляемыми Федеральной таможенной службой (ФТС) РФ. Прокурорский надзор на сегодняшний день представляет одну из эффективных форм деятельности всей системы органов прокуратуры по обеспечению законности, выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона.

Следует отметить, что прокурорский надзор — это не просто форма деятельности, а по мнению В.В. Сорокиной, Г.С. Беляева, — процессуальная деятельность, нацеленная на установление фактических обстоятельств реализованного правонарушения, а также на восстановление ранее нарушенных прав, в том числе с их мнением о том, что под прокурорским надзором следует понимать правовую форму государственной деятельности (важнейший компонент в механизме правового регулирования), а сущность современного отечественного прокурорского надзора видят в предупреждении и устранении ранее допущенных нарушений законов [1, с. 122-123].

В юридической литературе существуют и иные подходы к определению понятия и сущности прокурорского надзора. Так, ряд авторов прокурорский надзор рассматривают как самостоятельную правовую отрасль и функцию отечественной прокуратуры, как форму осуществления правоохранительной функции [2, с. 27].

Другие исследователи определяют прокурорский надзор в качестве вида деятельности федеральных органов прокуратуры, которая реализуется от имени Российской Федерации и заключается в ревизии точности соблюдения предписаний Конституции, исполнения действующих на государственной территории законов [3, с. 16]. По мнению А.П. Гуляевой, это определенная разновидность контроля [4, с. 7]. М.Ю. Рагинский и С.Г. Новиков, анализируя сущность современного отечественного прокурорского надзора, считают, что прокуратура не осуществляет административные, законотворческие и судебные функции. Данный орган реализует надзор за тем, чтобы должностные лица и поднадзорные органы власти нарушений актуальных правовых актов не допускали [5, с. 45], в данном случае многие считают, что суть прокурорского надзора состоит в обеспечении эффективного правового режима без вмешательства в работу поднадзорных органов (структур).

Несмотря на подобное разнообразие мнений и позиций указанных авторов по понятию прокурорского надзора, единой является специфичность данного правового института, не исключающая самостоятельность и проявление особенностей и черт, отличающих его от иных видов контрольной деятельности.

Деятельность органов прокуратуры традиционно связана с понятием законности — основополагающим принципом, основанным на требовании неуклонного соблюдения законов и соответствующих подзаконных актов, в равной мере предъявляемом ко всем гражданам, организациям и должностным лицам без исключения. В данном случае Прокуратура Российской Федерации как орган надзора за соблюдением законности играет ключевую роль в контроле над исполнением законов, в том числе таможенными органами и их должностными лицами.

Правовой статус российских органов прокуратуры закреплен в ст. 129 Конституции РФ и в статье 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ». Данный государственный орган обладает особым конституционно-правовым статусом и занимает определенное положение в системе органов государства, что проявляется в их независимости от каких-либо других органов государственной власти, а также неотнесении ни к одной из известных ветвей власти.

В соответствии со статьей 1 ФЗ РФ № 2202-1 «О прокуратуре РФ», для обеспечения верховенства и единства закона, укрепления принципа законности, охраны свобод (прав) населения, охраняемых актуальным законом социальных и государственных интересов, прокуратура РФ осуществляет надзор (контроль) за исполнением правовых актов, предметом которого служит соблюдение положений Конституции, исполнение действующих в стране законов федеральными исполнительными органами и должностными лицами. Таможенные органы принадлежат к исполнительным органам власти, а поэтому их деятельность входит в содержание такого вида прокурорского надзора, который получил название общего надзора.

Помимо названных актов правовую основу осуществления прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности таможенных органов составляет широкий круг нормативно-правовых актов, включающий Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), Федеральный закон

«О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», указания и приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, например, от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур», от 20.06.2016 № 356 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере». Особое место в правовой основе занимает принятое указание Генерального прокурора Российской Федерации «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в таможенной сфере».

Анализ данных Центрального таможенного управления за 2020 г. свидетельствует, что протесты прокурора выносятся, как правило, на постановления по делам о нарушении таможенных правил. При этом более чем 79% протестов прокурора подлежат удовлетворению [6]. Но следует отметить, что, согласно данным ФТС, представленным в обзоре актов прокурорского реагирования за первое полугодие 2023 г., внесенных в рамках производства по административным делам о действиях и бездействии в отечественных таможенных органах (структурах), общее количество внесенных актов прокурорского реагирования по сравнению с 2022 г. уменьшается. Если в 2022 г. в таможенные и судебные органы принесено 711 актов прокурорского реагирования, то в 2023 г. их 570. В первом полугодии 2023 г. зафиксировано около 76500 дел об административных правонарушениях (что на 1948 больше по сравнению с I полугодием 2022 г.). В 2022 г. только по административным делам наказаний назначено было на сумму, превышающую 25,5 млрд руб. (в I полугодии 2023 г. – примерно 18,5 млрд руб.) [7]. Это цифры говорят об эффективности проводимых мероприятий и улучшении деятельности таможенных органов по соблюдению законодательства.

Проблема соблюдения законности при осуществлении таможенными органами своих функций всегда имела и имеет особую важность, а тем более сегодня, когда на фоне сложившихся условий и ограничений совершенствование работы ФТС России, как и таможенной деятельности в целом, реализуется в условиях серьезных внутренних и внешних угроз и рисков. Это свидетельствует о том, что необходимо более пристальное внимание к организации прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов. Сложившаяся ситуация во многом связана с изменениями таможенного законодательства, появлением огромного массива нормативных актов различной направленности, в том числе и самого ТК ЕАЭС.

Таможенные органы являются объектом прокурорского надзора, поскольку их работа регламентирована не только Конституцией РФ и различными законами, но и как раз этим огромным массивом нормативно-правовых актов, которые эти органы и их должностные лица обязаны соблюдать, исполнять в своей деятельности. А принимаемые таможенными органами официальные документы не должны противоречить нормативно-правовым актам федерального уровня.

Особое место в правовой основе занимает принятое указание Генерального прокурора Российской Федерации «Об усилении прокурорского надзора за ис-

полнением законодательства в таможенной сфере», в котором четко определены задачи по обеспечению качественного и эффективного надзора за исполнением таможенного законодательства при прибытии товаров на таможенную территорию ЕАЭС и их убытии, при совершении таможенных операций, связанных с декларированием и выпуском товаров, их классификацией, исчислением и взысканием таможенных платежей, при контроле и корректировке таможенной стоимости, применении мер тарифного и нетарифного регулирования, реализации таможенными органами полномочий в области валютного контроля, при включении в реестры и исключении из них таможенных представителей, перевозчиков, владельцев складов временного хранения, уполномоченных экономических операторов, а также других лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела [8].

Следует отметить, что есть определенные моменты, связанные с осуществлением прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов, обусловленную соотношением национального законодательства с законодательством других государств.

Так, при осуществлении прокурорского надзора необходимо руководствоваться российским таможенным законодательством, однако невозможно игнорировать международное законодательство, которое вместе с национальным регулирует отношения в сфере таможенного дела, что требует тщательного комплексного исследования такого законодательства. Однако оценка в рамках проведения прокурорского надзора действий таможенных органов с учетом международного законодательства не представляется таким же естественным, как в случае с национальным законодательством. К примеру, Таможенный кодекс ЕАЭС подлежит исполнению на территории РФ, однако носит международный характер, как следствие, он не может рассматриваться в качестве закона, действующего на территории РФ. В свою очередь, необходимо отметить, что исполнение федерального законодательства входит в традиционный предмет прокурорского надзора.

Таким образом, проблема прокурорского надзора за деятельностью таможенных органов обусловлена необходимостью соблюдения баланса между национальным и международным законодательством.

Прокурорский надзор должен осуществляться с учетом как российского таможенного законодательства, так и международных правовых норм. Это требует тщательного комплексного исследования законодательства и его применения в рамках прокурорского надзора. Для реализации эффективного надзора (контроля) за надлежащим соблюдением фундаментального законности в таможенных органах Российской Федерации существуют специализированные виды прокуратуры, как один из структурных элементов комплексной системы российских органов прокуратуры, — транспортные прокуратуры.

Особенности функционирования транспортных прокуратур регламентированы действующим приказом Генеральной прокуратуры РФ № 211 от 15.07.2011.

К структуре современных российских транспортных прокуратур относятся:

- региональные (приравненные по закону к прокуратурам субъектов) транспортные прокуратуры;

- районные транспортные прокуратуры;
- Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Генеральной прокуратуры РФ.

В соответствии с Приказом № 211 Генерального Прокурора РФ на указанные виды прокуратур возложены следующие полномочия по осуществлению надзора (контроля) за деятельностью отечественных таможенных органов:

- контроль за исполнением нормативно-правовых актов о государственной службе;
- положений отечественного законодательства в области противодействия распространению коррупции в органах таможни;
- исполнением нормативно-правовых актов, а также соблюдением прав граждан, согласно установленным компетенциям;
- санкционированием арестов собственности как механизма обеспечения реализации решений таможенных структур (органов) по взысканию налогов и пошлин за счет другого имущества плательщиков;
- исполнением нормативно-правовых актов в процессе производства по различным делам о правонарушениях в сфере таможенного дела;
- исполнением нормативно-правовых актов в рамках распоряжения имуществом, обращенным в собственность федерального уровня, вещественными доказательствами по совершенным в сфере таможенного права уголовным (административным) делам;
- оперативно-розыскной деятельностью органов таможни;
- уголовно-процессуальной деятельностью отделов таможен, отвечающих за следственную деятельность и др.

Основанием для осуществления различного рода проверок в части исполнения законодательства в сфере обеспечения таможенного контроля относятся: сообщения СМИ, обращения граждан (должностных лиц), в частности, субъектов ВЭД, акты проверок (ревизий) Счетной палаты, ФТС и ФНС РФ, материалы надзорных ревизий по другим сферам надзора, данные оперативно-розыскного характера, административные (уголовные, арбитражные и др.) дела [9, с. 25].

Представление и протест являются основными мерами прокурорского реагирования, применяемые в результате выявленных нарушений в ходе проверок.

Так, с начала января по 30 июня 2023 г. в таможенные органы внесено 132 представления прокуроров по линии административного производства, что практически аналогично показателю прошлого года — 140 представлений [7].

Среди оснований для вынесения представлений: непринятие мер по возбуждению дел об АП, неполнота административного производства, неуведомление лиц о времени и месте составления процессуальных документов, опечатки, допущенные должностными лицами таможенных органов в постановлениях по делам об АП.

Что касается протестов, то в указанный период в 2023 г. прокурорами как в таможенные органы (структуры), так и в судебные органы принесено около 420 протестов на различные постановления органов таможенной сферы по административным делам [7]. Это намного меньше, чем в 2022 г. за аналогичный

период (569 протестов). Стоит отметить, что таможенными органами и судами рассмотрено 354 протеста, из которых 293 удовлетворено полностью либо частично, 79 — не удовлетворено.

Причинами принесения 80 протестов явились опечатки и ошибки, допущенные должностными лицами таможенных органов в постановлениях по делам об административных правонарушениях, а именно неверное указание ИНН, ФИО, наименования или адреса привлеченного к административной ответственности лица, некорректное указание реквизитов для оплаты штрафа и т.д. Среди причин принесения остальных 42 протеста являются процессуальные нарушения по делам административных правонарушений в таможенной сфере.

Хотелось бы отметить, что надзорная деятельность органов прокуратуры за деятельностью таможенных органов имеет специфическую особенность, а порой даже сложность в решении поставленных перед транспортным прокурором задач в ходе осуществления своей деятельности.

Это можно связать с рядом объективных и субъективных факторов. Например, к одному из таких факторов можно отнести наличие у сотрудников, осуществляющих такого рода надзор, определенных знаний в области таможенного права, таможенного дела. Другим фактором, определяющим специфику прокурорского надзора, является множественность участников внешнеэкономической деятельности (с учетом их деления, например, по правовому статусу, по характеру внешнеэкономической деятельности и т.д.). Также сюда можно отнести сложность, связанную с наличием большого количества актов нормативно-правового регулирования в области деятельности таможенных органов в связи с многоуровневостью таможенного законодательства, его постоянным реформированием как на национальном уровне, так и наднациональном (имеется ввиду таможенное законодательство Евразийского экономического союза, международных актов, наличие судебной практики, судебных решений в области таможенного дела).

На наш взгляд, прокурорский надзор (контроль) деятельности современных таможенных структур (органов) следует определить как особую процессуальную деятельность, по сути представляющую юридическое выражение социальных связей по урегулированию общественных отношений в области таможенного дела в официальных юридических документах, ориентированную на восстановление прав участников внешней экономической деятельности. Прокурорский надзор играет важную роль в профилактике правонарушений, так как с помощью прокурорского надзора достигается не только исполнение законов, а также выявление готовящихся правонарушений на ранних стадиях их формирования и имеет существенное значение в защите прав человека и гражданина в различных сферах жизнедеятельности.

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности таможенных органов необходимо использовать весь спектр информации (оперативной, статистической, справочной) из различных источников, включающих интернет-ресурсы, а также различные приемы и методы ее анализа, позволяющие выявить скрытые нарушения закона. Представляется, что только комплексный подход к организации и осуществлению прокурорского надзора позво-

лит прокурорам добиться реализации целей по снижению уровня преступности в таможенной сфере.

Список литературы

1. Беляев В.П., Беляев Г.С., Сорокина В.В. Надзор как процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 122-123.
2. Зяблина М.В. Типичные недостатки прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 27
3. Винокуров Ю.Е. Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 571 с.
4. Гуляева А.П. Контрольные государственные органы России. М., 2000. С. 7.
5. Новиков С.Г., Рагинский М.Ю. Прокуратура в системе советского государственного аппарата // Правоведение. 1974. № 3. С. 45.
6. Текущий архив Федеральной таможенной службы за 2020 г.
7. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов РФ за 1 полугодие 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deya-43ЮРИДИЧЕСКАЯНАУКАtel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/427991?ysclid=lpwj947ber554815114> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Указание Генеральной прокуратуры РФ «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в таможенной сфере» от 27.04.2018 № 254/23 // Законность. 2018. № 7.
9. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о таможенном контроле / НИИ «Академия Генеральной Прокуратуры РФ». М., 2010. С. 25.

В.С. Акимов, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, мировой судья судебного участка № 454 района Богородское города Москвы, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПРОДЛЕНИИ СРОКА ИХ ДЕЙСТВИЯ

Относить состязательность к числу общих принципов уголовного судопроизводства обычно отказываются по причине существенного ограничения ее реализации в досудебных стадиях процесса [19, с. 89-90]. В юридической литературе представлены крайне противоречивые подходы к установлению пределов действия состязательности. Достаточно часто подчеркивается, что состязательность свойственна исключительно стадии судебного разбирательства, но при этом ей все-таки придается статус принципа уголовного процесса [8, с. 3-7;

16, с. 14-77; 33, с. 44-47]. Во вполне привычном для нашей страны делении уголовного процесса на стадии досудебного и судебного производства, а равно в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности на досудебном этапе следователями и дознавателями, зачастую усматривают неминуемое сведение идеи состязательности к нулю, полное пренебрежение равенством сторон до начала судебного разбирательства [18, с. 97]. Но есть и те, кто сомневается в правомерности столь категоричных утверждений, обосновывает действие состязательности не только во всех стадиях, но и на всех этапах производства по уголовным делам, придавая ей значение «сквозного» принципа уголовного процесса [38, с. 6].

Многочисленные работы, посвященные вопросам состязательности, в большей степени затрагивают общетеоретические вопросы [43, с. 4-7; 35, с. 16-17] или сводятся к обоснованию или отрицанию действия состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса [13, с. 176-178; 22, с. 102-109; 9, с. 14-17; 7, с. 88-91; 45, с. 91-94], либо рассматривают проблемы процессуального противостояния органов предварительного расследования и стороны защиты, а также участия адвоката-защитника в доказывании [25; 24, с. 30-33], либо к выявлению недостатков регламентации и практики применения отдельных процедур судебного контроля [35, с. 18-20; 21, с. 22-25; 17, с. 73-75; 11, с. 84-87; 36, с. 225-235].

Справедливости ради заметим, что процессуалисты, не видящие объективных препятствий для распространения воздействия состязательности на предварительное расследование, все же сопровождают свою точку зрения дополнительными пояснениями [23, с. 80]. Обычно, к примеру, указывают, что состязательность проявляется в ходе предварительного расследования в той или иной степени [3, с. 21-22], обозначают действие отдельных ее элементов, частично состязательных начал [14, с. 260, 291; 6, с. 189; 35, с. 12; 40, с. 97]. При этом наделение участников уголовного судопроизводства правом обжалования в суд любых действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и прокурора неизменно рассматривается в качестве безусловного проявления состязательности [22, с. 106].

Однако при любом подходе невозможно отрицать очевидное: УПК РФ выгодно отличается от ранее действовавшего уголовно-процессуального закона, наделяя сторону защиты гораздо более широкими полномочиями в части отстаивания своих интересов, оспаривания законности и обоснованности уголовного преследования. Облик досудебного производства значительно изменился именно под воздействием состязательности. Тем не менее полностью подчинить этому принципу стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, достичь в этой части уголовного судопроизводства абсолютной (полной) состязательности, радикально не изменив весь порядок досудебного производства, — невозможно.

Состязательная модель судопроизводства основа на признании за участниками уголовного судопроизводства противоположных интересов, которые порождают правовой конфликт, требующий разрешения со стороны суда, деятельность которого направлена на нахождение разумного баланса между публичным

и частным интересом, предоставляя сторонам равные возможности в отстаивании прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом, тем самым обеспечивая справедливое разрешение конфликта.

Направленность и содержание уголовно-процессуальной деятельности суда определяется посредством обеспечения состязательности при рассмотрении судом любого вопроса, в связи с чем следует согласиться с мнением судьи в отставке С.В. Бурмагина, полагающего, если состязательное начало удалить из судебной деятельности, она неизбежно меняет свою суть и трансформируется из правосудной в административную [10, с. 45].

Прежде всего состязательный характер судебно-контрольных производств проявляется в том, что инициатива в осуществлении контрольно-проверочной деятельности находится в компетенции участников уголовного судопроизводства, а именно стороны обвинения и стороны защиты, а суд становится участником предварительного производства по уголовному делу только на основании инициативы одной из сторон. Сторона, которая выдвигает процессуальное требование, имея свой публичный либо частный интерес, не в состоянии разрешить возникший вопрос без участия суда, а суд, являясь независимым и беспристрастным органом, не вправе принять какое-либо решение без привлечения к разбирательству противоположную сторону.

Рассмотрение поступившего в адрес суда вопроса, за исключением получения разрешения суда на производство отдельных негласных процессуальных действий, происходит, как правило, в открытом судебном заседании, в котором стороны обладают равными процессуальными правами на заявление ходатайств, предоставление доказательств, участие в их исследовании, доведение до суда собственной позиции по рассматриваемому вопросу и обжалование судебного решения.

Судом исследуются представленные стороной доказательства и материалы, подтверждающие необходимость удовлетворения заявленного ходатайства, в случае участия противоположной стороны — исследуются также документы, подтверждающие необоснованность поставленного перед судом вопроса, требующего разрешения. Кроме того, судом заслушиваются мнения участников уголовного судопроизводства, привлеченных для участия в деле, первой представляет свою позицию сторона, обратившая в суд, затем выясняется позиция возражающей стороны.

Указанный порядок в принципе при рассмотрении большинства ходатайств, жалоб аналогичен установленному уголовно-процессуальным законом порядку судебного разбирательства по уголовному делу.

Как представляется, в максимально возможной степени принцип состязательности реализуется при избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения по судебному решению. При рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а с недавних пор и запрета определенных действий, стороны обвинения и защиты должны обосновать свою позицию о наличии или отсутствии оснований для этого, убедить суд в невозможности или, напротив, целесообразности примене-

ния в отношении подозреваемого, обвиняемого иной, более мягкой меры пресечения. Тем не менее и здесь сохраняются отдельные проблемы и недостатки, свидетельствующие о необходимости дальнейшего совершенствования процессуального порядка избрания мер пресечения.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на действие принципа состязательности при рассмотрении судом вопросов об избрании меры пресечения. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П разъясняется, что при решении вопросов, связанных с содержанием под стражей в качестве меры пресечения, предполагается исследование судом фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы вопрос о содержании под стражей не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты [34].

Несмотря на то, что в большинстве случаев суды удовлетворяют ходатайство органа расследования в части избрания меры пресечения, это вовсе не указывает на отсутствие состязательности: обращение в суд с ходатайством об аресте или избрании иной меры пресечения, как правило, является обоснованным и мотивированным, а по тем делам, по которым необходимость ареста сомнительна, следователь или дознаватель в суд не обращается, избирая подписку о невыезде и надлежащем поведении. Так, в 2022 г. судами по первой инстанции рассмотрено 97 311 ходатайств о заключении под стражу и удовлетворено 87 687 (90,11%) ходатайств, отказано в удовлетворении 9 624 (9,89%) ходатайств. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судами избирались меры пресечения в виде домашнего ареста — 3 407 (35%), запрета определенных действий — 1 321 (13,73%), залога — 42 (0,44%).

В этот же период времени судами рассмотрено 201 240 ходатайств о продлении срока содержания под стражей, из которых удовлетворено 197 032 (97,91%) ходатайства, отказано в удовлетворении — 4 208 (2,09%). При отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей судом избирались меры пресечения в виде домашнего ареста — 1 799 (42,75%), запрета определенных действий — 495 (11,76%), залога — 31 (0,74%) [32].

Инициатива при избрании меры пресечения исходит от стороны обвинения в лице органа расследования: следователь, дознаватель обращаются в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Крайне редко следствие или дознание предлагает суду избрать подозреваемому, обвиняемому меру пресечения в виде домашнего ареста или залога.

Ходатайство об избрании перечисленных мер пресечения следователь возбуждает с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель — с согласия прокурора (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). При производстве дознания окончательное решение о выборе меры пресечения остается за прокурором, и в соответствии с приказом Генеральной прокуратуры России от 26 января 2017 г. № 33

«Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (п. 17, 18) [30] прокурор с особой тщательностью должен проверять основания избрания меры пресечения дознавателем, а также продления срока содержания под стражей.

Если уголовное дело находится в производстве органа предварительного следствия, с ходатайством об избрании меры пресечения обращается следователь, согласие он получает от руководителя следственного органа, при этом позиция следователя и его руководителя не всегда совпадает с позицией прокурора, что приходится видеть и по резонансным делам. Приказ Генеральной прокуратуры России от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» предписывает обязательное участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств об избрании, продлении мер пресечения и иного процессуального принуждения, таких как заключение под стражу, домашний арест, залог. При подготовке к судебному заседанию прокурор обязан изучить приложенные к ходатайству следователя материалы, обращая внимание на соответствие постановления следователя требованиям УПК РФ и установленным в ходе расследования обстоятельствам (п. 1.6) [30].

Особо важно заметить, что несмотря на установленное вышеуказанным пунктом приказа правомочие прокурора по осуществлению надзора за законностью применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, применяют эту меру процессуального принуждения суд. В то же время возникает вопрос о том, имеют ли право и соответствующие полномочия органы прокуратуры осуществлять надзор за судебной деятельностью, не является ли такая деятельность прокурора скрытой формой прокурорского надзора за судом.

В развитие этого предположения предлагается суждение С.П. Щербы и А.В. Поповой о том, что прокурор, принимая участие в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, выступает на стороне обвинения, выполняет прежде всего надзорную функцию, направленную на соблюдение требований закона при применении указанной меры пресечения [46, с. 22-26].

Если же предположить, что указанная надзорная функция не является сутью полномочий прокурора в рассматриваемой категории судебных производств, то возникает вопрос о значении заключения прокурора, которое уголовно-процессуальными нормами, регулирующими судебный контроль в досудебном производстве, не предусмотрено.

В случае если роль прокурора сводится лишь к должностному лицу, высказывающему суду квалифицированное мнение по вопросу избрания меры пресечения либо продления срока ее действия, тем самым оказываемая им правовая помощь в принятии решения не уменьшает значение и роль суда, наделенного всей полнотой власти при принятии данного решения. К тому же считать, что деятельность прокурора ограничивается лишь оказанием помощи суду при разрешении конкретного вопроса, неверно, поскольку в данном случае нивелируется значимость органов прокуратуры, а также не учитывается право прокурора

обжаловать судебное решение, принятое по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства.

Вместе с тем стороны судебного-контрольного производств, такие как руководитель следственного органа либо следователь, в производстве которого находится уголовное дело, лишены права обжаловать решение суда, поскольку согласно уголовно-процессуального закону такое право для них не предусмотрено. В научной литературе на основе изученной судебной практики предлагалось закрепить право следователя обжаловать решение суда, но такой подход не нашел повсеместного распространения [20, с. 85-89].

Принцип состязательности требует некоторого единства мнений той или иной стороны, в том числе и единства позиции стороны обвинения при избрании меры пресечения. Вместе с тем именно при избрании меры пресечения сторона обвинения довольно часто не выступает в единстве органов предварительного следствия и прокуратуры. На несогласование позиций следствия и прокуратуры обращено внимание в процессуальной литературе.

Так, И.С. Дикарев одобряет сложившуюся ситуацию, при которой прокурор и орган предварительного следствия не связаны больше общими процессуальными интересами и функциями, что позволяет им действовать в уголовном процессе самостоятельно и независимо друг от друга. Позиция следственного органа по вопросам избрания меры пресечения может не совпадать с позицией прокурора, последний более не подходит на роль представителя и защитника интересов предварительного следствия в суде [15, с. 80].

Однако многие ученые и практики (в основном представляющие интересы прокуратуры, в том числе А.Г. Халиулин [44, с. 30], Т.Л. Оксюк [31, с. 7]) критикуют сложившуюся ситуацию и выступают за возвращение прокурору полномочий по надзору за следствием, в том числе и при избрании меры пресечения. Прокурор должен располагать реальной возможностью определять позицию стороны обвинения в судебном заседании на основе собственной оценки доказательств, собранных следователем по уголовному делу, и оценки доводов и материалов, представленных стороной защиты в судебном заседании [5, с. 32].

Последовательная реализация принципа состязательности в досудебном производстве приведет к возвращению прокурорских полномочий по надзору за предварительным следствием, прежде всего при решении судом вопросов в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ, включая избрание меры пресечения.

В противном случае возникает ситуация превращения прокурора в «третью» сторону, каковая при состязательности невозможна и явно противоречит ст. ст. 5 (п. 45, 47), 15 и гл. 6 УПК РФ. В гражданском процессе, в котором состязательность имеет давние традиции, закон и учение о субъектах предусматривают только две стороны — истец и ответчик, так называемое третье лицо участником основного спора не является и стороной не становится (ст.ст. 38, 42, 43 ГПК РФ).

В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность хода-

тайства (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Таким образом, алгоритм процессуальных действий органа предварительного расследования при избрании меры пресечения определен законом. Вместе с тем именно здесь возникают вопросы со стороны защиты об обеспечении состязательности.

Процессуалисты, занимающиеся адвокатской деятельностью, указывают, что их возможности в состязательном процессе при рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения весьма ограничены. Так, по мнению Н.В. Азаренка и А.А. Давлетова, «в условиях состязательности сторон защита должна быть своевременно информирована об аргументах следователя с тем, чтобы противостоять им и выдвигать свои доводы. Однако действующий УПК РФ не содержит ни одной нормы, закрепляющей право уголовно преследуемого лица и его защитника знакомиться с материалами, представленными следователем в суд, с ходатайством о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу» [1, с. 9].

Если при решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей будет заявлено ходатайство об ознакомлении с материалами, на основании которых принимается решение, судья, исходя из положений ч. 3 ст. 47 УПК РФ, не вправе отказать лицу, а также его защитнику, законному представителю или потерпевшему, его представителю, законному представителю в удовлетворении такого ходатайства (п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее — ППВС № 41))[28]. Практика идет по пути предоставления стороной обвинения разного объема материалов суду и стороне защиты (см. хотя бы вышеуказанных авторов), но такая позиция весьма оспориμα. Открытое судебное заседание предполагает равное знание материалов, на основании которых суд принимает решение. Вместе с тем исключения возможны, и в рассматриваемом случае они совершенно понятны, но должны быть оговорены в ст.ст. 47, 108 УПК РФ. Вполне допустимо и не противоречит состязательности перечисление необходимого минимума материалов уголовного дела, который предоставляется стороне защиты для ознакомления до начала рассмотрения судом ходатайства органа расследования о заключении под стражу.

Не вполне определен вопрос с участием потерпевшего. Потерпевший вправе лично участвовать в судебном заседании или довести до суда свою позицию через представителя или законного представителя. Явившемуся в судебное заседание потерпевшему, его представителю или законному представителю суд должен разъяснить их права и обязанности и заслушать их мнение по рассматриваемому вопросу (п. 17 ППВС № 41). Вместе с тем прямое указание на то, чтобы потерпевший участвовал в судебном заседании при избрании меры пресечения подозреваемому, обвиняемому, в ст.ст. 42, 108 и иных статьях УПК РФ отсутствует, как и требования об обязательном извещении потерпевшего о данном заседании.

Некоторые процессуалисты настаивают на обязательном извещении потерпевшего в рассматриваемом случае. Так, В.В. Рудич считает извещение и уча-

стие потерпевшего в рассмотрении вопроса об аресте необходимым стандартом. По многим материалам, поступившим на обобщение из судов, потерпевшие извещались о судебном заседании [37, с. 85]. Такого же мнения придерживается, например, Ф.Н. Багаутдинов [4, с. 65]. В целом же рассматриваемая позиция ученых и практиков сводится к тому, что правило об обязательном уведомлении потерпевшего о месте и времени судебного заседания при избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения должно содержаться в процессуальном законе.

Безусловно, потерпевший является заинтересованным в правильном решении вопроса о мере пресечения участником процесса. Во многих случаях потерпевшие участвуют в судебных заседаниях. Если потерпевший один, и тем более когда преступление направлено против личности, его участие в процессе очень желательно. Однако требовать обязательного извещения потерпевшего нельзя. По уголовному делу может быть много потерпевших, и безотлагательный характер судебного заседания не дает возможности пригласить их всех и заслушивать мнение каждого.

Обратим внимание на еще одну проблему: обязанность организовать доставку подозреваемого, обвиняемого в судебное заседание возлагается на орган расследования (п. 15 ППВС № 41). Конвоирование производится силами органов внутренних дел и в ряде случаев связано с практическими сложностями. Однако предложения решать вопрос о заключении под стражу без непосредственного участия подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в изоляторе временного содержания, путем использования видеоконференцсвязи, не могут быть приняты. Лицо, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения, имеет право лично предстать перед судом и обратиться к суду с объяснениями и заявлениями. Эффект личного присутствия и участия в процессе несопоставим с дистанционным.

При значительном ограничении состязательности в российском досудебном производстве, вполне объяснимом с точки зрения действия иных принципов уголовного процесса, начало состязательности все же достаточно явно проявляет себя в пределах судебного-контрольных процедур, которые образуют на протяжении предварительного производства своеобразные проявления состязательности.

Предметом исследования в настоящей статье является дискуссионный вопрос о допустимости пределов судебного контроля, в частности, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, по которому в научной среде так и не сформировано единое мнение, и связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что в законе ничего не говорится о глубине судебной проверки материалов уголовных дел, представляемых в суд одновременно с ходатайством органов предварительного расследования об избрании данной меры пресечения. Иначе избиралась данная мера пресечения в период действия УПК РСФСР. Разрешение данного вопроса входило в компетенцию прокурора, который давал санкцию на арест, принимая следователя с ходатайством в своем кабинете. В его распоряжении были не только все материалы уголовного дела, но и возможность непосредственно допросить обвиняемого, тем самым спрогнозировать дальней-

ший ход расследования. В ходе проводимой судебной реформы с целью защиты конституционных прав и свобод граждан законодатель передал рассматриваемые полномочия суду, не урегулировав фундаментальные аспекты данной процедуры, превратив ее в некую формальность. Пробелы законодательства восполняются судебной практикой, ее регулярным обобщением Верховным Судом Российской Федерации, воплощающимся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Допустимые пределы судебного контроля являлись также предметом неоднократного изучения Конституционного Суда Российской Федерации, позиция которого не оставалась неизменной.

Список литературы

1. Азаренок Н.В., Давлетов А.А. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2016. № 15. С. 9.
2. Азаренок Н.В., Давлетов А.А. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? // Российский судья. 2017. № 1. С. 36.
3. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М., Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве. М.: Приор-издат, 2003. С. 21-22.
4. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 65.
5. Балакшин В.С., Спиринов А.В. Участие прокурора в рассмотрении судом ходатайств органов предварительного расследования // Законность. 2016. № 10. С. 32.
6. Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дисс. ... д-ра юрид. наук / Омск. акад. МВД России. Омск, 2006. С. 189.
7. Бахин В.П., Карпов Н.С. Состязательность или ее видимость? // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Год правоприменения и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. М., 2004. С. 88-91.
8. Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3-7.
9. Болташов Е.А. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Российский судья. 2001. № 10. С. 14-17.
10. Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica (Русский закон). 2020. № 73 (2). С. 44-62.
11. Бурмагин С.В. Судебное рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (комментарий к обзору практики судов Архангельской области) // Юридический мир. 2004. № 10. С. 84-87.

12. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 147.
13. Гришин А.И. Состязательность уголовного судопроизводства и предварительное расследование // Правоведение. 1998. № 1. С. 176-178.
14. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С. 260, 291.
15. Дикарев И.С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 80.
16. Зеленин С. Состязательность: принцип и модели // Российский судья. 2001. № 3. С. 14-17.
17. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73-75.
18. Колоколов Н.А. Обвинение и защита: баланс интересов // Теория уголовного процесса: состязательность / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. Ч. 1. С. 97.
19. Кузнецова С.М. Проблемы реализации принципа состязательности в досудебном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. С. 89-90.
20. Кузьмина О.В. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 85-89.
21. Курохтин Ю.А. Актуальные проблемы реализации конституционного принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 22-25.
22. Лукашевич В.З., Чичканов А.Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 102-109.
23. Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2003. С. 80.
24. Мельников В.Ю. Адвокатское расследование в состязательном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 30-33.
25. Митрофанова Е.В. Действие принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
26. Мукасеева С.А. Принцип состязательности в юридической практике: дисс. ... канд. юрид. наук / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2006. С. 58.
27. Муратова Н.Г. Состязательность в досудебном производстве по уголовному делу // Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2013. Ч. 1. С. 298-307.

28. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
29. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 // Законность. 2017. № 5.
30. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры России от 28.12.2016 № 826 // Законность. 2017. № 3.
31. Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. № 3. С. 7.
32. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по 1-й инстанции за 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.05.2024)
33. Погодин С., Тугушев Р. Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? // Законность. 2005. № 3. С. 44-47.
34. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд // Российская газета. 2005. № 66.
35. Резепкин А.М. Элементы состязательности в российском досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 16-17.
36. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225-235.
37. Рудич В.В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения // Уголовное право. 2016. № 5. С. 85.
38. Сафонов Э.Е. Механизм реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в военном суде: дисс. ... канд. юрид. наук / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2003. С. 6.
39. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: объективированный критерий оценки // Социальная ценность уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 270.
40. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 3. С. 97.
41. Спиринов А.В., Политыко О.Е. Судебный контроль и прокурорский надзор за законностью и обоснованностью применения меры пресечения в виде

заклучения под стражу // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 23.

42. Тарбагаев А.Н., Назаров А.Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 563.

43. Трунов И.Л. Расширение состязательности уголовного процесса на стадии предварительного расследования в свете судебной реформы // Российский судья. 2002. № 3. С. 4—7.

44. Халиулин А.Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 30.

45. Химичева Г.П. Принцип состязательности сторон и его роль в совершенствовании УПК Российской Федерации // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы Международной научно-практической конференции, 27-28 октября 2003 г. М.: Изд-во МГЮА, 2004. С. 91-94.

46. Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22-26.

47. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 13.

О.А. Блинова, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Глобализация международных экономических отношений, вхождение экономики Российской Федерации в международное экономическое пространство послужило причиной возрастания роли и значения таможенного регулирования как одного из основных инструментов государства в управлении внешнеторговой деятельностью. Активное участие таможенных органов Российской Федерации в реализации экономической политики государства, возлагает на них обеспечение и защиту национальных интересов, а также экономической безопасности государства в рамках своей компетенции. Важную роль в реализации этих вопросов играет правоохранительная деятельность таможенных органов, проявляющаяся в различных формах, например, в профилактике таможенных правонарушений; в выявлении, предотвращении и пресечении таможенных правонарушений; в соблюдении режимов таможенного контроля, в применении различного рода мер, обеспечивающих экономическую и государственную безопас-

ность страны. На сегодняшний день основной проблемой в этом направлении является эффективность указанной деятельности, так как в современный период возрастают риски обеспечения таможенными органами не только экономической, но и государственной (национальной) безопасности. Данное обстоятельство подтверждается анализом существующих проблем в правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации в условиях Евразийского экономического союза.

Исследование сущности правоохранительной деятельности таможенных органов необходимо начать с определения самого понятия правоохранительной деятельности. К сожалению, до настоящего времени правовая наука не выработала единого подхода к такому ключевому и широко употребляемому в научной литературе и практике понятию, как «правоохранительная деятельность», о чем свидетельствуют различные публикации [1, с. 34]. Следует отметить, что даже в Конституции Российской Федерации данное понятие рассматривается как функция государства и ее содержание включает вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности (п. «б» ст. 72). Некоторые авторы в определении правоохранительной деятельности государства ориентируются на одну из важнейших целей правоохранительной деятельности — охрану права и обеспечение общественной безопасности [2, с. 60].

По мнению Л.И. Полтавцевой, наработанные ранее научные представления о правоохранительной деятельности ныне уже не соответствуют изменениям, происходящим в социальной и правовой сферах, не отражают природу самой структуры этой деятельности [3, с. 5]. С позиций К.Ф. Гуценко, данное понятие является сравнительно молодым. Оно было введено в законное использование только в конце 50-х — 60-х гг. и по сравнению с возрастом других используемых юридических терминов и понятий это возраст «младенчества». Отчасти этим и можно было бы объяснить тот факт, что понятие «правоохранительная деятельность» еще не «устоялось» [4], поэтому в юридической литературе существует множество определений этой деятельности с различных отраслевых позиций. В большинстве случаев понятие правоохранительной деятельности в научной и учебной литературе рассматривается в широком и узком смыслах.

Так, по мнению А.А. Чепика, правоохранительные органы — это государственные органы, создаваемые в целях обеспечения правопорядка и законности, защиты прав, свобод и интересов граждан, организаций, общества и государства, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, применения государственного принуждения или юридического воздействия в отношении лиц, совершивших неправомерные деяния [5, с. 5], в том числе таможенными органами. Думается, что здесь как раз правоохранительная деятельность таможенных органов проявляется в широком смысле и представляет их как деятельность государственных органов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан, их реализацию, законность и правопорядок. В данном случае таможенные органы обеспечивают режим законности в таможенной сфере, защищают государственные интересы при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу. Таким образом, можно сказать, что данные органы непосредственно принимают участие в правоохранительной деятельно-

сти в широком ее понимании, т.е. содействуют охране прав многих субъектов таможенных правоотношений. Здесь как раз, можно сказать, ярко проявляется двойственная природа таможенных органов. С одной стороны — это исполнительные органы, призванные реализовывать в данной сфере соответствующие законы (соблюдать законность), с другой — относятся к правоохранительным органам и обладают целым спектром (арсеналом) по реализации имеющихся полномочий в обеспечении безопасности перемещения товаров, транспортных средств и иных предметов через таможенную границу.

В узком понимании — значение правоохранительной деятельности некоторые авторы рассматривают как деятельность специально уполномоченных (компетентных) органов по обеспечению законности и правопорядка, которые существуют только или главным образом для выполнения таких задач, как выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, применение различных санкций к правонарушителям и реализация мер воздействия» [6, с. 82].

Если исходить из более глобальных задач, поставленных перед такими компетентными органами, то основной целью по безопасности является обеспечение устойчивого и эффективного функционирования страны.

Практически идентичное понятие дает Д.Р. Пашкова, считая правоохранительную деятельность неотделимой от деятельности государства, направленной на охрану права уполномоченными на то органами власти путем применения необходимых юридических мер по пресечению нарушений установленного законодательства [7, с. 247]. На основе анализа различных подходов по определению правоохранительной деятельности можно сказать, что она представляет совокупность различных, взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых как государственными, так и иными структурами, направленных на профилактику и предупреждение правонарушений, устранение факторов, их порождающих и им благоприятствующих, и, таким образом, — на обеспечение нормального процесса реализации гражданами своих прав, свобод и обязанностей в различных сферах, в том числе и в таможенной [8, с. 32]. Вместе с тем эту деятельность можно обозначить и как экономическое и социально-политическое направление правового воздействия, проводимого таможенными органами в соответствии с законодательством в определенных формах с целью охраны общественных отношений в сфере таможенного дела.

Анализ существующих подходов к определению понятия правоохранительной деятельности таможенных органов тесно связан с ее принципами, которые также не определены в законодательстве и выделяются, как правило, из общих принципов организации таможенной деятельности. К таким принципам непосредственно можно отнести: законность, равенство участников ВЭД и иных субъектов таможенных правоотношений; единства правоохранительной деятельности и централизованного руководства; профессионализма и компетентности должностных лиц таможенных органов; ясности, предсказуемости и гласности действий должностных лиц и др. [9, с. 11].

При проведении таможенного контроля в соответствии с реализацией системы управления рисками таможенные органы используют различные его формы и виды, которые достаточны для обеспечения соблюдения безопасности при

перемещении товаров, транспортных средств и иных предметов через таможенную границу. Например, чаще всего такой контроль связан с применением принципа выборочности. Соблюдение данного принципа заключается в понятии достаточности тех или иных форм таможенного контроля, которые установлены законом и необходимы для обеспечения государственной и экономической безопасности государства, жизни и здоровья граждан. Что касается других принципов, то они используются исходя из сложившихся обстоятельств или в определенной совокупности и также являются механизмом обеспечения безопасности и элементом правоохранительной деятельности таможенных органов.

Как уже отмечалось, важную роль в осуществлении правоохранительной деятельности наряду с органами, наделенными специальными полномочиями, в этой сфере играют и таможенные органы, которые относятся к исполнительной ветви государственной власти и обладают определенной спецификой, в частности, в определении предмета (объекта) этой деятельности, а также наличием собственных средств, приемов и способов, используемых при обеспечении безопасности в перемещении товаров, транспортных средств и иных предметов через таможенную границу Российской Федерации. Но все же несмотря на разные объекты и способы обеспечения правоохранительной деятельности, следует заметить, что у всех указанных субъектов, в том числе и таможенных органов, имеется единая цель, которая их и объединяет, это — соблюдение законности, обеспечение государственной, экономической и общественной безопасности во всех проявлениях и создание условий для охраны и защиты основных прав и свобод человека и для их беспрепятственной реализации.

Отнесение таможенных органов к числу правоохранительных органов подчеркивает их особенность, а их деятельность в этом направлении является одной из важнейших функций, и, как уже указывалось, подчеркивает их двойственный характер. Эта деятельность направлена на борьбу с контрабандой и иными преступлениями, административными правонарушениями в сфере таможенного дела в целях защиты безопасности страны, общественного порядка, нравственности населения, жизни и здоровья людей, на охрану окружающей природной среды, пресечение незаконного оборота наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния и др. Таможенные органы ведут активную борьбу с преступлениями в сфере таможенного дела. Но следует сказать, что правоохранительная деятельность таможенных органов отличается от подобной деятельности других федеральных органов. Так, например, таможенные органы специализируются на контроле за перемещением товаров через государственную границу, в то время как другие федеральные органы могут иметь другие функции (например, налоговый орган занимается сбором налогов, полиция обеспечивает общественный порядок и безопасность и т.д.).

Следует назвать и такое отличие, проявляющееся в основных полномочиях таможенных органов, связанных с проверкой и контролем товаров, перемещаемых через таможенную границу, осуществлением таможенного оформления и взиманием таможенных платежей. Другие федеральные органы могут заниматься более широким спектром задач, не связанных с таможенной деятельностью.

Нельзя не назвать и такое отличие таможенных органов, как применение специальных знаний, умений и навыков в реализации правоохранительной деятельности. Сотрудники таможенных органов должны обладать специальными знаниями в области не только таможенного права, но и международного права и торговли, медицины, экономики, культуры, технической экспертизы товаров и объектов и в иных направлениях. Например, по Федеральному закону РФ «О безопасности» от 28.12.2010 «охрана ценностей возложена на все правоохранительные и государственные органы, в том числе, и на таможенные, а по закону РФ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» они участвуют в идентификации и оценке культурных ценностей. В данном случае сотрудники таможенных органов проходят специальную подготовку. Обеспечение безопасности государства связано с применением со стороны таможенных органов различных организационных мер по проведению биологического, радиоактивного, фитосанитарного контроля и иных таможенных мероприятий, что также является основой правоохранительной деятельности.

В соответствии положениями названных законов правоохранительная деятельность осуществляется в следующих формах: экспертно-криминалистическая деятельность; дознание; проведение оперативно-розыскных мероприятий; ведомственный надзор, а их реализацию обеспечивают сотрудники таможенных органов. Помимо этого, закон «О безопасности» включает борьбу с контрабандой, поставкой психотропных веществ и наркотических средств, производство по делам о нарушениях таможенных правил, их рассмотрение, а также противодействует другим преступлениям в таможенной сфере и в данном случае сотрудники таможенных органов должны владеть навыками применения физической силы и оружия [10].

Все эти составляющие элементы правоохранительной деятельности ярко проявляются в деятельности таможенных органов путем создания подобных отделов и подразделений на основе закрепленных полномочий в Федеральном законе Российской Федерации «О таможенном регулировании в Российской Федерации» и в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [11, 12, 13]. Так, в частности, ст. 354 ТК ЕАЭС определяет статус таможенных органов по осуществлению правоохранительной деятельности, наделяя их функциями органов дознания и следствия, оперативно-розыскной деятельности; по ведению административного процесса; оказанию правовой помощи и взаимодействию с другими органами. При этом таможенные органы осуществляют указанную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, признаваемое в соответствии с законодательством государств-членов Евразийского экономического союза, преступлением, а также в целях исполнения запросов международных организаций, таможенных и иных компетентных органов государств, не являющихся членами Союза, в соответствии с международными договорами государств-членов с третьей стороной. В рамках имеющихся в этой сфере полномочий таможенные органы осуществляют производство по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств-членов. При этом составы преступлений и ад-

министративных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к уголовной и административной ответственности устанавливаются законодательством государств-членов с учетом особенностей, предусмотренных международными договорами в рамках ЕАЭС, что подчеркивается многими авторами [14].

Так, по итогам работы за 2021 г. таможенными органами Российской Федерации возбуждено 2041 уголовных дел. В отношении конкретных лиц в отчетном году возбуждено 1398 уголовных дел. По возбужденным таможенными органами уголовным делам из незаконного оборота изъято более 5,5 т наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, что более чем в два раза больше по сравнению с 2019 г. и почти в 9 раз — по сравнению с 2020 г. В суды с обвинительными актами-постановлениями в 2021 г. направлено 151 уголовное дело. По 65 уголовным делам судами вынесены обвинительные приговоры [15].

Закрепление данных функций в указанных актах подчеркивает еще один признак правоохранительной деятельности таможенных органов, осуществляемой на основе четкого и точного соблюдения правил и процедур, например, личный досмотр как форма таможенного контроля может быть проведен только по решению руководителя таможенного органа или того должностного лица, которое его замещает, при наличии оснований считать, что физическое лицо, которое следует через границу РФ, при себе скрывает и не выдает те предметы, которые запрещены к ввозу на территорию страны и вывозу с данной территории, или же перемещаются с нарушением порядка. В данном случае осуществление правоохранительной деятельности таможенными органами носит правоприменительный характер и может реализовываться на всех уровнях и применять различные меры по пресечению незаконного оборота через границу РФ психотропных веществ и наркотиков, оружия, предметов исторического и художественного достояния и содействуют борьбе с международным терроризмом.

Также можно отметить, что одной отличительной особенностью правоохранительной деятельности таможенных органов является обеспечение собственной безопасности. Эта форма считается основной, поскольку направлена на соблюдение условий внутреннего административного (ведомственного) контроля, оперативно-розыскной деятельности, а также требований охраны различных таможенных объектов.

Конечно же, для успешного выполнения обозначенных задач таможенные органы должны тесно взаимодействовать с другими правоохранительными структурами и разного рода органами, например, ОВД, Следственным комитетом Российской Федерации, ФСБ, Пограничной, Налоговой, Ветеринарной службами, Роспотребнадзором и иными подразделениями, в этом тоже проявляется определенная сущность и специфика таможенных органов. Думается, что такое взаимодействие таможенной службы с различного рода органами обуславливается совершенствованием самой правоохранительной деятельности и в стратегическом отношении выступает важным элементом для усиления борьбы с различного рода правонарушениями в таможенной сфере и обеспечением государственной и экономической безопасности страны.

Исходя из сущности правоохранительной деятельности таможенных органов можно сказать, что в условиях динамично меняющихся внешних обстоятельств политической обстановки и международных санкций таможенные органы РФ содействуют реализации интересов государства во внешнеэкономической сфере, сфере внешней торговли, связанной с перемещением товаров и транспортных средств и иных предметов через таможенную границу и являются неотъемлемой частью правоохранительной системы нашего государства, влияют на уровень национальной безопасности страны, что в современный период является весьма актуальным вопросом. Основной задачей в этом направлении является совершенствование правоохранительной деятельности таможенных органов и их структур по оказанию противодействия угрозам безопасности РФ, предупреждению и пресечению правонарушений в таможенной сфере.

В современных условиях глобализации и повышения значимости внешнеэкономической деятельности правоохранительная деятельность таможенных органов должна подняться на качественно новый уровень для обеспечения экономической надежности и безопасности государства.

Список литературы

1. Тарасов А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. 2002. № 4. С. 34-36.
2. Степаненко Ю.В. Правоохранительная деятельность: эволюция теоретических взглядов // Современный юрист. 2013. № 3. С. 60-87.
3. Полтавцева Л.И. Правоохранительная деятельность как предмет исследования: попытка систематизации тематики диссертаций // Юрист-Правоведь. 2012. № 6. С. 5-8.
4. Студеникин В.Е. Понятие, признаки и основные виды правоохранительной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1303/8.html>
5. Чепик А.А. Теоретические и правовые основы правоохранительной деятельности таможенных органов Республики Беларусь: пособие для студентов факультет междунар. отношений. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2012. С. 5.
6. Демидова Ю. Правовые и организационные основы правоохранительной деятельности таможенных органов РФ // Символ науки. 2016. № 12-3. С. 82.
7. Пашкова Д.Р. Особенности правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Аллея науки. 2018. Т. 5, № 5 (21). С. 247-251.
8. Свечников Н.И. Сущность правоохранительной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.116.7.028-037>
9. Ёркина Т.Н. Правоохранительная деятельность таможенных органов РФ. Елец, 2017. С. 10.
10. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546
11. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 16.07.2015 № 289-ФЗ.

Федерации» от 6 августа 2018 г. № 32 (часть I) ст. 5082 в ред. от 26.02.2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (ред. от 29.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ в ред. от 29.12.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Степин Н.Д., Дзирун И.А. К вопросу о правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Дневник науки. 2022. № 2 (62). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/>

15. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 2019-2021 годы: [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru>

А.И. Букур, к.ю.н., ст. преподаватель кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ СОБИРАНИЯ ОБЪЕМНЫХ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

В последнее время наша страна стала объектом всеобщего запрета со стороны западных государств. В связи с этим ограничен ввоз в Российскую Федерацию различных средств и методов, применявшихся в правоохранительной деятельности. В частности, имеются в виду технико-криминалистические средства, которые использовались для обнаружения, фиксации и изъятия следов в целях раскрытия и расследования преступлений.

Речь идет о слепочных массах, применяющихся правоохранительными органами для изъятия объемных следов орудий взлома и инструментов, которые поставляются отечественной промышленностью или из-за рубежа. Данные слепочные массы являются неотъемлемой частью технико-криминалистического обеспечения, о котором не раз упоминали многие авторы. В сложившихся условиях запрета иностранных поставок может сложиться дефицит слепочных масс, поскольку компоненты для отечественных слепочных масс также импортные. Вместе с этим отмеченные слепочные массы обладают рядом существенных недостатков, среди которых:

- многокомпонентность слепочных масс;
- небольшой срок годности (например, отвердитель из набора «Кри-мэласт», которым штатно комплектуется криминалистический чемодан, кристаллизуется и приходит в негодность уже через несколько месяцев);
- невысокая эффективность (например, при использовании слепочной массы «Микросил» на слепке образуются пустоты от пузырьков воздуха);
- наличие специальных навыков для работы и пр.

В сложившихся условиях правоохранительные органы страны вынуждены искать новых поставщиков криминалистических средств и методов. Таким образом, перед правоохранительными органами встала задача обеспечения технико-криминалистическими средствами обнаружения фиксации и изъятия следов преступления, взамен ранее поставляющихся из западных государств.

Одним из таких средств, которое, по нашему мнению, может без труда заменить слепочные массы, применяющиеся для изъятия объемных следов, может быть поликапролактон (рис. 1). Поликапролактон — это биоразлагаемый полиэфир с низкой температурой плавления (59-64 С°), широко применяющийся для изготовления специальных полиуретанов, таких как «Полиморфус» (рис. 2) и др. Средство «Полиморфус», или, как его еще называют, суперпластик, применяется как филлер и шовный материал в биомедицинских целях, а также в робототехнике, моделировании и прототипировании.

Рис. 1. Поликапролактон

Рис. 2. Полиморфус (суперпластик)

В результате изучения свойств указанного средства, а также проведения многочисленных экспериментов по изготовлению слепков со следов орудий взлома и инструментов установлено, что суперпластик обладает рядом неоспоримых преимуществ по сравнению с существующими средствами фиксации отмеченных следов, среди которых:

- простота в использовании (надо лишь разогреть, сформировать слепок и дать остыть);
- малая теплоотдача, в результате чего не прилипает к рукам и не обжигает;
- при работе не требует дополнительных компонентов для формирования слепочной массы;
- быстрая скорость затвердевания и формирования слепка;
- в случае неправильного формирования слепка есть возможность повторного использования;
- может служить средством как полевой криминалистики, так и использоваться в лабораторных условиях;
- нетоксичный материал, легко окрашивается различными красителями и т.д.

Для того чтобы изготовить слепок с объемного следа с использованием поликапролактона, необходим минимальный набор средств и инструментов. Для начала надо изучить след, описать его, сфотографировать по правилам масштабной съемки, а затем удалить посторонние предметы, если такие имеются. Далее некоторое количество гранулированного поликапролактона помещается в емкость с теплой водой или же его можно довести до вязкого состояния при помощи теплого воздуха, например, используя фен. Перед непосредственным нанесением средства, во избежание налипания поликапролактона к следовоспринимающей поверхности, дно следа рекомендуется обработать маслосодержащими средствами, чтобы частички следа не налипнули на слепок. Надо помнить, что чем ниже температура окружающей среды, тем меньше требуется времени для затвердевания слепка. Так, работать в условиях отрицательных температур необходимо быстро, поскольку процесс затвердевания и формирования слепка протекает в течение нескольких секунд (см. рис. 3 и 4).

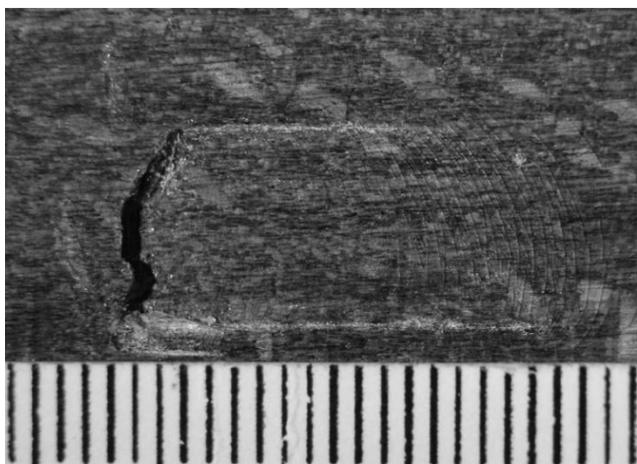

Рис. 3. Объемный след орудия взлома на древесине

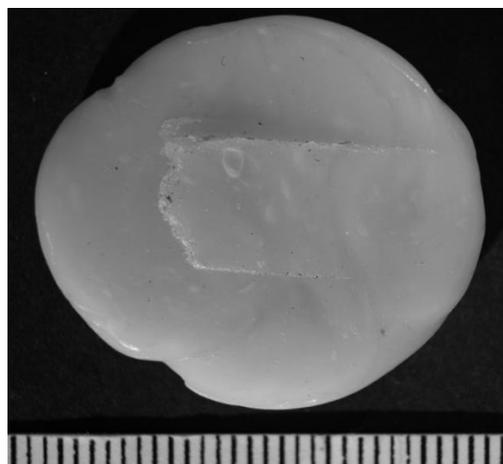

Рис. 4. Слепок со следа, изготовленный при помощи поликапролактона

В ходе проведения экспериментов было установлено, что самым оптимальным в использовании является поликапролактон белого цвета, так как в момент разогревания и доведения до вязкого состояния он обесцвечивается и становится прозрачным, а после остывания снова окрашивается в белый матовый цвет. В данном случае факт изменения цвета свидетельствует о готовности к применению и является своего рода индикатором готовности поликапролактона.

После формирования слепка с объемного следа поликапролактон необходимо упаковать в чистую упаковку (бумага или полимерный пакет) и содержать в сухом месте. Поскольку данное средство биоразлагаемое, попадание влаги может привести к деформации слепка.

В ходе проведения экспериментов внимание было обращено на строгое соблюдение техники безопасности при работе с поликапролактоном во избежание получения ожогов. Работа со средством связана с открытым пламенем при нагревании воды либо с сильно нагретым воздухом. Использование данного вы-

сокотемпературного способа связано с возможным причинением ожогов или может привести к потере свойств (деструкции) при чрезмерном нагревании, поэтому следует аккуратнее проводить разогрев поликапролактона.

Таким образом, в сложившихся условиях можно не бояться грядущего дефицита импортных средств, применяющихся в экспертно-криминалистической деятельности с целью фиксации и изъятия объемных следов, поскольку в условиях импортозамещения все имеющиеся слепочные массы можно заменить поликапролактоном.

Список литературы

1. Букур А.И. К вопросу о технико-криминалистическом сопровождении раскрытия и расследования преступлений и соотношении его с криминалистической деятельностью // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 2. С. 70-73.
2. Волынский А.Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. 80 с.
3. Чулахов В.Н. Об организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сборник научных трудов. М., 2020. С. 81-84.

В.В. Зудилов, следователь следственного отдела по Центральному району г. Барнаула следственного управления Следственного комитета России по Алтайскому краю, г. Барнаул

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье будут рассмотрены особенности первоначального этапа расследования оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (на примере преступных действий, связанных с несвоевременным выявлением и ликвидации аварийно опасных сухостойных деревьев, в результате чего создается реальная опасность для человека). Несмотря на то, что падение деревьев является проблемой практически для всех городов России, до сих пор не существует единой общепринятой методики по определению аварийных деревьев.

Услуга — это действие или комплекс действий, совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя.

Последствия услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, образует состав преступления, предусмотренный ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В настоящее время сложились трудности при производстве первоначальных следственных действий, при падении дерева и причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти человека, а именно отсутствуют четкие алгоритмы действий в вышеописанных ситуациях.

К первоначальным следственным действиям при падении дерева необходимо отнести: осмотр места происшествия (далее — ОМП), назначение судебно-медицинской экспертизы, назначение лесопатологической судебной экспертизы, осмотр предметов.

При осмотре места происшествия необходимо произвести следующие действия:

1) установить точное место, где произрастало упавшее дерево, а именно с помощью географических координат установить месторасположение пня, упавшего дерева, а также его расположение относительно двух неподвижных объектов (здания, линии электропередачи и т.п.) и отразить это в протоколе ОМП;

2) зафиксировать и отразить в протоколе ОМП место нахождения потерпевшего в момент падения дерева, в том числе относительно пня упавшего дерева;

3) зафиксировать и отразить в протоколе ОМП длину ствола упавшего дерева;

4) кроме того, на осматриваемом участке местности необходимо зафиксировать, имеются ли следы, характерные для дорожно-транспортного происшествия, и отразить наличие или отсутствие их в протоколе ОМП;

5) необходимо совершить спил с упавшего дерева, спил производится со ствола упавшего дерева со стороны «перелома». Данный спил необходимо изъять и зафиксировать изъятие в протоколе ОМП.

После производства ОМП необходимо провести судебно-медицинскую экспертизу потерпевшего. При причинении смерти человеку с участием судебно-медицинского эксперта необходимо произвести осмотр трупа и зафиксировать видимые телесные повреждения, после чего направить труп на судебно-медицинскую экспертизу. При причинении вреда здоровью потерпевшего в зависимости от его состояния необходимо направить либо в медицинское учреждение, либо на прохождение судебно-медицинской экспертизы. Так как от тяжести вреда здоровью будет зависеть квалификация, на практике для наступления уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ необходимы последствия в виде тяжкого вреда здоровью.

Далее, изъятый в ходе ОМП спил с упавшего дерева необходимо направить в экспертное учреждение для проведения лесопатологической экспертизы. В Алтайском крае данные экспертизы проводятся в филиале федерального государственного учреждения «Российский центр защиты леса» — «Центр защиты леса Алтайского края» и эксперты отвечают на следующие вопросы: «Вследствие каких причин произошло падение дерева и находилось ли оно в аварийно-опасном состоянии до момента своего падения? Подлежало ли упавшее дерево вырубке (сносу), и если да, то какие признаки об этом свидетельствовали и когда они возникли?»

Данная экспертиза позволит установить, являлось ли упавшее дерево сухостойным или аварийно опасным, от данной экспертизы напрямую будет зависеть, имеется ли в деянии ответственного лица состав преступлений, предусмотренный ст. 238 УК РФ. Если упавшее дерево не являлось сухостойным или ава-

рийно опасным, то отсутствует причинно-следственная связь между падением и бездействием ответственного лица за указанное дерево.

Далее необходимо установить категорию земли, на которой произрастало дерево. Для оперативного определения необходимо произвести следственное действие — осмотр предметов, а именно осмотр публичной кадастровой карты на официальном веб-ресурсе Росреестра (<https://pkk.rosreestr.ru/>). На вышеуказанном веб-ресурсе в графе «поиск» вводятся географические координаты, зафиксированные в ОМП (без запятых между значениями южной широты и восточной долготы). Данный осмотр устанавливается форма собственности на землю, от чего будет зависеть квалификация и дальнейшие следственные действия.

Если земля находится в общедолевой собственности, то к уголовной ответственности привлекается лицо, на которое возложены обязательства по содержанию указанного земельного участка, к примеру, председатель ТСЖ, директор управляющей компании, и квалифицировать действия ответственного лица необходимо за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, т.е. по ст. 238 УК РФ.

К примеру, Октябрьским районным судом г. Барнаула Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Г., являясь с 20.01.2017 г. директором и единственным учредителем ООО УК «<данные изъяты>», осуществлял единоличное руководство текущей деятельностью Общества, был обязан принимать меры, направленные на то, чтобы соблюдались права и законные интересы лиц, проживающих в доме, и иных лиц, находящихся в доме и на придомовой территории, надлежащим образом осуществлять содержание и уход за элементами озеленения на придомовой территории дома по адресу: <адрес изъят>, входящих в состав общего имущества данного дома, в состоянии, обеспечивающем безопасность для жизни и здоровья граждан, то есть предоставлять услуги, отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В период 01.06.2018 г. по 12.07.2021 г. у Галкина Г.Г., обязанного осуществлять услуги по содержанию общего имущества многоквартирного дома, расположенного по адресу: <адрес изъят>, знавшего о том, что на придомовой территории указанного выше дома произрастают деревья, требующие содержания и ухода, не желавшего выполнять свои обязанности, возник преступный умысел, направленный на оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В результате оказания Г. услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей, 12.07.2021 г. в период с 10.00 ч до 10.20 ч дерево породы тополь, произраставшее на придомовой территории дома по адресу: <адрес>, которое являлось аварийно опасным, упало на проходящую по придомовой территории данного дома потерпевшую, в результате чего последней были причинены физическая боль и тяжкий вред здоровью.

Если границы земли, на котором расположено дерево, не разграничены, то данный участок земли относится к муниципальной собственности, в связи с чем

относится к ведению муниципальных властей, таким образом, состав преступления образуется у должностного лица по ст. 293 УК РФ.

К примеру, Михайловским районным судом Алтайского края Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Г., являясь первым заместителем главы Администрации Михайловского района Алтайского края — начальником Управления по ЖКХ, строительству, транспортному обслуживанию, дорожной деятельности Администрации Михайловского района Алтайского края, в период времени с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ, находясь на территории Михайловского района Алтайского края, небрежно отнесся к муниципальной службе в органе местного самоуправления и к своим обязанностям по занимаемой должности в сфере благоустройства, в том числе в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, на территории с. Михайловское Михайловского района Алтайского края, в результате чего ДД.ММ.ГГГГ своевременно не выявленное и не вырубленное аварийно опасное дерево (породы клен американский, или ясенелистный), произраставшее вдоль проезжей части <адрес изъят>, упало на следовавшую на велосипеде по проезжей части несовершеннолетнюю потерпевшую, в результате чего последней был причинен тяжкий вред здоровью.

Ненадлежащее исполнение Г. своих должностных обязанностей привело к тому, что на земельном участке, относящемся к государственной неразграниченной собственности и находящемся в ведении Администрации Михайловского района Алтайского края, круглосуточный доступ к которому неопределенного круга лиц, в том числе детей, не был ограничен на протяжении длительного времени, произрастали аварийно опасные деревья (породы клен американский, или ясенелистный), подлежащие вырубке, учет и оценка состояния которых им не были организованы и проведены, а падение одного из них, имевшего внешние явные признаки аварийно опасного, такие как наклон ствола более 30 градусов в сторону проезжей части, наличие стволовой гнили в упавшем фрагменте, разветвленный ствол, хорошо развитую облиственную крону, обладающую высокой парусностью, хрупкую древесину, создало реальную угрозу жизни и здоровью несовершеннолетней потерпевшей.

Также необходимо обратить внимание на виды зон с особыми условиями использования территорий. Таким примером может быть участок автодороги, вдоль которого произрастает аварийно опасное дерево. Права на земельный участок, на котором произрастает аварийно опасное дерево, могут быть не разграничены, однако на данном земельном участке может располагаться придорожная полоса автомобильной дороги, обслуживание которой находится в ведении Министерства транспорта субъекта России, которое в свою очередь разыгрывает право на заключение государственного контракта для обслуживания автомобильной дороги, в том числе придорожной полосы автомобильной дороги. В данном случае к уголовной ответственности следует привлекать исполнителя государственного контракта за оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, т.е. по ст. 238 УК РФ.

Таким образом, при расследовании уголовных дел, связанных с падением дерева и причинением вреда человеку, необходимо устанавливать категорию

земли, на которой произрастало упавшее дерево, так как от этого зависит квалификация преступления и дальнейшие следственные действия.

Н.Н. Ильин, к.ю.н., доцент, заведующий научно-исследовательским отделом факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Москва

УСТАНОВЛЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Из всех видов должностных преступлений судебные экспертизы назначаются в основном при расследовании превышения должностных полномочий, получения взятки и служебного подлога. По результатам поступивших материалов в рамках проводимой научно-исследовательской работы [1] в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева можно сделать вывод о том, что при расследовании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, назначаются следующие судебные экспертизы:

- почерковедческие;
- технико-криминалистические экспертизы документов;
- компьютерно-технические;
- фоноскопические;
- бухгалтерские;
- стоимостные;
- экспертизы веществ, материалов и изделий.

Вместе с тем следует отметить, что число назначаемых судебных экспертиз по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях, к сожалению, остается невысоким. Они заменяются в некоторых случаях проведением других следственных действий (например, допрос, осмотр предметов и документов). Так, по делам о даче (получении) взятки редко назначается судебная лингвистическая экспертиза [1, с. 67].

Думается, что следователи несколько недооценивают возможности судебных экспертиз, а потому предлагаем в тех ситуациях, где необходимо установить предмет взятки, исполнителя рукописных записей и подписей (даже тогда, когда лицо согласно с тем, что они выполнены им самим), изменение первоначального содержания документа, содержание и голоса лиц в разговоре, зафиксированном на фонограмме, содержание информации на компьютерных устройствах и т.д., все же назначать соответствующие судебные экспертизы. В этой связи рассмотрим вопросы установления некоторых обстоятельств совершения сотрудниками уголовно-исполнительной системы должностных преступлений с помощью судебных экспертиз, опираясь на примеры следственной практики.

Изучение уголовных дел о должностных преступлениях, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, показало, что наиболее распространенными преступлениями являются коррупционные.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 24) указывается, что среди наиболее распространенных и опасных коррупционных преступлений является взяточничество, поскольку «оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие».

Одним из немаловажных признаков предмета взятки является ее размер, поскольку от этого признака зависит квалификация соответствующего преступления: оно может подлежать квалификации по ст. 290 УК России («Получение взятки») либо по ст. 291.2 («Мелкое взяточничество»), когда получение взятки осуществляется в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

В п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 24 отмечается, что «переданное в качестве взятки ... имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта». В таких случаях может быть назначена *судебная стоимостная экспертиза* [2].

Стоимость предмета взятки определяется путем установления розничной (рыночной) цены объекта и его стоимости с учетом фактического состояния (уровня качества продукции, выраженного в стоимостных единицах).

К сожалению, обвиняемые иногда не соглашались с выводами эксперта, изложенными в своем заключении. Приведем пример из практики. *Начальник отряда исправительной колонии Т., находясь на службе, увидел, что осужденный А. незаконно пользуется мобильным телефоном, который относится к запрещенным предметам на территории исправительных учреждений и подлежит изъятию. После этого у Т. возник умысел, направленный на получение взятки от осужденного А. за незаконное бездействие — непринятие мер к изъятию мобильного телефона и незаконные действия, направленные на его сокрытие при проведении обысковых мероприятий. Предметом взятки послужили часы, стоимость которых составляла более 10 тыс. рублей. При ознакомлении с заключением эксперта обвиняемый Т. не согласился с данным выводом, указанным в заключении эксперта. Впоследствии был допрошен осужденный А., которому следователь предъявил заключение эксперта по определению стоимости часов «Casio», переданных им Т., в соответствии с которым стоимость часов оценена в 13400 рублей. С выводами А. согласился и пояснил, что примерно такую сумму денежных средств он и переводил продавцу за часы (по материалам уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 290 УК России, расследо-*

ванном в следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области в 2021 году [3]).

Как в теории, так и на практике судебные стоимостные экспертизы испытывают трудности, связанные преимущественно с отсутствием методического обеспечения, которое необходимо для проведения исследования. К их числу относятся:

- ограниченность или отсутствие достоверной информации в отношении исследуемого объекта;
- сложность поиска аналога исследуемого объекта;
- отсутствие утвержденных методик по определению стоимости объекта [4, с. 162].

Представляется, что основным способом преодоления проблемы в определении стоимости взятки является необходимость решения указанных выше вопросов судебной стоимостной экспертизы.

Благодаря *судебной фоноскопической экспертизе* могут быть установлены зафиксированные на фонограмме обстоятельства дачи (получения) взятки, дословное содержание записанного на фонограмме разговора на тему дачи (получения) денежных средств, а также идентифицированы лица (дикторы) по голосу и звучащей речи. В целях решения вопросов смыслового понимания разговора (устной речи), зафиксированного на аудио- и видеоносителях (например, о какой сумме и валюте идет речь в разговоре, кто из коммуникантов первым актуализирует в разговоре ситуацию передачи денежных средств и т.п.), назначается *судебная лингвистическая экспертиза*.

Так, согласно заключению эксперта по уголовному делу о получении должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие) следовало, что в представленном разговоре имелись:

- *признаки маскировки его содержательных элементов;*
- *признаки побуждения, адресованные лицом М («Ф.И.О.») лицу Ж («Ф.И.О.») сообщить информацию и передать денежные средства лицу, названному в разговоре как «Азат»;*
- *признаки о том, что коммуниканты в разговоре находятся в личных (положительных) отношениях (по материалам уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 290 УК России, расследованном в следственном отделе г. Уфы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан в 2021 году [3]).*

Назначение *судебной технико-криминалистической экспертизы документов* необходимо для исследования первоначального содержания документов, характерных для учреждений уголовной исполнительной системы, в которых имеются сведения об осужденных, содержащихся в исправительных колониях (например, личное дело осужденного, журнал учета нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными и др.), а также иных документов, отражающих финансово-экономическую информацию (например, товарные накладные, приходные и расходные кассовые ордера и др.); установления факта совершения каких-либо действий (исследование оттисков печатей и штампов, а также знакопечатающих устройств). *Так, Д., являясь должностным лицом, по-*

стоянно осуществляющим полномочия представителя власти и выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в государственном учреждении, лично получил от Ш. взятку в виде иного имущества и незаконного безвозмездного оказания ему услуг имущественного характера в крупном размере. Собранными в рамках предварительного расследования доказательствами, в том числе заключениями почерковедческой и технической судебных экспертиз, был достоверно установлен факт подделки документов относительно выполнения строительно-монтажных работ на доме Д.: документы подготавливались лишь в связи с необходимостью скрыть производство и оплату вышеуказанных работ подконтрольной осужденному Ш. организацией, т.е. скрыть факт получения взятки (по материалам уголовного дела о преступлениях, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 и ч. 1 ст. 286 УК России, расследованных в следственном отделе следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области с 2016 по 2019 год) [3].

Установление обстоятельств использования компьютерных средств, сетевых технологий, сведений о фактах создания и использования документов, баз данных может осуществляться в рамках проведения судебной компьютерно-технической экспертизы. Так, младший инспектор группы надзора отдела безопасности М. вступил в преступный сговор с отбывающим наказание в виде лишения свободы И., направленный на незаконные проносы и передачи последнему запрещенных предметов средств мобильной связи и цифровых носителей, а также незаконное получение на системной основе денежного вознаграждения от осужденного. Согласно заключению эксперта по судебной компьютерно-технической экспертиз следовало, что мобильный телефон «iPhone Xr», изъятый у М., находится в работоспособном состоянии, во внутренней памяти которого имеются печатные изображения, перекопированные на оптический компакт-диск. При осмотре предметов (оптического диска, полученного в ходе производства судебной компьютерно-технической экспертизы) обвиняемый М. пояснил, что в файлах на диске содержатся сведения о его переписке с осужденным И. по обстоятельствам проноса и передачи запрещенных предметов и получения от последнего денежных средств (по материалам уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 286 и ч. 3 ст. 290 УК России, расследованных в следственном отделе следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Брянской области в 2020 году) [3].

Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий в основном назначается для исследования объектов, которые могут являться наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами. Так, отбывающий наказание Н. обратился к младшему инспектору группы надзора отдела безопасности Д. с предложением о передаче ему табачного изделия, а также наркотического средства за денежное вознаграждение, на что Д., являясь должностным лицом, вступил с осужденным во внеслужебные отношения, достигнув договоренности о получении взятки за пронос и передачу ему запрещенных предметов. Согласно заключению эксперта, в изъятном у Д. полимерном пакете с веществом растительного проис-

хождения светло-желтого цвета обнаружено растительное вещество общей массой 8,991 г после высушивания, которое состоит из частей растения конопля, содержит наркотически активный тетрагидроканнабинол и является каннабисом (марихуаной), которое, согласно постановлению Правительства Российской Федерации, является наркотическим средством. Кроме того, в другом представленном на экспертизу полимерном пакете, изъятом у Д. в ходе личного досмотра, находилось гранулированное вещество массой 2,934 г, которое является некурильной табачной смесью «насвай», однако наркотическим средством, психотропным, сильнодействующим или ядовитым веществом не является (по материалам уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2, ч. 1 ст. 286, ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК России, расследованных в следственном отделе г. Салават следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан в 2021 году) [3].

Назначение судебной бухгалтерской экспертизы необходимо для исследования записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных. Сведения о фактах, отраженные в бухгалтерском учете, формируются согласно принятому порядку ведения учетных процессов экономических субъектов.

Таким образом, при расследовании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, необходимо назначать судебные экспертизы (не заменяя их проведением следственных действий), результаты которых помогут установить конкретные обстоятельства совершения преступления.

Список литературы

1. Вопросы квалификации и расследования должностных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях: практическое пособие / С.В. Валов, Н.Н. Ильин и др. М.: Московская академия Следственного комитета, 2022. 90 с.
2. Ильин Н.Н. Определение стоимости взятки с помощью судебной экспертизы при расследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Уголовное право как средство управления обществом // Liber amicorum: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17 марта 2022 года). М.: Московская академия Следственного комитета, 2022. С. 127-130.
3. Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. М.: ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева» [Электронный ресурс] (дата обращения: 14.05.2024).
4. Абакумов Р.Г., Клипина Н.А. Аналитический обзор существующих методик проведения судебной стоимостной экспертизы объектов недвижимости и проблемы их применения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 1 (35). 2019. С. 159-164.

*Е.Е. Космодемьянская, к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск*

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ПОИСКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ГРАБЕЖИ И РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ Г. КРАСНОЯРСКА)

В массиве преступлений, совершаемых на территории России, ежегодно преобладают преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности. Так, в 2023 г. процент краж в общей структуре преступности составил 30%, мошенничеств — 22,3%, грабежей и разбоев — 1,3% [6]. В 2024 г. тенденции не изменились [7].

Несмотря на то, что «отмечается снижение количества зарегистрированных разбоев на 15,4%, грабежей — на 23,9%, краж — на 16,4%, в том числе квартирных — на 24,6%, краж транспортных средств — на 23,6% и их угонов — на 8,6%; число уличных разбоев сократилось на 12,2%, грабежей — на 24,5%, краж — на 22,9%» [6], их общественная опасность высока.

Одним из примеров таких преступлений является следующий: *«В дежурную часть ОМВД России по Мотыгинскому району Красноярского края поступило сообщение о том, что трое неизвестных совершили нападение на прииск, на котором велась добыча золота. Установлено, что злоумышленники под угрозой применения предметов, схожих с оружием, причинив телесные повреждения одному из работников, похитили более 200 тысяч рублей, около 1 кг золотого песка, а также сотовые телефоны. В ходе оперативно-розыскных мероприятий сотрудники полиции установили, что к нападению причастны трое жителей Республики Алтай.*

Предварительно установлено, что после совершения налета злоумышленники уехали на внедорожнике в родной регион. Красноярские оперативники при содействии коллег из МВД по Республике Алтай задержали подозреваемых — троих мужчин 1984, 1987 и 1988 годов рождения. По месту их жительства проведены обыски. Изъяты похищенный золотой песок, автомобиль, на котором было совершено преступление, средства мобильной связи, а также три зарегистрированные единицы гражданского оружия, возможно, использованного во время нападения» [5].

Следует заметить, что квалифицированных, «профессионально выполненных» грабежей и разбойных нападений на организации в г. Красноярске крайне мало. Среди таковых — вооруженные разбои на ювелирные салоны, один из них с ранением сотрудника ЧОП ножом в бедро, нападение на офисы микрозаймов, разбойное нападение группой лиц на владельца сети тренажерных залов в Железнодорожном районе, разбойное нападение группой лиц на таксиста, занимавшегося частным извозом в Свердловском районе. Также характерны нападения на администраторов гостиничных комплексов и хостелов, причем преступниками являлись сами заселившиеся граждане.

Как правило, в ситуации совершения преступления в условиях неочевидности в первую очередь проводится осмотр места происшествия для получения первичной ориентирующей и закрепления доказательственной информации, а также осуществляются все необходимые неотложные процессуальные действия. Алгоритм их может быть таков:

- обнаружение, фиксация и предварительное исследование материальных источников информации;
- установление и опрос очевидцев;
- составление ориентировок для розыска похищенного имущества (описание индивидуально-определенных признаков и регистрация номерных вещей);
- составление субъективных словесных портретов для поиска преступников;
- изъятие и осмотр средств видеофиксации вблизи места события и др.

Среди мер оперативно-розыскной деятельности можно назвать следующие:

- 1) организация засад в местах возможного появления преступника или в местах вероятного сбыта похищенного имущества;
- 2) проверка и выявление лиц по справочным, оперативным и криминалистическим учетам с использованием сведений о способе, механизме и характере совершенного преступления;
- 3) ориентирование агентурного аппарата на поиск лиц, совершивших преступление, на поиск похищенного имущества, на сбор информации о совершенном преступлении в специфичной преступной среде и иные.

К сожалению, не всегда вышеперечисленные средства по установлению причастных лиц приводят к желаемому результату.

Тогда закономерно возникает вопрос, что еще можно сделать в такой ситуации. В данном случае возможен ряд мероприятий по определению зоны поиска преступника, которая будет включать как территорию, так и социально-демографическую среду, в которой может находиться последний.

Среди таковых обычно осуществляются следующие действия:

- проверка следов пальцев рук (при их обнаружении и изъятии с места происшествия) по АДИС «Папиллон»;
- проверка лиц, ранее совершавших преступления данной категории и проживающих в этом же микрорайоне;
- установление контроля за местами возможного сбыта похищенного имущества;
- ориентирование отделов, обслуживающих соседние территории;
- использование негласных сотрудников оперативных подразделений и т.п.

В наших более ранних исследованиях мы предлагали помимо контроля за традиционными местами возможного сбыта имущества, названного преступным путем, использовать следующие средства:

«— мониторинг администраторов сетевых городских барахолок (Бесплатный Красноярск, Отдам даром, Обмен Красноярск и т.д. (сетевой ресурс: <https://vk.com>.);

– мониторинг аукциона «AU24.ru» (сетевой ресурс: <https://krsk.au.ru>);

– мониторинг «даркнет-площадок» (вход через браузер TOR) (пример: onion-shop — торговая площадка по купле-продаже запрещенных к обороту и ограниченных в обороте в Российской Федерации предметов, а также краденого имущества или реализация имущества, приобретенного за счет похищенных денежных средств, — т.е. придание легального вида денежным средствам, добытым преступным путем (сетевой ресурс: <https://wrhsa3z4n24yw7e2.onion> (вход возможен только через браузер «TOR» с использованием VPN-сервиса, предоставляющий маршрутизаторы сети Интернет на серверы, расположенные за пределами Российской Федерации и стран СНГ))¹;

– мониторинг сетевых досок частных объявлений (Авито, Юла и т.д.)» [4].

В наших исследованиях мы также упоминали о том, что «при невозможности раскрыть преступление «по горячим следам» возникает необходимость использования иных, нетрадиционных методов поиска, например, применение корреляционных зависимостей между отдельными видами преступлений в рецидиве, анализ оперативной обстановки за определенный промежуток времени, прогнозирование социальных свойств преступника, диагностика профессиональных особенностей, использование метода выявления «очагов» совершения преступлений и анализа взаимосвязи места совершения и места жительства преступника» [2].

Интересны результаты проведенного сравнительного исследования по вопросу наличия, дрейфа и обусловленности «очагов» грабежей и разбойных нападений, совершенных на территории г. Красноярска, в 2018-2020 гг. и за период 2021-2023 гг.

Так, по результатам исследования в 2018 г. была составлена карта «очагов» грабежей и разбойных нападений по всем районам города [3].

Каждая метка в определенном районе имеет свой цвет (зеленый — Советский район, красный — Центральный район, фиолетовый — Октябрьский район, желтый — Кировский район, черный — Ленинский район, синий — Свердловский район, бордовый — Железнодорожный район), а два вида преступления имеют свое обозначение (звезда — грабеж, крест — разбойное нападение) (рис. 1).

¹ Название интернет-магазина «Tor Warehouse». Как утверждают авторы — магазин купленного на доходы от кардинга и просто краденое имущество.

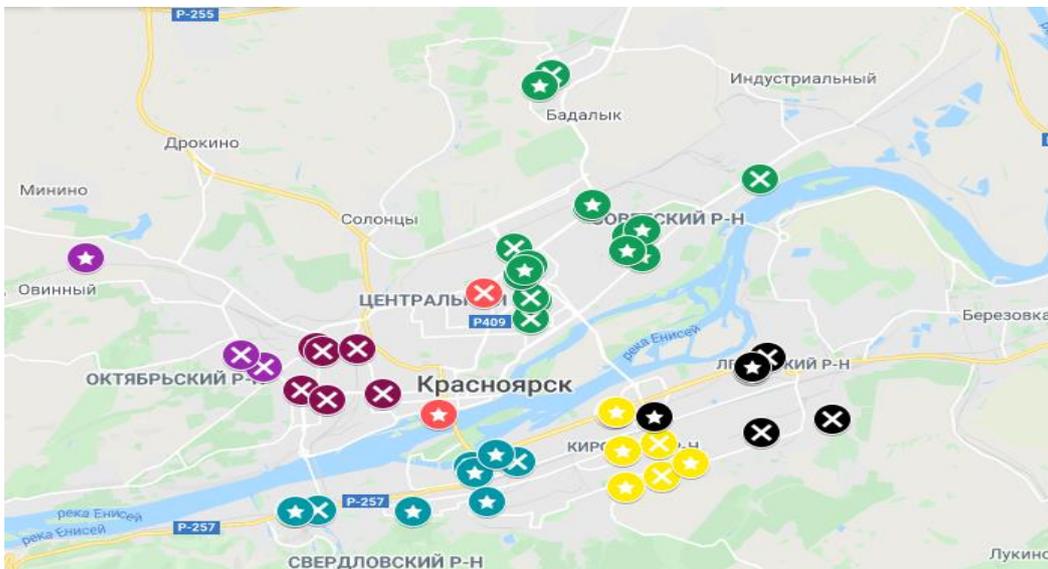

Рис. 1. Общая карта «очагов» грабежей и разбойных нападений, совершенных на территории г. Красноярска за 2018 год

Метка на карте соответствует месту совершения преступления, которое указано в приговоре суда.

На данной карте отображается информация о конкретном приговоре и номере уголовного дела, что возможно благодаря функции карты «описание», где размещены реквизиты соответствующих приговоров судов, и можно просмотреть полное текстовое содержание самого приговора по активной ссылке¹ (рис. 2).

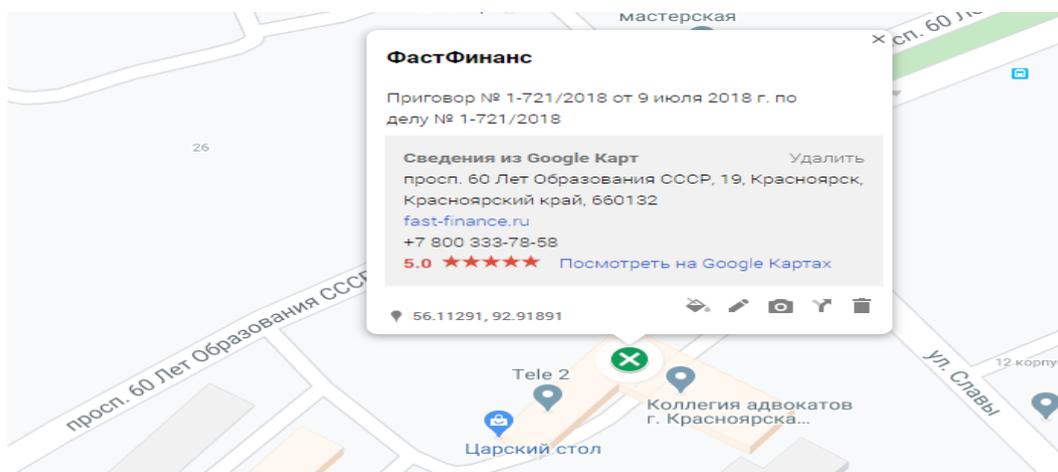

Рис. 2. Описание метки с содержанием реквизитов приговора

На данном этапе исследования была продемонстрирована принципиальная возможность визуального представления информации о совершенных преступлениях на территории города Красноярска, была выявлена доступность методо-

¹ Данный файл может быть воспроизведен с помощью браузеров «Yandex Browser» или «Google Chrome», при условии наличия подключения к сети «Интернет» по ссылке: <https://www.google.com/maps/d/edit?mid=1w3sVtnU22IdLfpneQVE-lAFBzqM8chV0&ll=56.046408886418675%2C92.87675454999999&z=11>

логии исследования. Однако обобщение таких данных всего за один календарный год не позволяет проследить динамическую составляющую. Поэтому в 2020 г. была вновь проведена аналогичная работа, в ходе которой были составлены статическая и динамическая интерактивные карты с нанесенными метками о местах совершения грабежей и разбоев за календарный период с января по декабрь 2019 г. (рис. 3)¹.

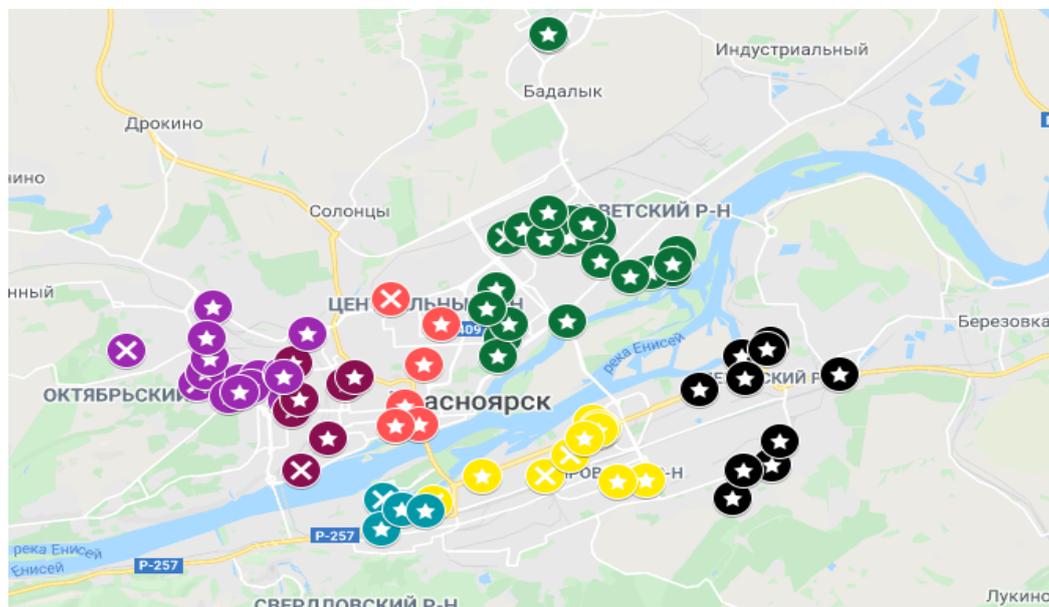

Рис. 3. Общая карта «очагов» грабежей и разбойных нападений, совершенных на территории г. Красноярска за 2019 год

По результатам анализа был сделан вывод: «видов и способов совершения грабежей и разбойных нападений не так много, все они типичны, но все же имеют отличительные черты. Так, в 2019 г. резко возросли грабежи и разбойные нападения на обыкновенные продуктовые магазины и павильоны, где добычей преступников становились собственно продукты питания и алкогольные напитки. Было зарегистрировано несколько случаев нападения на курьеров компаний по доставке еды, где целью была именно еда, а не денежные средства» [3].

В 2024 г. было проведено аналогичное изучение приговоров судов, вынесенных районными судами общей юрисдикции г. Красноярска за период 2020-2023 гг., что позволило составить аналогичную карту, представленную на рисунке 4, а также установить, что преимущественно местами хищений выступили объекты торговли (павильоны, торговые залы сотовых операторов, супермаркеты, магазины). Предмет преступления напрямую обусловлен местом его совершения, поэтому наиболее часто в качестве такового явились сотовые телефоны, продукты питания и алкогольные напитки, бытовая техника и т.п.). При совершении грабежей и разбоев с проникновением в жилище предметом чаще всего являлись денежные средства.

¹ Знаки обозначения видов преступлений и цветовое разграничение по районам города оставлены без изменения, как и в 2018 г.

Как видим, результаты использования анализа очагов грабежей и разбойных нападений имеет реальное практическое значение в качестве средства решения тактической задачи по поиску преступника в рамках методики расследования анализируемых видов преступлений.

Список литературы

1. Космодемьянская Е.Е. Сравнительный анализ данных об «очагах» имущественных преступлений, совершенных на территории г. Красноярска, и возможности их использования для поиска преступника (по материалам практики отделений милиции г. Красноярска) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 172-176.
2. Космодемьянская Е.Е., Космодемьянский П.Н. Модернизация средств поисковой деятельности в расследовании и раскрытии преступлений имущественного характера (по материалам практики ОМ г. Красноярска) // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества: сборник докладов Международной научной конференции: в 2 томах / отв. ред. В.М. Шафиров. Красноярск, 2011. С. 377-384.
3. Космодемьянская Е.Е., Межинский Е.А. Возможности использования информационно-телекоммуникационных технологий в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул, 2020. С. 117-122.
4. Космодемьянская Е.Е., Межинский Е.А. К вопросу о традиционных и нетрадиционных средствах раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 99-103.
5. Красноярские оперативники раскрыли разбойное нападение на работников золотого прииска // Пресс-служба ГУ МВД России по Красноярскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnyenovosti/krasnoyarskie-operativniki-raskryli-razboynoe-napadenie-na-rabotnikov-zolotogo-priiska/> (дата обращения: 02.04.2024).
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 02.04.2024).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (дата обращения: 02.04.2024).
8. Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2001.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ФОРМАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

При рассмотрении сущности принципов уголовного процесса большинство авторов отмечают, что под ними необходимо понимать базовые, или основные положения, на которых строится весь уголовный процесс. Анализируя законодательную и доктринальную [1, с. 156] систему принципов отечественного уголовного процесса, автор предсказуемо отмечает отсутствие какой-либо составляющей формальной оценки доказательств в их идейном и нормативном содержании [2, с. 141].

Тем не менее автор предлагает посмотреть на оценку доказательств как на инструмент формирования доказательств в сугубо юридическом смысле. Рассмотреть оценку доказательств одновременно как диагностику доказательств с точки зрения информационной ценности содержащихся в них сведений, и одновременно — как на аттестацию с позиций соблюдения законной процессуальной формы.

Исследователь считает, что складывающаяся специфика правового регулирования в рамках расследования отдельных составов преступлений заставляет правоприменителя идти на ограничение принципа свободы оценки доказательств, а также исключительных случаях даже руководствоваться формальной оценкой доказательств.

Подобные случаи в доктрине уголовного процесса описываются как «негативные стороны усмотрения» [3, с. 17-20] или «произвол в деятельности следователя» [4, с. 561-562].

Автор считает, если в процессе правоприменения происходят ситуации, прямо не зависящие от подозреваемого или обвиняемого, когда исключается или искажается внутреннее убеждение следователя или суда.

Представляется, что не только в отдельных случаях злоупотреблений следователя или судьи указанный принцип может заменяться «принципом-антиподом» в виде формальной оценки доказательств. Так, относительно новые правовые нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее — УПК РФ) в отношении производства по уголовным делам в сфере экономической деятельности выступают неким инструментом ограничения внутреннего убеждения следователя и суда.

Ярким примером в данном отношении выступает ст. 28.1 УПК РФ, декларирующая возможность прекращения уголовного преследования по преступлениям в сфере экономической деятельности в связи с возмещением ущерба в бюджет РФ. Представленным правом пользуется криминальный элемент в части совершения преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Так, концепт согласия на возмещение обвиняемым или подозреваемым ущерба причиненного преступлением ограничивает или даже исключает внут-

ренное убеждение «фискальными» интересами государства. Представленную «привилегию» по отношению к отдельным составам преступлений возможно соотносить с признанием вины подозреваемым, выступающим в разрезе правил теории формальной оценки доказательств в виде совершенного доказательства.

Автор согласен с мнением Н.В. Ильютченко, что в процессе правоприменения, трудности в отношении перехода на процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям могут возникнуть только в случае появления дополнительного условия в виде несогласия самого подозреваемого (обвиняемого) [6, с. 66-70].

Идейно представленный тезис в отношении ограничения судейского усмотрения, воплощенного в ст. 28.1 УПК РФ, придерживаются и В.Н. Григорьев, П.О. Панфилов и М.Ю. Терехов: «Таким образом, необоснованный, концептуально неподготовленный отказ от свободной оценки доказательств, в границах отдельного процессуального порядка, влечет утрату публичности уголовного судопроизводства в целом» [7, с. 64].

Представляется, что выделенный законодателем вариант выбора между возмещением в бюджет РФ причиненного преступлением ущерба или продолжения уголовного преследования необходимо считать определенной формой постпреступного поведения, выступающей презумпцией признания общественной опасности преступления, а также деятельного раскаяния.

Дополнительно отметим, что на основании п. 2.2 и 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ оперативно-розыскные мероприятия, а также следственные действия в результате которых были получены доказательства, содержащие сведения из специальной декларации, будут признаны недопустимыми, за исключением случаев, указанных нами выше, когда лицо добровольно предоставляет документы в следственные подразделения для разрешения вопроса о прекращении уголовного преследования.

Опираясь на данный тезис, отметим, что возмещение ущерба лицом, совершившим преступление, может исключать дальнейшую оценку иных доказательств, собранных в результате расследования. Схожая процедура дополнительно прослеживается в рамках производства дознания в сокращенной форме, а именно в контексте ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, когда суд скован в исследовании и оценке только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, если не будет заявлено соответствующих ходатайств со стороны защиты.

Рассматривая выделенные институты уголовного судопроизводства в контексте теории формальной оценки доказательств, исследователь делает заключение, что их содержание соотносится концептуально с данной теорией.

Использование в отечественном законодательстве норм формальной теории оценки доказательств, перешедших через правопреемство уголовно-процессуальных норм, подтверждается и обилием формально-обязательных требований, обращенных непосредственно к соблюдению процессуальной формы. Особенно категорически данная специфика правового регулирования проявляется на этапе досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Опираясь в данном вопросе на частное мнение юридической доктрины о том, что в отечественном уголовном процессе существуют признаки всех трех

исторических моделей уголовного процесса [8, с. 432-438], автор делает акцент на то, что формула собирания и последующего закрепления доказательств носит строго формальный характер, практически без опоры на принцип свободной оценки доказательств. Процесс же оценки доказательств полностью основывается на инструменте в виде внутреннего убеждения, основанного на совокупности доказательственной базы.

Исследователь А.С. Александров в данном отношении придерживался смежной позиции: «Формализм никогда не исчезал из доказательственного права, но только видоизменялся. Он всегда играл и сейчас играет решающую роль в судебной аргументации, составляет неотъемлемую часть судебного доказательства; объединяет доказательства в систему; он, наконец, определяет сам результат познания в суде преступления, преступника и наказания — судебную истину» [9, с. 34].

Развитый формализм, присутствуя сейчас в УПК РФ, бесспорно, объединяет доказательства в систему, помогает обеспечить участие сторон в деле в равных условиях, а также обеспечивает их право на защиту. Но необходимо учитывать, что формализм, встраиваясь в структуру, может привести и к негативным последствиям, таким как ограничение права на справедливое судебное разбирательство, увеличение числа ошибочных приговоров, что в совокупности приводит к снижению доверия к правосудию.

В продолжение к указанному тезису ключевым вопросом выступает соотношение объективных и субъективных факторов при оценке доказательств. Так, в ч. 1 ст. 17 УПК РФ закреплено, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Мы разделяем меткое выражение Т.А. Морозовой: «...комплексный анализ текста УПК РФ показывает, что декларируемый принцип свободной оценки проявляет себя далеко не во всех институтах и нормах доказательственного права. Более того, в тексте закона вполне различимы следы экспансии принципа-антипода. Нормативная трактовка недопустимых доказательств (ст. 75 УПК РФ) наглядно подтверждает, что элементы формальной оценки доказательств вновь включены в уголовно-процессуальные процедуры» [10, с. 3-4].

Тем самым, формула принципа свободной оценки доказательств в отношении к ее процессуальной свободе выступает скорее метафорой, чем непосредственным определением сути феномена оценки доказательств. Отказ на уровне теории далеко еще не означает, что явление в виде формальной оценки доказательств полностью исчезло из правоприменительной практики.

В дополнение отметим следующее: рассматривая основные черты формальной теории оценки доказательств дореволюционного уголовного процесса, выделенные Ю.А. Авериной [11, с. 78-80] и А.С. Александровым [9, с. 35], невооруженным взглядом можно заметить идентичный формальный подход работы с оформлением доказательств. Главенство юридической формы изменилось только формой. Идейное же выражение данной доказательственной парадигмы существует и сейчас.

Так, содержание ст. 17 УПК РФ, посвященной принципу свободной оценки доказательств в различных стадиях уголовного процесса, нередко сталкивается с некими ограничениями. Отдельные из них вытекают из подчинения следователя руководителю следственного органа, прокурорским работникам, другие непосредственно вытекают из череды формально установленных требований УПК РФ.

Например, несоблюдение требований в части обязательной подписи понятого на одном из листов протокола следственного действия порождает отсутствие возможности допроса данного лица в качестве свидетеля. Запрет на использование доказательств с нарушением требований закона, с одной стороны, выступает одной из конституционных гарантий соблюдения прав человека, с другой — порождает выстраивание тактики преступной манипуляции с целью отыскания формальных ошибок в материалах уголовного дела для признания отдельных доказательств недопустимыми.

Законодательно также однозначно не отрегулирован порядок признания доказательств недопустимыми, в тексте УПК лишь упоминается о праве некоторых участников уголовного процесса на заявление ходатайства об установлении обстоятельств добывания спорного уголовно-процессуального доказательства.

В данной связи автор разделяет мнение исследователя Т.Ю. Максимовой о том, что «...процедура исследования доказательств при рассмотрении ходатайства о признании доказательства недопустимым закреплена в гл. 34 УПК РФ фрагментарно и недостаточно четко. Так, например, из ч. 1 ст. 234 УПК РФ следует, что на предварительное слушание распространяются положения гл. 33, 35, и 36 УПК РФ» [12, с. 602].

Выработанные юридической доктриной теории «плодов отравленного дерева» или «асимметрии правил допустимости доказательств» также косвенно указывают на наличие в действующей редакции УПК РФ норм, применение которых вызывает сковывание правоприменителя в тиски формальной оценки доказательств.

Представляется, что действующее уголовное судопроизводство, опираясь на признаки розыскного (следственного) процесса в части сбора доказательственной базы на досудебных стадиях, также соотносится с названным типом процесса и на судебных стадиях в виде отдельных случаев применения формальной оценки доказательств. Именно в части судебного злоупотребления, вызванного пробелами в части законодательной базы, использование представленного метода оценки доказательств выходит на уровень правоприменения.

Таким образом, исследователь видит проявление принципа формальной оценки доказательств в УПК РФ в следующих направлениях в виде:

- 1) недостаточной правовой регламентации использования института недопустимых доказательств. Так, содержание статей 75 УПК РФ, а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 и от 05.03.2004 № 1 [13] не редко выступают объектом манипуляции преступного элемента в части исключения отдельных доказательств из уголовного судопроизводства исключительно по формальным признакам в отношении соблюдения юридической формы;

2) существования норм УПК РФ, исключаящих внутреннее убеждение следователя и суда в связи с «фискальными» интересами государства. А именно продемонстрированный в работе в рамках процессуального порядка прекращения уголовного преследования, закрепленного в статье 28.1 УПК РФ.

Список литературы

1. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: в 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства: учебное пособие для вузов / В.Т. Томин и др.; под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 366 с.

2. Рамазанов Т.Б., Рамазанова Э.Т. Исторические типы доказательственных теорий и их значение для формирования российской теории доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №2. С. 140-143.

3. Ярославский А.Б. Усмотрение следователя при расследовании уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2000. 160 с.

4. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. 799 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2024).

6. Ильютченко Н.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: условия и механизм реализации // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 66-70.

7. Григорьев В.Н., Панфилов П.О., Терехов М.Ю. Отказ от свободной оценки доказательств на примере «амнистии капитала»: очередной удар по публичности уголовного процесса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 58-69.

8. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юридический ф-т, каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 1280 с.

9. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 34-47.

10. Морозова Т.А. Свобода оценки доказательств в стадии предварительного расследования автор.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2007. 210 с.

11. Аверина Ю.А. Судебные доказательства (Общетеоретическое исследование): монография. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Научная книга, 2006. 128 с.

12. Максимова Т.Ю. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1 (4). С. 599-605.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2024).

МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Развитие информационных компьютерных технологий побуждает преступников создавать новые способы совершения уголовных правонарушений. В настоящее время особую актуальность приобретают мошенничества, совершенные с использованием информационных компьютерных технологий (кибермошенничество). Данные противоправные деяния не только наносят материальный ущерб гражданам, но и наносят репутационные потери нашему государству.

Ввиду этого важной является разработка современных методик расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационных компьютерных технологий (кибермошенничеств).

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в течение 2022 г. было учтено 14760 уголовных правонарушений, предусмотренных ч.ч. 2-4 ст. 190 УК РК, в 2023 — 19430. Приведенная статистика подтверждает тот факт, что количество совершения мошенничества, в том числе с использованием информационных компьютерных технологий, стремительно увеличивается [1]. Именно поэтому существует необходимость в исследовании криминалистической характеристики данных противоправных деяний, что будет способствовать их эффективному расследованию, установлению виновных и привлечению их к уголовной ответственности.

В теории криминалистики существует большое количество подходов к определению понятия «криминалистическая характеристика уголовного преступления». Авторы к наиболее важным положениям методики расследования относят «криминалистическую характеристику преступления», однако не раскрывают содержания данного понятия [2, с. 31]. До сих пор среди ученых-криминалистов не существует единства в отношении толкования понятия криминалистической характеристики.

Соглашаемся с предложенным определением М.А. Арыстанбекова, который криминалистическую характеристику уголовных правонарушений рассматривает как «информационную модель типичных признаков определенного вида (группы) уголовных правонарушений, которая отражает закономерные связи между этими признаками и разрешает выбрать необходимую методику и средства расследования» [3, с. 25].

Исследуя элементный состав криминалистической характеристики кибермошенничеств, считаем, что к нему необходимо отнести: 1) способ совершения; 2) сведения о личности потерпевшего и личности преступника; 3) следы совершения.

Отметим, что способ совершения кибермошенничества зависит от многих факторов: масштаба преступного деяния, наличия у преступника соответствующих (специальных) знаний и личности потерпевшего. К примеру, наибольший успех преступники получили во время совершения мошенничеств с использова-

нием информационных компьютерных технологий, направленных на лиц в возрасте от 18 до 40 лет, работающих в сфере финансов или ИТ [4, с. 48].

Поскольку способ совершения данного уголовного преступления может изменяться со временем и развитием информационных компьютерных технологий, отметим наиболее распространенные из них:

1) *фишинговые атаки* — отправка электронных сообщений, содержащих ссылки на фейковые веб-сайты. Цель — заставить личность предоставить свою конфиденциальную информацию (пароли, номера кредитных карт и т.п.). Преступники создают веб-сайты, точно имитирующие внешний вид законных веб-ресурсов. Например, организованная группа из граждан России и Казахстана, используя рекламные средства в соцсетях, привлекали внимание лиц, заинтересованных в денежной помощи от государства или благотворительных фондов. Данная реклама включала ссылку на официальный государственный портал для получения помощи. Перейдя по данной ссылке, пострадавшие попадали на мошеннический сайт, имитирующий официальный онлайн-банкинг. Граждане вводили реквизиты своей банковской карточки, которые затем становились доступны мошенникам [5].

Также распространены случаи создания колл-центров. Злоумышленники в Карагандинской, Костанайской и других областях использовали фишинг для получения конфиденциальной информации о пострадавших, а затем путем обмана заставляли лиц совершать переводы на банковские счета преступников;

2) похищение и дальнейшее использование личных данных с помощью социальной инженерии и/или программного обеспечения. Одним из вариантов получения личных данных с помощью программного обеспечения является использование брутфорс (автоматизированное программное обеспечение для подбора паролей), если злоумышленнику известны исходные данные потерпевшего лица.

Нередко преступники используют методы социальной инженерии. Так, специалист банка получила конфиденциальную информацию о персональных данных владельца банковской платежной карты, в частности, финансовый номер телефона клиента банка, а также логин и пароль доступа к расчетному счету. Во время телефонного разговора, выдавая себя за клиента банка, получила незаконный доступ к банковским средствам потерпевшего и несколько переводов его средств на свои счета;

3) использование уязвимостей программного обеспечения потерпевшего. Кибермошенники могут использовать известные уязвимости системы безопасности программного обеспечения или операционных систем, чтобы получить несанкционированный доступ к средствам информационных компьютерных технологий. Данный способ используется для завладения конфиденциальными данными, установки или создания бэкдора, позволяющих злоумышленнику в любое время получать доступ к операционной системе. Примером может служить так называемая «атака Сибилы», являющаяся угрозой безопасности онлайн-системы, где происходит захват сети, с помощью учетных записей, узлов или компьютеров [6].

Как следствие, после таких атак преступники получают базу данных клиентов и их персональные данные, которые могут в дальнейшем использоваться в противоправных целях как орудие или источник для совершения мошеннических действий. Что касается сокрытия кибермошенничеств, то в подавляющем большинстве преступники используют анонимайзеры — это специальные программы, позволяющие замаскировать местонахождение во время противоправных действий. Например, Tor или DarkWallet. Последний наиболее часто применяется в сфере виртуальных активов. Следующим элементом криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных с использованием информационных компьютерных технологий, является характеристика личности преступника (кибермошенника).

Заметим, что криминалистическая информация по кибермошеннику позволяет органам досудебного расследования выяснить его характерные признаки, возможные мотивы и следы совершения уголовного правонарушения, а также избрать соответствующую тактику проведения отдельных следственных (розыскных) действий. В общем, анализ разных криминалистических точек зрения позволяет выделить признаки, характерные для личности кибермошенника. К таким признакам целесообразно относить следующие:

- 1) общие (этническое происхождение, возраст, образование, профессия);
- 2) психологические (темперамент, характер, интересы и склонности, мотивы и стиль поведения, определенные психические отклонение);
- 3) специальные («профессиональные привычки» и «почерк» кибермошенника) [4, с. 47].

Примером профессиональной привычки кибермошенника может быть: 1) использование конкретного программного обеспечения для анонимности (VPN, прокси-сервера); 2) определенный способ совершения уголовного правонарушения (фишинг, брутфорс); 3) способ получения конфиденциальных данных о личности потерпевшего (самостоятельный, покупка соответствующих баз данных в сети Интернет); 4) использование операционной системы, определенной марки техники, программного языка.

В отличие от «профессиональной привычки» «почерк» кибермошенника — это характерное действие, которое лицо сознательно совершает, понимая, что этим она выделяет себя среди других [8]. Это может быть как способ написания сообщений, так и аватарка на соответствующих форумах.

Кибермошенников можно условно разделить на три группы:

- лица с разным уровнем навыков в сфере информационных компьютерных технологий, ранее не совершавших уголовные правонарушения такого вида;
- лица, не обладающие навыками или имеющие начальный уровень пользования средствами информационных компьютерных технологий, а также принимают участие в преступных группировках;
- лица с высоким уровнем навыков в сфере информационных компьютерных технологий и систематически совершающих определенные уголовные правонарушения.

Знание уровня подготовки или почерка преступника может предоставить информацию следователю о местонахождении следов совершения уголовного правонарушения. К примеру, если есть сведения о том, что лицо использует незащищенную IP-телефонию (например, Zoiper), можно сделать вывод, что оно не обладает высоким уровнем навыков в сфере информационных компьютерных технологий и может находиться в составе организованной преступной группы (так называемых мошеннических колл-центров).

Исследуя отечественную криминалистическую литературу [8, 9], можно выделить специфические признаки, которые характерны для личности потерпевшего.

В частности, важным признаком является возраст потерпевшего, поскольку фишинг как способ совершения кибермошенничества чаще всего применим именно к пожилым людям.

Следующим признаком можно считать местонахождение потерпевшего. К примеру, позвонив пострадавшему в ночное время суток, можно его дезориентировать и выманить конфиденциальные данные банковских карт.

Следует заметить и о кибермошенничестве в отношении юридических лиц (как правило, это банковские учреждения, криптовалютные биржи или государственные учреждения). Так, хакер Гонзалес из США получил конфиденциальную информацию о мерах безопасности от десятков миллионов кредитных карт из разных финансовых учреждений. После чего он взломал сеть банков и, используя ранее полученные данные, представлялся потерпевшим и совершал переводы на свои собственные счета [10].

Не менее важным элементом криминалистической характеристики кибермошенничества являются следы их совершения. В теории криминалистики традиционно выделяют два вида следов: материальные и идеальные. Материальные следы — изменения в элементах вещевой обстановки, возникающих как результат механического, химического, биологического, термического и других воздействий. Идеальные следы — отражение криминалистически значимой информации в сознании людей, хранящейся в памяти человека [11, с. 83]. Материальными следами данного уголовного правонарушения могут быть следы-отражения внешнего физического воздействия на информационные компьютерные технологии (следы рук, ног, орудий взлома и т.п.); следы вещества в виде расходных материалов (тонеров, красок, различных смазок, используемых в компьютерных системах, их сетях и периферических устройствах); следы-предметы — сменные диски и ленты, устройства дистанционного снятия информации, распечатки на бумажных носителях и документы на электронных носителях, кабели и разъемы, устройства физического уничтожения компьютеров, их сетей. Идеальные следы могут оставаться в памяти человека и составлять информацию о последствиях совершения кибермошенничества, его способ, данные о личности преступника.

Электронные следы совершения кибермошенничества могут оставаться в компьютере, устройствах хранения данных и непосредственно в компьютерной сети. Важное значение для расследования данного уголовного правонарушения составляют сведения от интернет-провайдера, а именно информация

о событиях, происходивших в сети Интернет. Если кибермошенник использовал вредное программное обеспечение, то нужно исследовать временные файлы, оставленные на средство информационно-компьютерной технологии потерпевшего. Следы совершения кибермошенничества могут находиться и вне киберпространства. В частности, материальные следы уничтожения устройств или же серверов.

Выводы. Криминалистическая характеристика кибермошенничества имеет важное практическое значение для органов досудебного расследования, поскольку служит основой, и выдвижение версий и позволяет выбрать соответствующую тактику проведения отдельных следственных (розыскных) действий при расследовании указанных уголовных правонарушений. В связи с увеличением количества совершения обозначенных противоправных деяний необходимо разрабатывать новые рекомендации, средства и методы их расследования.

Список литературы

1. Сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // метод. электр. журн. «Концепт». 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/activities/directions?lang=ru> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Криминалистика. Криминалистическая техника: учебное пособие для вузов / А.А. Аубакирова, А.В. Гайдамашев, С.Б. Коваленко, Г.Ю. Тасмагамбетова, О.Г. Кузнецов, А.Ф. Аубакиров, Э.П. Ким, С.Ю. Алесковский, А.В. Брылевский, К.Н. Шакиров; под ред. А.Ф. Аубакирова; Каз. гуманитарно-юридический ун-т. Алматы: Аркаим, 2002. 729 с.
3. Арыстанбеков М.А. Современные концептуальные положения методики расследования отдельных видов преступлений: автореф. дисс. ... доктора юридических наук. 12.00.09. Караганда, 2009. 50 с.
4. Курумбаева А.Б., Коцегулов Б.Б. Некоторые вопросы квалификации мошенничеств, совершаемых с использованием информационных систем // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2022. № 3 (107). С. 46-53.
5. Организованную группу киберпреступников из Казахстана и России задержали полицейские. [Электронный ресурс]. URL: <https://vecher.kz/gruppu-kiberprestupnikov-iz-kazakhstan-i-rossii-zaderzhali-politseyskie>(дата обращения: 01.04.2024).
6. Academy B. Sybil attacks explained | binance academy. Binance Academy. [Электронный ресурс]. URL: <https://academy.binance.com/en/articles/sybil-attackexplained> (дата обращения: 02.04.2024).
7. Егоров В.А. Особенности квалификации мошенничества, совершенного с использованием компьютерных средств и телекоммуникационных технологий // Науч.-метод. электр. журн. «Концепт». 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183004.htm>.
8. Криминалистика: рекомендации к раскрытию преступлений: учебно-практическое пособие / А.Я. Гинзбург, Н.И. Оганов, Г.И. Поврезнюк; под ред. А.Я. Гинзбурга. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 351 с.

9. Агыбаев А.Н. Ответственность за мошенничество // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2014. № 4 (72). С. 242-245.

10. IT leadership – ARN. ARN. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arnnet.com.au/it-leadership/> (дата обращения: 03.04.2024).

11. Аралбаев С.С. Методика расследований отдельных преступлений: учебное пособие. Костанай: КГУ, 2017. 113 с.

А.Г. Маркелов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета высшего образования Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Казань

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ КОМПРОМИССНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» действующий УПК РФ был дополнен новой главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Согласно пояснительной записке, данный закон был направлен на совершенствование отдельных положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок осуществления упрощенного дознания по уголовным делам. В частности, новый закон установил особый сокращенный и в то же время компромиссный порядок производства упрощенного дознания, который позволял исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает никакого сомнения. При этом введение сокращенного и компромиссного производства дознания было нацелено на достижение существенной процессуальной экономии, расширения диспозитивных начал при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим — права на доступ к правосудию. Обозначение указанной процедуры как компромиссной уголовно-процессуальной формы изложено автором в отдельной публикации [1, с. 132-135].

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся положительные стороны такого особого нововведения, правоохранительные и судебные органы сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных отсутствием разъяснений о порядке производства компромиссного дознания в сокращенной форме, неоднозначно складывающейся правоприменительной следственно-судебной практикой. Принимая во внимание то обстоятельство, что в одной статье невозможно рассмотреть все проблемные вопросы, возникающие при производстве компромиссного дознания в сокращенной форме, считаем необходимым остановиться на анализе отдельных обстоятельств, исключающих подобное производство по уголовным делам.

Так, в соответствии со ст. 226.2 УПК РФ компромиссное производство дознание не может производиться в сокращенной форме в следующих случаях:

1) *подозреваемый является несовершеннолетним*. Наличие этого процессуального основания вполне закономерно, так как производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц всегда имеет определенные сложности и требует соблюдения большого количества правил (глава 50 УПК РФ), в том числе всестороннего, полного и объективного изучения личности, поскольку несовершеннолетнее лицо в таком возрасте часто может не осознавать общественную опасность совершенного им преступления в силу отсутствия необходимого жизненного опыта. В подобных случаях необходимо в полном объеме производить все следственные и процессуальные действия по сбору необходимых доказательств и, учитывая возраст несовершеннолетнего, в наибольшей степени минимизировать вероятность его самооговора. А что касается будущего наказания, то для несовершеннолетнего лица в любом случае предусматривается определенное снисхождение и льготное наказание в порядке ст. 88 УК РФ;

2) *имеются процессуальные основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 УПК РФ*. Наличие этого процессуального условия также закономерно регламентировано особой главой 51 УПК РФ. Лица, которые не могут отдавать отчет своим действиям и руководить ими, не могут здраво оценить сложившуюся ситуацию, в том числе принимать решение о применении компромисса и производства дознания в сокращенной форме. Кроме этого, лица, признанные в результате производства судебно-психиатрической экспертизы невменяемыми, по закону не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Это процессуальное условие выступает определенной гарантией и защищает право каждого такого лица на всестороннее, полное и объективное производство по делу с учетом всех имеющихся обстоятельств уголовного дела.

При этом необходимо отметить, что согласно ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ, если это обстоятельство становится известным или возникает после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, выносит постановление о производстве дознания в общем порядке. Если это обстоятельство становится известным или возникает после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд, прокурор принимает решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Если это обстоятельство становится известным или возникает в ходе судебного производства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, судья возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Исходя из этого законодательного требования, возникает очевидный вопрос: почему в данном случае указанные в ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ должностные лица принимают решение о производстве дознания в общем порядке, если в соответствии с ч. 1 ст. 434 УПК РФ по уголовным делам в отношении лиц, совер-

шивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, производство предварительного следствия является обязательным.

Следовательно, отсюда необходимо сделать вывод о том, что положение ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ противоречит положению ч. 1 ст. 434 УПК РФ в части возникновения обстоятельства, исключающего производство дознания в сокращенной форме, в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ.

Для устранения данного противоречия представляется необходимым внести соответствующие изменения в конструкцию главы 32.1 УПК РФ, заключающиеся в том, что при возникновении этого обстоятельства исключается производство дознания в сокращенной форме, в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, принимается процессуальное решение о производстве предварительного следствия. В связи с этим внести соответствующие изменения в подп. «а» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 и ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ.

Конструкция подп. а, п. 3 ч.1 ст. 226.8 УПК РФ:

«3) о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке или направления уголовного дела следователю для производства предварительного следствия в следующих случаях: ...»

Конструкция ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ:

«1.1. При наличии обстоятельств, указанных в статье 226.2 и части четвертой статьи 226.9 настоящего Кодекса, судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности».

Очевидно, что соответствующие изменения должны коснуться прежде всего определенных ситуаций, в которых подследственность исключительно принадлежит органам предварительного следствия, на что справедливо ранее уже обращалось внимание в юридической литературе [2, с. 177-181];

3) *подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 УПК РФ.* Здесь ситуация аналогична предыдущим процессуальным условиям. К данной категории лиц законодатель относит определенную часть государственных служащих, особое место занимают депутаты Государственной Думы, сенаторы Совета и другие участники, указанные в ст. 447 УПК РФ. Производство по уголовному делу с участием таких лиц всегда сопровождается определенными изъятиями и особенностями ввиду их процессуального статуса и наличия у некоторых из них неприкосновенности. Это процессуальное условие позволяет сохранить права государственных служащих на объективное полное и всестороннее производство по делу в случае, если их профессиональная деятельность не устраивает каких-либо граждан, которые могут таким образом воздействовать на данную группу лиц.

Как и в предыдущем случае, производство в отношении особых субъектов, установленных главой 52 УПК РФ, осуществляется следователем и аналогичным образом передаются по подследственности для производства предварительного следствия. Для устранения этого законодательного противоречия представ-

ляется необходимым внести в гл. 32.1 УПК РФ положение, заключающееся в том, что при возникновении этого обстоятельства исключается производство дознания в сокращенной форме, в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, принимается процессуальное решение о производстве предварительного следствия и в связи с этим внести соответствующие изменения в подп. «а» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 и ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ;

4) *лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ.* Наличие этого процессуального условия вполне закономерно, так как осуществление производства предварительного следствия всегда связано с определенными трудностями. Это более высокая общественная опасность и опасный характер совершенных преступлений, а также очевидная необходимость производства различных следственных и процессуальных действий для установления истины по уголовному делу, что в конечном итоге не позволяет дознавателю в короткие сроки осуществить компромиссное производство дознания в сокращенной форме по уголовному делу, подследственному следователям;

5) *подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.* Вызывает вопрос также и то, что компромиссная технология производства дознания в сокращенной форме не может производиться, если подозреваемый (обвиняемый) не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, что не соответствует такому важному конституционному принципу, как равенство всех перед законом и судом, закрепленному в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации. Подозреваемый (обвиняемый) тем самым лишается определенной преференции, которая предусмотрена ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ, заключающейся в том, что в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать $\frac{1}{2}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного уголовным законом за совершенное преступление. Автор полагает, что данное процессуальное условие несостоятельно и необоснованно лишает возможности лица на заключение компромисса при производстве дознания в сокращенной форме. В связи с этим это процессуальное условие в законе необходимо упразднить;

б) *потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме.* Согласно п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ потерпевший может не согласиться с применением компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме и ходатайствовать о производстве дознания в общем порядке. А.В. Земскова и Т.А. Ильяшевич верно указывают, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует правовая регламентация процессуального порядка заявления несогласия потерпевшим или его представителем на процессуальное решение о производстве дознания в сокращенной форме, кроме необходимости его письменного уведомления о принятом решении [3, с. 154]. Я.А. Шараева справедливо отмечает необходимость первоочередного получения

согласия потерпевшего или его представителя на применение компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме [4, с. 136-139].

В то же время, поскольку согласие потерпевшего является обязательным условием производства дознания в сокращенной форме, полагаем целесообразным производить допрос потерпевшего до первого допроса подозреваемого, тем самым ему, как и подозреваемому лицу, будет предоставлена возможность на использование технологий компромисса при производстве дознания в сокращенной форме.

В данном случае никаких затруднений не наблюдается, поскольку согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Истребование согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме предполагает предварительное разъяснение ему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также права возражать против производства дознания в сокращенной форме и заявлять ходатайства о прекращении дознания в сокращенной форме в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату.

Факт разъяснения прав и последствий, а также согласия (возражения) потерпевшего в указанной ситуации отражается в протоколе его допроса. В случае если потерпевший в ходе допроса выразит свое несогласие с производством дознания в сокращенной форме и это зафиксировано в протоколе его допроса, подозреваемому следует разъяснить не право на заявление соответствующего ходатайства, а причины невозможности заявления такового (возражения потерпевшего).

Следует также иметь в виду, что постановления о признании потерпевшим выносятся не по всем уголовным делам, отнесенным законом к подсудственности дознавателей. Таковыми, например, являются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и ч. 4 ст. 222 УК РФ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и ряд других.

В этих случаях при решении вопроса о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель автоматически освобождается от необходимости выполнять требования п. 6 ч. 1 ст. 226 УПК РФ.

Таким образом, это процессуальное условие в отличие от всех вышеперечисленных особо защищает права потерпевшего, установленные ст. 6 УПК РФ

и образует определенные предпосылки для реализации компромисса при производстве дознания в сокращенной форме. При этом оно создает своеобразный баланс в правах стороны защиты и обвинения на полное, всестороннее, своевременное и объективное производство по уголовному делу. Помимо этого, каждая из сторон на всем протяжении производства дознания в сокращенной форме вправе подать ходатайство о проведении дознания в общем порядке и такое ходатайство должно быть удовлетворено. Эта норма указывает на исключительность компромиссной технологии сокращенной формы дознания, которая выражается в наличии условной договоренности стороны защиты и стороны обвинения о том, что все стороны согласны с имеющимися обстоятельствами и доказательствами по уголовному делу, не требуют проведения полного комплекса следственных действий ввиду отсутствия, по их мнению, в этом необходимости и осознают возможные уголовно-правовые последствия решения суда [5, с. 136-140].

Как показывает отдельное исследование, проведенное А.Г. Волеводзом и П.А. Литвишко, «те обстоятельства, которые указаны законодателем в качестве обязательных для проведения дознания в сокращенной форме, являются достаточными для принятия правильного и обоснованного решения дознавателем, без ущемления при этом прав и свобод участников уголовного судопроизводства» [6, с. 21-36].

Однако отдельные ученые полагают, что перечень процессуальных условий, установление которых исключает применение производства дознания в сокращенной форме, необходимо расширить. Так, И.С. Дикарев, рассуждая о равенстве понятий «обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме», и «обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме», приходит к выводу, что первое понятие включает в себя не только перечень обстоятельств, перечисленных в ст. 226.2 УПК РФ, но и иные, которые, по мнению дознавателя, препятствуют применению по делу дознания в порядке главы 32.1 УПК РФ. Развивая свою мысль, автор далее пишет, что препятствовать расследованию в указанной форме должны достаточные данные, свидетельствующие о самооговоре подозреваемого. Решением обозначенной проблемы И.С. Дикарев считает внесение в действующее уголовно-процессуальное законодательство изменений, а именно в п. 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ. Обозначенную норму он предлагает изложить в следующей редакции: «об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 226.2 настоящего Кодекса, а также при наличии достаточных данных полагать самооговор подозреваемого» [7, с. 33].

Автор разделяет позицию И.С. Дикарева и предлагает с учетом изменений и дополнений следующую конструкцию ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ:

«2) об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, указанных в части первой статьи 226.2, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подозреваемого или обвиняемого».

По мнению М.В. Зотовой и И.А. Насоновой, обстоятельства, которые исключают производство по уголовному делу дознания в порядке главы 32.1 УПК РФ, выступают в качестве дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего. Аргументируя свою позицию, авторы указывают, что производство дознания в сокращенной форме предусматривает некоторые отступления от общих правил предварительного расследования, которые хотя и закреплены на законодательном уровне, но не всегда могут сыграть в пользу указанных участников уголовного процесса [8, с. 144].

Резюмируя, отметим, что установленные в ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие компромиссное производство дознания в сокращенной форме и непосредственные проблемы их реализации должны найти свое отражение в главе 32.1 УПК РФ, которые в конечном счете позволят существенно упростить работу правоохранительных и судебных органов и заложат правовую основу для обеспечения эффективности ее применения, а также гарантировать законность, обоснованность и мотивированность принимаемых уголовно-процессуальных решений.

Список литературы

1. Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132-135.
2. Герасенков В.М. Актуальные вопросы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика и психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. 2017. № 1. С. 177-181.
3. Земскова А.В., Ильяшевич Т.А. Заявление ходатайства подозреваемым и потерпевшим при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 154.
4. Шараева Я.А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме // Философия права. 2012. № 2 (97). С. 136-139.
5. Теткин Д.В. Особенности производства дознания в сокращенной форме // Актуальные проблемы современного Российского государства и права: материалы ежегод. Всерос. науч. практ. конф. Калининград: Калинингр. филиал С.-Петербур. ун-та МВД России, 2022. С. 136-140.
6. Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Особенности упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства по законодательству некоторых европейских стран // Государство и право. 2011. № 1 (51). С. 21-36.
7. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. / под общ. ред. И.С. Дикарева. Волгоград: Изд-во ВоГУ, 2013. С. 33.

8. Насонова И.А., Зотова М.В. Условия дознания в сокращенной форме и проблемы их совершенствования // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 141-148.

Н.В. Морозова, к.ю.н., доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Важнейшим инструментом познания всех обстоятельств в рамках производства предварительного расследования уголовного дела является уголовно-процессуальное доказывание, которое осуществляется уполномоченными на то законом участниками уголовного судопроизводства в определенном процессуальном порядке и форме с помощью доказательств.

Всесторонняя, полная и объективная оценка доказательств является предпосылкой принятия по расследуемому и (или) разрешаемому уголовному делу законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений. Среди важнейших вопросов, связанных с исследованием и использованием закономерностей собирания доказательств, одним из наиболее актуальных является вопрос о тактике производства различных следственных действий.

Рассматривая вопрос, касающийся проведения предъявления для опознания, причем не важно, объекты — живые лица, трупы либо же предметы, необходимо отметить, что в настоящее время, несмотря на четкую законодательную регламентацию, наличие криминалистических рекомендаций и подробное исследование этого института, круг проблем достаточно широк. Проблемы эти касаются как теоретических разработок, так и практической процедуры проведения предъявления для опознания. Говоря об опознании, важно отметить, что речь, в первую очередь, идет о факторах, которые влияют на процесс восприятия объекта и удерживания его в памяти.

Многие ученые ведут работу над внедрением теоретических разработок в практическую деятельность способности человека отличать одно лицо от другого по признакам голоса и речи, тактильным и обонятельным ощущениями. Одним из главных представителей этого теоретического положения является Д.А. Степаненко. В своих работах он указывает на то, что в рамках следственных действий необходимо использовать различные органы чувств человека [1, с. 8-10].

Однако в силу различных обстоятельств не всегда представляется возможным представить лицо для опознания. Проблемным аспектом нам видится тот факт, что в силу каких-либо причин лицо невозможно предъявить (к примеру, розыск предполагаемого преступника) не только вживую, но и то, что у предъ-

являемого для опознания лица существуют особые приметы, дефекты. Этот факт значительно затрудняет поиск статистов. Рассматривая такой случай с особыми приметами и дефектами, некоторые ученые-криминалисты предлагают проводить предъявление для опознания с помощью фотографий, где происходит видоизменение его внешности.

Но следует отметить, что проведение предъявления для опознания с помощью фотографии предлагается проводить не только в вышеуказанных случаях. Целесообразно проводить опознание в такой форме в тех случаях, когда было совершено насильственное преступление в отношении несовершеннолетних, малолетних детей, а также в некоторых случаях и женщин. Такой порядок необходим для того, чтобы оградить психику потерпевшего от переживаний, связанных с насилием и повторным восприятием предъявляемого лица (подозреваемого, обвиняемого). В связи с этим многие ученые считают необходимым дополнить ст. 193 УПК РФ еще одной частью, где говорилось бы о том, что опознание может проводиться по фотографии, в случае если есть достаточные основания полагать, что опознание может вызвать у опознающего лица сильное душевное волнение.

Наиболее остро в научной литературе стоят вопросы, касающиеся приготовлений к проведению предъявления для опознания. Первым в алгоритме приготовлений стоит допрос, заключающийся в опросе, необходимом для выяснения признаков, наблюдаемых в связи с совершением преступления объектов материального мира, прогнозирование возможности их опознания [2, с. 308-313].

Важно отметить, что допрос направлен и на выяснение обстоятельств, касающихся условий восприятия объекта, их отличительных особенностей и т.д.

Так, например, в связи с развитием технологий, в частности, касающиеся мобильных телефонов, с каждым годом растет статистика, связанная с их хищением. В связи с этим появляется необходимость разработки соответствующего опросника, который позволял бы быстро определить особенности похищенного сотового телефона.

Более тщательный подход к допросу проходит в том случае если для опознания предъявляется человек. Происходит это по той причине, что чаще всего люди в процессе общения концентрируют внимание на лицах, и прежде всего — на особенностях, характерных различным людям, что позволяет создать общее впечатление о человеке, т.е. создать образ в сознании, а значит, и в памяти [3, с. 247].

Причиной этому является физиология людей. Наибольшая плотность рецепторов, т.е. чувствительных специальных нервных образований, воспринимающих раздражения из внешней и внутренней среды организма и перерабатывающих их в нервные сигналы, обнаруживается именно на лице [4, с. 133-142].

Следует отметить, что в силу профессиональных умений и навыков опознающего лица его внимание могут привлекать и другие элементы, касающиеся не только внешности людей, но и их поведения.

Анализируя научную литературу, можно отметить, что учеными практически не рассматривается вопрос о составлении композиционного портрета опознаваемого лица, воспринимавшегося в связи с событием преступления, и проведения на его основе выяснения признаков названного лица в процессе допроса. При составлении такого портрета активизируется память человека, и он может вспомнить какие-либо важные детали.

В научной литературе и практической деятельности ведутся споры о доказательственном значении опознания «по общему образу». Но важным является то, что в некоторых случаях такой метод необходим. Одним из примеров может послужить ситуация, когда опознающий не может назвать какие-либо отличительные признаки лица [5, с. 195]. Именно по этой причине многие ученые-криминалисты считают такой метод сомнительным. С этим нельзя не согласиться, но в то же время, если говорить о психологии человека, это один из механизмов восприятия и удержания в памяти целостного образа.

Однако несмотря на все это, в практической деятельности имеют место быть случаи, когда опознание «по общему образу» приводило к достоверной информации о преступлении. Другой вопрос заключается в том, можно ли на все сто процентов быть уверенным в таких показаниях.

Еще одной проблемой, касающейся предъявления для опознания, является то, что уголовно-процессуальным законом в настоящее время не предусмотрена норма, дающая возможность проводить опознание по признакам внешнего облика, отобразившимся на видеозаписи.

Учитывая стремительное развитие технологий и их активное внедрение в уголовный процесс, можно предположить, что в ближайшее время такая возможность путем внесения изменений в УПК РФ будет введена. В этом случае законодателю необходимо предусмотреть ряд важных факторов, которые будут учитывать специфику проведения самого следственного действия. Прежде всего, считаем необходимым предусмотреть возможность участия в опознании по видео специалиста. Цифровая запись обладает своей спецификой, по поводу которой можно получать консультацию уже по ходу проведения следственного действия. Привлекать к участию можно как технических специалистов — по вопросам работы аппаратуры, возможности искажения и т.п., а также специалистов из других областей, например, габитоскопии и портретной экспертизы.

В качестве обязательного элемента проведения такого рода опознания законодатель может предусмотреть необходимость предварительного допроса опознающего. По нашему мнению, этот элемент подлежит детальному обсуждению, чтобы избежать повторного выполнения ненужных следственных действий: всю необходимую информацию следователь может получить и в ходе первоначального опроса. Однако в таких случаях следователь, понимая, что в процессе расследования будет необходимо опознание по видеозаписи, должен будет задавать на допросе ряд «особых» вопросов, которые облегчат проведение последующего следственного действия. Например, у допрашиваемого следует уточнить, сможет ли он опознать лицо при показе ему видеозаписи; или руководствуясь каки-

ми признаками, сможет ли он опознать подозреваемого по видеозаписи [6, с. 212-222].

Одним из важных вопросов, решаемых при подготовке предъявления для опознания по видеоизображению, является определение места и условий проведения данного следственного действия. При этом следует руководствоваться общепринятой схемой, согласно которой оптимальный результат предъявления для опознания может быть достигнут «на месте события, исследуемого по уголовному делу, в условиях, максимально приближенных к тем, которые существовали в момент восприятия опознающим соответствующей проверяемой информации» [7, с. 75-81].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при предъявлении для опознания лица должны учитываться психологические характеристики лица, который опознает человека. В восприятии внешности человека в первую очередь бросаются в глаза особенности внешности, т.е. его отличительные черты. Именно поэтому рост, возраст, телосложение, движения, черты лица статистов должны быть очень схожими с предъявляемым для опознания лицом.

Список литературы

1. Бурыка Д.А., Егорова Е.В. Актуальные проблемы психологии предъявления для опознания // Юридическая психология. 2012. № 4. С. 8-10.
2. Синенко С.А. Некоторые проблемы предъявления для опознания живого лица // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, Орел, 15–16 октября 2015 года. Орел: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова», 2015. С. 308-313.
3. Морозова Н.В., Лазаренко О.Н. Некоторые проблемы проведения предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальный контакт // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 247-250.
4. Латыпова М.Г. Некоторые проблемы организации и производства предъявления для опознания // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 32. С. 133-142.
5. Сретенцев Д.Н., Титова К.А. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 192-197.
6. Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 212-222.

7. Ильин Н.Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 75-81.

*Ж.П. Петухова, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПОСЛЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Назначение уголовного судопроизводства — это защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, возмещение причиненного вреда преступлением. Когда лицо, совершившее преступление, не установлено, возместить вред, причинный преступлением, не представляется возможным. В связи с чем каждый сотрудник следственных органов обязан направить свои силы, знания и умения на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

При рассмотрении следственной практики и проведения анализа статистических данных Информационного центра МВД России прослеживается низкий процент раскрытия преступлений и, соответственно, низкий процент раскрываемости уголовных дел. Основной массив расследованных уголовных дел приостанавливается по п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) — это 98,2% [1].

Раскрытие преступлений в прямой последовательности зависит не только от сотрудников уголовного розыска, но и от следователя. Это зависит и от того, каким образом следователь организует свое рабочее место и время, а также каким образом он будет осуществлять подготовку к производству того или иного следственного действия и, безусловно, как следователь будет осуществлять производство предварительного следствия, но и, конечно, от действий следователя после приостановления дела.

В соответствии с комментариями УПК РФ, если уголовное дело приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с тем, что подозреваемый скрылся либо место его нахождения не установлено по иным причинам, то следователь принимает меры к установлению места его нахождения. В рассматриваемом случае необходимо учитывать, что подозреваемый действительно скрылся либо его местонахождение не установлено. Совершенно справедливо по данному поводу высказалась И.В. Смолькова, отмечая, что в первом случае подозреваемый действительно скрылся, а во втором — умысла на сокрытие нет. Поэтому необходимо установить, действительно ли подозреваемый скрылся [2, с. 133].

Несмотря на данный факт, на практике встречаются случаи, когда предварительное следствие проведено не в полном объеме, не выполнены все необходимые следственные и процессуальные действия, принимаются незаконные и (или) необоснованные решения о приостановлении предварительного следствия.

Так, по уголовному делу, возбужденному по ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предварительное следствие приостановлено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с тем, что подозреваемый Н. скрылся. Фактически в материалах уголовного дела отсутствует информация, направленная на установление места его нахождения. Отсутствуют сведения из адресного бюро, информационного центра, из больниц, морга, военкомата, приемника-распределителя и т.д. Соседи по месту жительства и регистрации не допрошены, родственники и коллеги также не допрошены. Отсутствует информация о выезде подозреваемого за пределы региона. Следствие приостановлено по указанным основаниям, только на основании рапорта органа дознания, в котором отражено, что в ходе оперативно-разыскных мероприятий установить местонахождение лица Н. не представилось возможным. После приостановления предварительного следствия следователь не уведомил заинтересованных лиц и не направил поручение на установление якобы скрывшегося лица. Соответственно, вынесенное постановление руководителем следственного органа признано незаконным. Незаконное постановление следователя отменено, предварительное следствие возобновлено и установлен срок следствия, в ходе которого необходимо устранить выявленные нарушения.

На практике возникают случаи, когда органы предварительного следствия приостанавливают производство только на основании подготовленного рапорта на имя руководителя следственного органа, что у лица отсутствует реальная возможность принимать участие по уголовному делу. Не конкретизируя, в чем именно заключается «отсутствие реальной возможности» и, соответственно, не подтверждая материалами уголовного дела.

Очевидно, в рассматриваемых случаях прослеживается отсутствие психологического контакта при вопросах взаимодействия между следователем и сотрудником уголовного розыска. Производство оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, безусловно, подразумевает общение между собой, обмен информацией, лидерство одного из сотрудников. Закономерно, что официальным лидером должен быть следователь, так как он является ответственным лицом за результат расследования [3, с. 47]. В целях продуктивного решения задач в процессе расследования законодатель наделяет органы дознания и предварительного следствия целым сектором правовых возможностей, направленных на соби́рание, проверку и оценку доказательств по уголовному делу. Важнейшее место среди всех возможных доказательств занимает производство следственных действий [4, с. 101].

В контексте ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного следствия производство каких-либо следственных действий не допускается. Приостановление следствия допускается только в случае выполнения всех следственных действий, возможных в отсутствие подозреваемого. Несмотря на это, проведение процессуальных действий необходимо для устранения причин, повлиявших на временное приостановление дела.

В ходе изучения автором 800 уголовных дел, приостановленных по различным основаниям, установлено, что 210 дел (или 26,3%) приостанавливались незаконно и (или) необоснованно, так как решения, принятые следователями

о приостановлении, отменялись как руководителями следственных органов, так и курирующими прокурорами. А 39 уголовных дел (или 0,5%) отменялись неоднократно, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении следователями своих должностных обязанностей.

Хотелось бы подчеркнуть, что в случае возникновения необходимости в производстве следственных действий постановление о приостановлении предварительного следствия подлежит отмене, а следствие — возобновлению.

Как и в ходе предварительного следствия, так и после его приостановления деятельность следователя, безусловно, должна быть направлена на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Для реализации процессуальных возможностей следователь после приостановления следствия не прекращает свои полномочия. В обязанности следователя входит на постоянной основе осуществлять анализ проделанной работы органами дознания.

Следователь в соответствии со ст. 38 УПК РФ дает органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. Поручения должны быть конкретизированы с отражением рекомендацией о проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий, с изложением всей необходимой информации и исходить из материалов конкретного уголовного дела [5, с. 57-76]. К сожалению, при изучении направленных поручений по изученным 800 уголовным делам, приостановленным по различным основаниям, прослеживается формальный подход следователя к даче и направлению поручений, а органов дознания — к исполнению поручений.

В связи с чем в случае приостановления следствия по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ органы предварительного следствия продолжают принимать меры к установлению лица, а в случае приостановления по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, если подозреваемый скрылся, то принимают меры по его розыску, в случае неустановления места его нахождения — устанавливают место его нахождения.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Смолькова И.В. Розыск и задержание подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2(97). С. 129-138.
3. Низамов В.Ю. Психологические особенности взаимодействия следователя и оперативного сотрудника в расследовании и раскрытии преступлений // Российский следователь. 2016. № 12. С. 46-49.
4. Россинский С.Б. Следственная выемка (изъятие) как «технический» способ сбора доказательств в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2012. № 2 (87). С. 101-106.

5. Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. 188 с.

А.А. Примкулов, адъюнкт Академии управления МВД России, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБАХ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Развитие науки российского уголовного процесса обуславливает необходимость исследования и пересмотра традиционных научных взглядов относительно отдельных проблем уголовно-процессуального доказывания и, прежде всего, способов их собирания.

Способы собирания доказательств в уголовном судопроизводстве — это определенные действия, приемы или их система, использование которых дает возможность субъекту осуществить доказывание и достичь его целей. В их числе представляется возможным выделить:

- способы формирования доказательной основы правовой позиции субъекта доказывания;
- способы исследования правовой позиции — как собственной, так и других субъектов, что способствует максимально полному установлению обстоятельств события преступления и характеристик личности его субъекта, а также потерпевшего;
- способы обоснования правовой позиции.

Выделенные элементы не в полной мере раскрывают конкретно собирание доказательств, но и указывают на сущность уголовно-процессуального доказывания в целом, однако в рамках данной статьи их содержание будет анализироваться прежде всего с точки зрения собирания доказательств.

Следует согласиться с превалирующим в научной литературе подходом, согласно которому к способам собирания доказательств в уголовном судопроизводстве относится система познавательных и удостоверяющих приемов и операций, предусмотренных законом для выявления, восприятия (получения) и фиксации доказательственной информации того или иного вида [1, с. 246; 2; 3, с. 161]. Они могут быть разграничены прежде всего в зависимости от субъектов, осуществляющих доказывание.

1. Способы, используемые субъектами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Во время досудебного расследования ими являются в первую очередь субъекты со стороны обвинения, а в рамках судебного разбирательства — суд (судья), в чьем производстве находится уголовное дело.

Эти способы достаточно разнообразны, однако их можно несколько типизировать в зависимости от субъекта применения. Так, согласно ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее — УПК РФ), сторона обвинения осуществляет собирание доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Детально способы доказывания, присущие обозначенным субъектам в соответ-

ствии со спецификой их уголовно-процессуального статуса, не раскрываются в законодательстве.

Что же касается суда, то в действующем уголовно-процессуальном законе нет отсылки к способам собирания доказательств, однако текстуальный анализ УПК РФ позволяет утверждать о возможности суда использовать почти все указанные выше способы для получения доказательств путем их собирания и последующей выработки правовой позиции. Определенные особенности суда как субъекта собирания доказательств заключаются в том, что он не вправе использовать те способы, в рамках которых осуществляется и отыскание доказательственной информации, поскольку это противоречит как его процессуальному статусу, так и процессуальной форме судебного разбирательства.

2. Способы, используемые субъектами, которые защищают в уголовном судопроизводстве свой или представляемый ими интерес — субъекты со стороны защиты.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник осуществляет собирание доказательств путем: «получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

При этом текстуальный анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что отдельные заинтересованные субъекты уголовного судопроизводства, которые не выполняют функцию защиты (потерпевший, гражданский истец, их представители), тоже могут использовать только определенные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способы собирания доказательств и, как следствие, формирования своей правовой позиции. Соответственно, определяющим критерием разграничения в данном случае послужит не выполняемая уголовно-процессуальная функция, а наличие или отсутствие полномочий на осуществление уголовного судопроизводства и личного (своего или представляемого) интереса.

Далее будут несколько более детально проанализированы отдельные способы собирания доказательств с последующим формированием доказательственной основы правовой позиции субъекта доказывания.

Получение и собирание предметов, документов и иных сведений (ч. 2 ст. 86; п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ), а также истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ) — это два самостоятельных способа формирования доказательственной основы правовой позиции определенного субъекта. Различия, разграничивающие эти способы, заключаются в специфических субъектах проявления инициативы их использования: при истребовании такая инициатива исходит от субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство (в частности, следователя во время предварительного расследования, суда во время судебного разбирательства, защитника), при получении — от других лиц.

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о терминологии. В ст. 70 ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г. [5] эти два способа тоже были предусмотрены, однако именовались они иначе:

– требование — в научной литературе этот термин почти всегда заменялся на «истребование», и этот подход видится верным, поскольку, во-первых, именно последний термин является обобщающим относительно различных форм запроса данных, которые были предусмотрены в предыдущем законе (истребование от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и отдельных граждан предъявления предметов и документов; во-вторых, он более соответствует сущности этого способа, поскольку доказательная информация субъектом доказывания формируется (собирается) именно в результате ее истребования, а не выдвижения требования о совершении определенных действий;

– представления — термин, существующий вне пределов формирования доказательной основы субъекта доказывания, лишь создающий условия для этого, в связи с чем законодателем в действующем УПК РФ применяется термин «получение», который в большей степени соответствует сущности этого познавательного приема.

Относительно объектов, которые могут быть истребованы и получены субъектом доказывания, то в УПК РФ предусматривается достаточно большой их перечень. Однако следует отметить, что в рамках указанного способа речь может вестись только о материальных объектах, содержащих информацию о существенных обстоятельствах уголовного судопроизводства. Таковы, как правило, предметы, которые могут позже стать вещественными доказательствами (например, орудия преступления, найденные посторонними лицами возле места совершения преступления), и документы, подтверждающие определенный существенный факт (например, справки, характеристики и иные документы (ст. 84 УПК РФ).

Относительно сведений, которые тоже могут быть истребованы и получены, то, как представляется, ими не могут быть:

– показания, поскольку они могут получаться только в ходе допроса (ст.ст. 77-79 УПК РФ);

– объяснения, которые даются во время проведения следственных (розыскных) действий (например, в порядке ч. 7 ст. 193 УПК РФ).

В этих случаях сведения формируются (собираются) не в результате их истребования или получения, а в результате проведения следственных (розыскных) действий — то есть стороной обвинения. Однако, как проистекает из п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, такие сведения могут быть получены также стороной защиты посредством опроса лиц, осуществляемого исключительно с их согласия [6, с. 162].

Относительно заключения эксперта как объекта истребования и получения, стоит заметить, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, оно является самостоятельным процессуальным источником доказательств, возникающим в результате такого следственного (розыскного) действия как инициирование и проведение экспертизы. Однако здесь возникает вопрос, в каких случаях заключение эксперта является результатом применения такого способа формирования доказа-

тельной основы (собираения доказательств), как проведение этого следственного (розыскного) действия, а в каких оно появляется в уголовном судопроизводстве в результате его истребования или получения [7, с. 12]. Ответ на этот вопрос находится в существенно ином порядке привлечения эксперта. Так, эксперт может быть привлечен как стороной обвинения (в этом случае полученное заключение будет следствием такого способа как проведение следственных (розыскных) действий), так и стороной защиты или судьей по ходатайству стороны защиты (в таком случае заключение эксперта может появиться у субъекта, осуществляющего уголовное судопроизводство, только в результате истребования или получения заключения).

Стоит отметить определенный недостаток указанных способов формирования доказательной основы субъекта доказывания. Он заключается в том, что иногда «завладение» объектом истребования или получения сопровождается отделением его от окружающей обстановки без его фиксации в ней (например, гражданин, найдя пистолет в месте или возле места, где было совершено преступление, относит его следователю). Между тем связь объекта с окружающей обстановкой сама по себе имеет доказательную ценность. В процессе проведения следственных (розыскных) действий (например, осмотра, обыска) эта связь обязательно фиксируется. Единственным разумным выходом, направленным на устранение этого недостатка, может быть только требование-рекомендация о необходимости проявлять предусмотрительность сохранения и закрепления такой связи всеми субъектами представления доказательственных материалов, если это возможно в конкретной ситуации. Если же такая связь не будет зафиксирована, это не исключает возможности использования полученной указанными способами доказательной информации, однако может потребоваться дополнительная и более тщательная проверка.

Что касается оформления получения доказательственных материалов, то формой оформления для субъектов стороны обвинения на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства является протокол. Предоставление в дальнейшем полученным объектам статуса доказательства осуществляется и оформляется в порядке, предусмотренном УПК РФ. В свою очередь, процессуальное оформление получения доказательного материала другими субъектами, учитывая отсутствие каких-либо нормативных предписаний по этому поводу, допустимым видится использование любых способов (например, расписка о получении, договор и т.д.).

Важно отметить, что перечень предлагаемых в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способов собирания доказательств защитником является исчерпывающим и закрытым, в отличие от аналогичных способов, присущих стороне обвинения. Такой подход представляется несколько ограниченным и, как представляется, требует закрепления отдельной группы способов, которую предлагается назвать «иные способы собирания доказательств защитником». Использование таких способов должно быть направлено на обеспечение представления суду надлежащих и допустимых доказательств. При определении системы возможных иных действий в качестве способов собирания доказательств и формирования доказательной

основы правовой позиции субъектов доказывания, нужно обратить внимание на следующее:

– во-первых, на обязательное условие их применения, а именно на их способность обеспечивать представление суду надлежащих и допустимых доказательств; такое обеспечение касается представления доказательств как стороной защиты, так и стороной обвинения;

– во-вторых, на то, что отдельные процессуальные действия, которые также могут иметь обеспечительный характер, не должны включать инициирование таких действий, как привлечение эксперта, проведение допроса, временного доступа к вещам и документам и тому подобное.

Несмотря на то, что законодатель, называя такие действия, не отмечает обязательности их процессуального характера, можно обосновать вывод о том, что ими могут быть и действия, которые прямо не регламентированы УПК РФ, но их осуществление субъектами со стороны защиты допускается. К ним могут относиться, например:

– внешний осмотр сооружений, помещений, других объектов (в том числе — вещей и документов), доступ к которым не ограничен;

– внешний осмотр закрытых к свободному доступу сооружений, помещений, других объектов с согласия их владельцев или законных пользователей;

– осмотр жилья или иного владения — с письменного согласия владельцев.

В завершение рассмотрения вопроса об отдельных способах собирания доказательств в уголовном судопроизводстве стоит отметить, что определение четкой системы способов собирания доказательств (формирование доказательной основы и правовой позиции определенного субъекта доказывания) в действующем УПК РФ является вполне положительным и верным шагом законодателя. Однако учитывая высказанные выше замечания относительно особенностей отдельных из них, доказанной можно считать необходимость дальнейшего совершенствования их нормативного регламентирования (в том числе в контексте закрепления такого способа собирания доказательств защитников, как иные способы собирания доказательств), доктринального осмысления и использования на практике.

Список литературы

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 784 с.

2. Маковеев Р.В. Способы собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. [Электронный ресурс]. URL: <https://na-journal.ru/4-2023-pravo/4722-sposoby-sobiraniya-dokazatelstv-v-dosudebnom-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu>

3. Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных способов собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правопедения. 2016. № 1 (35). С. 159-166.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002): утратил силу // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

6. Мамедов Р.Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 161-164.

7. Батукаева М.Х. Следственные действия в системе уголовно-процессуальной деятельности // Студенческий. 2022. № 1-7 (171). С. 11-15.

В.В. Сиворакиа, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва

ПРОДЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Провозгласив человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, законодатель установил примат интересов и безопасности личности над государством. Вместе с тем реализация уголовно-процессуальных отношений, в том числе связанных с соблюдением установленных законом сроков, в большинстве случаев сама по себе предполагает определенное ограничение частных интересов в пользу интересов государства в лице правоохранительных органов. В этой связи процессуальные гарантии являются средством их «гармонизации». Кроме того, недопустимо нарушение баланса в обеспечении прав самих участников в чью-либо пользу: потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые и иные участники в равной степени нуждаются в защите их законных интересов.

В науке существуют различные подходы к пониманию значения уголовно-процессуальных гарантий и к их определению. Являясь сторонником широкого подхода, согласно которому весь уголовно-процессуальный закон представляет собой систему правовых гарантий обеспечения прав и интересов личности, М.С. Строгович рассматривал их как «установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач правосудия» [1, с. 56]. Схожую позицию занимают В.Г. Глебов (помимо Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ), автор относит к числу гарантий Конституцию РФ и другие законы) [2, с. 19], Г.Б. Петрова [3, с. 25], И.Л. Петрухин [4, с. 11].

Вместе с тем М.С. Строгович отмечал, что сами по себе установленные законом права не могут являться гарантиями, поскольку последние являются средствами обеспечения этих прав. В этой связи наиболее близкой нам видится позиция Т.Н. Добровольской, согласно которой процессуальные гарантии установ-

лены нормами уголовно-процессуального закона и являются различными по своему содержанию средствами, обеспечивающими участникам уголовного судопроизводства возможность реализовать предоставленные им права [5, с. 133]. Схожее понятие формулирует П.А. Лупинская, согласно которому под уголовно-процессуальными гарантиями она понимает «содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права» [6, с. 62].

А.В. Гриненко дает определение процессуальных гарантий через *средства и способы* [7, с. 26], В.П. Булатов и К.Ф. Гуценко — через *условия* [8, с. 27; 9, с. 19]. Ю.Г. Овчинников раскрывает это понятие через установленные законом нормы и через *деятельность* государственных органов (как совокупность средств и способов), направленных на обеспечение прав и интересов участников уголовного судопроизводства [10, с. 42-46].

Хотя и приведенные выше позиции несколько отличаются друг от друга, в целом они имеют схожее значение: процессуальные гарантии направлены на обеспечение реализации прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства *должным образом и в должной степени*, что и определяет и сущность. Гарантии не просто провозглашаются, указываются как нечто рекомендательное и напутственное, а именно являются таким средством, механизмом или условием, при помощи которых участники не могут быть ущемлены в правах, с учетом реализации назначения уголовного судопроизводства. Одной из таких гарантий выступает продление процессуального срока.

Процессуальная деятельность зачастую ограничена временными рамками, поскольку затрагивает права и свободы участников процесса. Как справедливо отмечал Р.Х. Якупов, «в борьбе с медлительностью, волокитой, излишней поспешностью, в улучшении уголовно-процессуальной деятельности важная роль отводится процессуальным срокам» [11, с. 16]. В этой связи особое значение имеет предусмотренная законом возможность продлевать тот или иной вид срока.

Исходя из анализа норм УПК РФ, существуют сроки, четко фиксированные законодателем и не подлежащие продлению (то есть сама возможность законом не предусмотрена). Вместе с тем предусмотрены и такие сроки, в отношении которых может быть инициирована процедура продления. При этом каждый из видов таких сроков продлевается в соответствующем порядке и на определенных условиях. В общем смысле в качестве основания для реализации норм о продлении срока мы рассматриваем необходимость осуществления процессуальных действий для реализации назначения уголовного судопроизводства. Такая необходимость не может возникать произвольно, по воле одного лишь субъекта расследования, а потому и «заключается в правовые рамки» законодателя.

Доводы о том, что сама возможность продления срока (не говоря уже о процедуре продления) выступает в качестве одной из гарантий обеспечения прав и свобод участников судопроизводства подтверждаются следующими рассуждениями. Так, в случае фактической незавершенности (неполноты) проверки сообщения о преступлении, расследования уголовного дела, при условии отсутствия признаков намеренного затягивания, в отсутствие законодательно преду-

смотренной возможности продлить срок возникала бы необходимость принятия соответствующих процессуальных решений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы участников судопроизводства. При этом такие решения не всегда отвечали бы интересам правосудия. Всесторонность, объективность и полнота как необходимые результаты расследования порой идут вразрез с наступательностью и эффективностью, также выступающими его желаемыми характеристиками. Иными словами, невозможность в некоторых случаях продлевать срок привела бы к отсутствию возможностей достижения целей уголовного процесса. В этой связи совершенно закономерным является вывод о том, что разрешая правоприменителю продолжать процессуальную деятельность свыше установленного срока, но в определенных пределах, на определенных основаниях и в специально регламентированном порядке, законодатель стремился тем самым обеспечить соблюдение прав и интересов всех участников уголовного процесса.

Особую значимость рассматриваемой процессуальной деятельности подчеркивают и статистические данные за 2023 г., согласно которым из общего количества уголовных дел, направленных в суд в г. Москве органами дознания и следствия МВД России, а также Следственного комитета РФ (дел), 62% (19281/30678) окончены в срок свыше установленного УПК РФ, то есть в указанных случаях первоначальный срок расследования продлевался. Примерно аналогичные показатели в 53,5% (16106/30098) были в 2022 г.¹

Схожие данные получены и в отношении срока рассмотрения сообщения о преступлении. Так, из общего количества зарегистрированных преступлений в г. Москве за 2022 год только 47,8% рассмотрены в 3-суточный срок и принято решение о возбуждении уголовного дела (57626/120475), за 2023 г. — 53,8% (61931/115145)².

Приведенные данные указывают на то, что в некоторых случаях установленного законодателем срока вполне достаточно для принятия законного и обоснованного решения, однако иногда все же требуется дополнительное время на это. И в этой связи законодательно предусмотренная возможность продления процессуального срока и правильная ее реализация гарантируют в равной степени как обеспечение интересов правосудия, так и соблюдение прав и интересов участников судопроизводства.

Список литературы

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1. 470 с.
2. Глебов В.Г. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Г. Глебова, Е.А. Зайцевой. М., 2006. – 198 с.
3. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. Саратов, 2004. 222 с.

¹ База данных АИС «Уголовная статистика» ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве за 2022 и 2023 гг. (дата обращения: 14.02.2024).

² Там же.

4. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М., 2007. 268 с.
5. Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 128-135
6. Lupinская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Lupinская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1072 с.
7. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009. 496 с.
8. Булатов Б.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2008. 581 с.
9. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1996. 677 с.
10. Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2011. Вып. 26. № 19. С. 42-46.
11. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В.Н. Галузо. М., 1998. 448 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174 ФЗ: Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.04.2024 г.) // КонсультантПлюс: сайт.

А.С. Соколов, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул
Д.С. Яковлев, студент юридического института Алтайского государственного университета, г. Барнаул

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ И СРЕДСТВАХ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Как известно, современное информационное пространство, понимаемое как совокупность различных объектов, существующих в рамках отношений по обмену и распространению информации (например, компьютерных, телекоммуникационных средств), подвергается различного рода угрозам. Учитывая, что в информационное пространство включаются также государственные сети, по которым осуществляется обмен данными, управление различными сферами жизнедеятельности общества [13, с. 1], то состояние его защищенности следует рассматривать как неотъемлемый элемент системы обеспечения национальной безопасности. Пожалуй, главную опасность для обозначенной сферы в Российской Федерации (далее — РФ) представляет кибертерроризм — явление, которое в последнее время активно исследуется в зарубежной и отечественной науке. Правильная теоретическая интерпретация кибертерроризма позволит выработать адекватные меры противодействия ему и эффективно использовать уже имеющиеся средства [4, с. 337].

В соответствии с ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), под террористическим актом понимается взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [1]. Между тем сегодня помимо указанных «традиционных» способов совершения террористических актов диспозиция ч. 1 ст. 205 УК РФ предусматривает также формулировку «или иных действий».

Статистика показывает, что в январе-декабре 2023 г. зарегистрировано 2382 преступления террористического характера и 1340 преступлений экстремистской направленности. Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 1098 преступлений совершены в текущем году, в т.ч. 213 пресечено на стадии приготовления и покушения, а 223 произошли за пределами РФ [10].

При этом Генеральная прокуратура РФ уточняет, что большая часть экстремистских и террористических преступлений совершается в сети «Интернет»: в 2023 г. в Роскомнадзор направили 388 требований о блокировке информации по экстремистской и террористической тематике в отношении 19 тыс. сайтов. Генеральная прокуратура РФ постоянно мониторит информацию в сети «Интернет», в мессенджерах и социальных сетях. В последнее время акценты антироссийских публикаций сместились в сторону пропаганды и оправдания экстремистских поступков отдельных граждан, призывов к насильственным действиям по мотивам национальной, религиозной, социальной и расовой ненависти и вражды. Если в 2022 г. в Роскомнадзор было направлено 167 требований о блокировке информации по экстремистской и террористической тематике в отношении 14 тыс. сайтов, то в 2023 г. цифра уже выросла до 388 и в отношении 19 тыс. сайтов. Там же отмечается, что зарубежные деструктивные силы всегда использовали наши проблемы в своих противоправных целях, вмешиваясь во внутренние дела государства, а их информационные материалы угрожают основам конституционного строя страны, дискредитируют действия органов власти [3].

Формально, если исходить из смысла уголовного закона, действия, направленные на дестабилизацию деятельности органов власти и/или воздействующие на принятие ими решений, могут вполне быть совершены и в рассмотренном выше информационном пространстве. Так, в соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий (ч. 1 ст. 205 УК РФ), может быть выражена различными способами (например, устное высказывание, публикация в печати, распростра-

нение с использованием радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей) [2].

Наиболее существенным признаком кибертерроризма следует выделить объект его посягательства. По мнению А.Н. Васильевой, под кибертерроризмом следует понимать преднамеренную, политически мотивированную атаку на глобальную компьютерную сеть, компьютерную систему и содержащуюся в компьютере информацию. При этом ключевой составляющей в данном признаке будет являться то, что такая атака может создавать опасность жизни или здоровью людей, влекущую иные тяжкие последствия, при наличии цели нарушить общественную безопасность, запугать людей, спровоцировать военный конфликт [5, с. 232].

Таким образом, для отнесения преступления к категории кибертерроризма необходимо выполнение условий диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Под кибертерроризмом понимается преднамеренная атака на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или сеть, которая создает опасность для жизни и здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военного конфликта [9, с. 41].

В науке существует и иная позиция, согласно которой кибертерроризм рассматривается фактически как синоним компьютерных преступлений. Можно утверждать, что данный подход акцентирует внимание на технической составляющей кибертерроризма — его воздействии на телекоммуникационные, компьютерные системы и средства связи, обращается внимание на то, что кибертерроризм направлен на использование сетевых инструментов для вывода из строя критически важных компонентов национальной инфраструктуры [11, с. 78]. Соответственно, под термином «кибертерракт», или «кибератака», понимаются действия по дезорганизации информационных систем, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [4, с. 338]. Действительно, зачастую для достижения своих целей кибертеррористы используют специальное программное обеспечение, предназначенное для несанкционированного доступа, проникают в компьютерные системы и организуют удаленные атаки на информационные ресурсы интересующего их объекта (жертвы). Это могут быть компьютерные программные закладки и вирусы, в т.ч. сетевые, осуществляющие съем, модификацию или уничтожение информации, так называемые «логические бомбы», троянские программы и иные виды информационного оружия [5, с. 232].

По мнению Е.А. Капитоновой, способы совершения кибертерракта следует разделить на две группы. Первая характеризуется совершением теракта путем непосредственного посягательства на объекты компьютерной сферы и различные информационные сети, т.е. полностью находится вне закона. Во вторую группу входят действия, направленные на распространения информации, вызы-

вающей у населения страх и панику, при этом используются легальные электронные средства массовой информации и социальные сети [7, с. 33].

Некоторые ученые выделяют следующие способы совершения кибертеракта:

- несанкционированный доступ к различной информации (государственной, коммерческой, банковской и другим видам тайн, персональным данным);
- причинение значительного ущерба элементам информационного пространства (разрушение информационных сетей, порча ресурсов, создание искусственных помех и т.п.);
- захват каналов распространения информации с целью пропаганды террористической деятельности;
- воздействие на программное обеспечение и информацию (воздействие вредоносных программ, несанкционированное уничтожение, блокирование, копирование и искажение информации и т.д.);
- захват СМИ для распространения информации в своих корыстных целях, запугивания населения, оглашения своих условий и требований;
- уничтожение и порча линий связи, переадресация отправлений [8, с. 558-559].

С.М. Иванов и О.Г. Томило с учетом анализа международно-правового регулирования противодействия кибертерроризму отмечают на такие приемы совершения кибертеракта, как:

- 1) нанесение ущерба отдельным физическим элементам информационного пространства, например, разрушение сетей электропитания, создание помех, использование специальных программ, стимулирующих разрушение аппаратных средств;
- 2) кража или уничтожение информации, программ и технических ресурсов путем преодоления систем защиты, внедрения вирусов, программных закладок и т.п.;
- 3) воздействие на программное обеспечение и информацию;
- 4) раскрытие и угроза публикации закрытой информации;
- 5) захват каналов СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации мощи террористической организации и объявления своих требований;
- 6) уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, перегрузка узлов коммуникации;
- 7) проведение информационно-психологических операций и т.п.

Эти приемы постоянно совершенствуются в зависимости от средств защиты, применяемых разработчиками компьютерных сетей [6, с. 83].

В свою очередь, средства совершения кибертерроризма также разнообразны и постоянно совершенствуются, что делает этот феномен более сложным и опасным.

Одним из основных средств совершения кибертерроризма являются вирусы и вредоносные программы. Они могут быть разработаны с целью проникновения в компьютерные системы, кражи конфиденциальной информации или нанесения ущерба работе организаций. Такие программы могут быть распростране-

ны через электронную почту, вредоносные сайты или даже через зараженные USB-накопители [8-9].

Другим средством кибертерроризма являются хакерские атаки. Хакеры могут проникнуть в защищенные информационные системы с целью кражи информации, вымогательства или просто для дестабилизации работы организации. Такие атаки могут быть направлены как на государственные учреждения, так и на частные компании [11, 13].

Социальная инженерия, по нашему мнению, также является эффективным средством совершения кибертерроризма. Под видом легитимных запросов или информации злоумышленники могут получить доступ к важным данным или компрометировать учетные записи пользователей. Такие атаки требуют хорошего понимания психологии целевой аудитории и могут привести к серьезным последствиям [7-9, 11, 13].

В свете современных геополитических тенденций на фоне фактически ведущихся информационных войн угрозы кибертерроризма будут только возрастать. Противодействие таким угрозам должно осуществляться не только организационно-техническими, но и правовыми способами, среди которых и выступает уголовно-правовая защита, т.е. криминализация совершения кибертерроризма. Мера уголовной ответственности за соответствующие преступления варьируется в зависимости от способов и средств их совершения. В этом, на наш взгляд, и проявляется уголовно-правовое и криминалистическое значение исследования способов и средств совершения кибертерроризма.

В судебной практике можно встретить следующие способы и средства совершения кибертерроризма. Так, Приговором Фрунзенского районного суда г. Владимира (Владимирская область) № 1-67/2020 от 03.01.2020 года по делу № 1-67/2020 ФИО1 был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». 20.07.2010 ФИО1 создал в социальной сети «ВКонтакте» личную страницу и, став ее пользователем, получил возможность в соответствии с правилами указанного интернет-ресурса указывать свои данные об имени, дате рождения и контактную информацию, а также размещать иные сведения, доступные пользователям сети «Интернет», и обновлять указанную информацию. С 2011 г. ФИО1 стал сторонником националистической идеологии, в связи с чем начал негативно относиться к лицам нерусских национальностей, в том числе к выходцам из регионов Северного Кавказа, лицам еврейской национальности и лицам, исповедующим ислам (мусульманам), а также стал разделять идею о невозможности проживания указанных лиц на территории Российской Федерации. Имея убеждения, связанные с пропагандой националистической идеологии, ФИО1 осуществлял выход в сеть «Интернет» и знакомился с различными материалами экстремистской направленности, под влиянием которых у него сложилось стойкое представление о том, что допустимо и необходимо применять насилие в отношении лиц, принадлежащих к определенным расам, национальностям и вероисповеданиям, в связи с чем у него по мотивам неприязни к указанным группам лиц, выделенным по признакам национальной,

расовой и религиозной принадлежности, возник преступный умысел, направленный на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Реализуя свой преступный умысел, ФИО1, действуя умышленно, осознавая, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» является источником публичного распространения информации, с целью формирования у неограниченного круга пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» побуждений к совершению насильственных действий в отношении лиц, принадлежащих к определенным расам, национальностям и вероисповеданиям, осознавая публичный и антиобщественный характер своих действий, находясь по месту своего жительства, совершил публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (<https://vk.com>) [12].

С учетом изложенного выше можно прийти к выводу о том, что необходима комплексная стратегия, которая включает в себя не только технические меры защиты информации, но и превентивные меры, а также сотрудничество между государствами и организациями. Превентивные меры включают в себя обучение общества основам кибербезопасности, а также мониторинг и последовательную работу по идентификации и задержанию потенциальных кибертеррористов. Сотрудничество между государствами и организациями важно для обмена информацией и координации действий по предотвращению кибератак. При этом следует исходить из дифференцированного понятия кибертерроризма (которое пока что на сегодняшний день, к сожалению, законодательно не закреплено), включающего в себя совершение атак на телекоммуникационные, компьютерные сети и средства связи (технический аспект) и информационно-психологическое воздействие с использованием подконтрольных террористам СМИ [4, с. 340].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024 года) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 года № 1 (ред. от 03.11.2016 года) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке.
3. В ГП заявили о росте в сети «Интернет» числа публикаций с оправданием экстремистских поступков // ТАСС: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19686381?ysclid=lx7agzx1x2318457848> (дата обращения: 09.06.2024).
4. Васильев К.И. К вопросу о понятии «кибертерроризм» в российской науке // Молодой ученый. 2015. № 17 (97). С. 337-340.
5. Васильева А.Н. Понятие и проблемы противодействия кибертерроризму // Успехи современного естествознания. 2011. № 8. С. 232-233.
6. Иванов С.М., Томило О.Г. Международно-правовое регулирование борьбы с кибертерроризмом // Право и безопасность. 2013. № 3–4 (45). С. 82-87.

7. Капитонова Е.А. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 29-41.
8. Колосова А.Б., Старичков М.В. Кибертерроризм как форма компьютерной преступности // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 10А. С. 556-562.
9. Мазуров В.А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУРа. 2010. № 1 (21). С. 41-45.
10. МВД РФ сообщило о росте на 6% числа террористических преступлений в 2023 году // Интерфакс: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212> (дата обращения: 09.06.2024).
11. Пахарева Е.Н. Кибертерроризм как технология воздействия на молодежную среду: причины и пути минимизации // Ученые записки. 2009. № 4. С. 77-81.
12. Приговор от 03.01.2020 года по делу № 1-67/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zNzhbe59AqU/?ysclid=lxixtatjuf425512943> (дата обращения: 17.06.2024 года).
13. Фавразова Ю.Р. Актуальные аспекты совершенствования правового регулирования незаконного использования Ю.Р. Фавразова. - Текст : непосредственный // Армия и общество. 2013. № 5 (37). С. 1-10.

С.И. Терехин, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШИВШИХ УБИЙСТВА ПО НАЙМУ

Одной из древнейших «преступных профессий» по праву можно назвать такой особый вид убийства, как убийство, совершенное по найму. Само существование такого вида преступлений обусловлено невозможностью или нежеланием преступника самостоятельно лишить жизни неугодного ему человека. Как результат, преступнику приходится обращаться к «третьему лицу», у которого нет непосредственного конфликта с жертвой, чтобы тот за определенную материальную выгоду лишил его жизни [1, с. 82]. Особая опасность таких преступлений, в отличие от убийств других видов, заключается именно в том, что оно возводит умышленное лишение жизни одного человека другим в своего рода «профессию», поскольку между наемным убийцей и потерпевшим, как правило, нет никаких связей — исполнитель просто «выполняет работу» и получает за это материальное вознаграждение от заказчика (организатора). Именно в связи с такой особенностью наемных убийств, а также в связи с тем, что одной из основных задач как расследования, так и уголовного судопроизводства в целом, являются установление и привлечение виновных к ответственности, как мы полага-

ем, стоит уделить особое внимание личности преступников, ответственных за организацию (заказчик) и осуществление (исполнитель) такого рода преступлений.

Важным будет отметить тот факт, что наемные убийства на текущий момент составляют крайне незначительный процент от общего числа преступлений в Российской Федерации: так, за 2023 г. было зарегистрировано всего 13 убийств по найму [8, с. 21], что составляет лишь 0,17% от общего числа убийств, но несмотря на такую скромную цифру, данные преступления вызывают сильный общественный резонанс, имеют повышенную степень общественной опасности, а также им свойственна одна из самых высоких степеней преступной латентности [6, с. 550], из-за чего отсутствие должного внимания к специфике их расследования кажется нам невозможным и недопустимым.

Как мы уже ранее обозначили, при осуществлении наемного убийства принимают участие как минимум два лица — организатор (заказчик) и исполнитель. При этом если мотивы исполнителя предельно ясны — ему обещано определенное материальное вознаграждение за совершение убийства, то в случае с заказчиком цели могут быть совершенно различными, начиная от потенциальной материальной выгоды, которую может повлечь смерть жертвы (например, когда лишают жизни конкурента в сфере бизнеса), социального статуса или должности (если речь идет о сфере политики) и заканчивая обычной мстью (в случаях, когда речь идет о бытовых конфликтах). Исходя из вышесказанного, мы уже можем выделить одну из фундаментальных особенностей наемных убийств, отличающих его от многих других преступлений с несколькими соучастниками: организатор (заказчик) наемного убийства не может одновременно являться его соисполнителем, поскольку данная роль отведена исключительно наемным убийцам — лицам, непосредственно лишаящим жертву жизни, тогда как заказчик не принимает в убийстве непосредственного участия — его роль ограничивается обозначением «цели» и оплате «работы» исполнителей [4, с. 120]. Также важным будет обозначить, что в некоторых случаях имеет место также такой соучастник заказного убийства, как пособник, роль которого выражается в содействии совершению преступления, путем поиска исполнителя, предоставлении орудия убийства, сокрытии следов и т.д., но при отсутствии его непосредственного участия в совершении преступления [2, с. 317].

Говоря о личностях как заказчика, так и наемного убийцы, важно учитывать тот факт, что они будут сильно различаться в зависимости от той сферы общественной (и криминальной) жизни, в которых данные убийства совершаются, при этом следует отметить, что прослеживается четкое соответствие статуса убийцы и нанимателя (положение в обществе, материальное благополучие, принципы, жизненные интересы и пр.) [3, с. 94]. Исходя из этого в науке существуют различные точки зрения касательно того, какие виды наемных убийств и наемных убийц существуют. М.А. Новгородский предлагает отдельно выделить бытовые убийства, убийства в высших и средних слоях населения [5, с. 279], Е.В. Кленина предлагает выделять наемные убийства в бытовой сфере, в сфере предпринимательства и в криминальной среде [3, с. 94]. Как нам кажется, классификация Е.В. Клениной имеет более полный и всеобъемлющий ха-

ракти, но, по нашему мнению, с учетом специфики нынешних внешнеполитических событий сюда также имеет смысл включить такой вид наемных убийств, как убийства в сфере политики (убийства, осуществленные по заказу иностранных спецслужб). Также важно обозначить тот факт, что уровень организованности убийств по найму и профессионализма наемных убийств будет сильно варьироваться в зависимости от вида убийства, начиная от бытовых и заканчивая убийствами в криминальной среде и политике.

Заказчик является обязательным и ключевым участником наемного убийства, которому по самым различным причинам необходимо и выгодно физически устранить потерпевшего путем лишения его жизни. Именно от его волеизъявления берет свое начало совершение данного преступления. Мотивы заказчика могут быть самыми различными: месть; желание предотвратить утрату или получить материальные и нематериальные блага, избежать уголовной ответственности; потребность обезопасить себя, своих близких и свое окружение и др. Важно отметить, что действия заказчика наемного убийства, в отличие от большинства других преступников, посягающих на жизнь и здоровье личности, не могут иметь исключительно эмоциональный и стихийный окрас (например, как в случае с убийством в состоянии аффекта): мысль о лишении жизни человека может быть обусловлена импульсивными эмоциями человека, но все его дальнейшие действия, связанные с поиском убийцы, предоставлением ему орудий преступления, оплатой его «работы» уже предполагают рациональное и расчетливое мышление заказчика и его устойчивое желание, на протяжении всех этапов подготовки к преступлению (в течение которых он все еще может отменить «заказ»), заключающееся в лишении потерпевшего жизни. Причины же, по которым организатор наемного убийства решил прибегнуть к помощи киллера, по нашему мнению, можно разделить на два вида: психологические (нежелание самому «марать руки»; страх, неуверенность в том, что у него получится совершить задуманное и т.д.) и рациональные (желание обеспечить себе алиби, физическая неспособность лишить потерпевшего жизни самостоятельно и др.), при этом, в зависимости от каждого конкретного человека, может иметь место различная совокупность данных признаков.

Наемный убийца является еще одним обязательным участником и непосредственным исполнителем данного рода преступлений, ведь именно на него возлагается своего рода обязанность по выполнению «воли» заказчика убийства в обмен на соответствующие материальные блага, которыми в большинстве случаев являются денежные средства. Отличительной особенностью наемного убийцы, в отличие от убийц иных видов, является, как правило, отсутствие какой-либо связи между ним и жертвой (начиная с того, что они могут быть просто не знакомы и заканчивая тем, что основное место жительства убийцы находится в другом городе или стране).

Отличительной особенностью организаторов бытовых наемных убийств является их крайне тесная связь с потерпевшим, которая, как следует из названия, отражается на их повседневной жизни («быту»), в связи с чем заказчиками такого вида убийств, как правило, являются родственники (в том числе бывшие супруги), соседи, друзья. Что логично, именно бытовые наемные убийства являют-

ся наиболее раскрываемыми и наименее организованными преступлениями такого рода, ведь у заказчика, как правило, отсутствует какой-либо опыт организационной и преступной деятельности, благодаря чему им могут допускаться многочисленные организационные ошибки при подготовке, совершении и сокрытии убийства (выбор «неудачного» места преступления; привлечение в качестве убийцы «неблагонадежного», «совестливого» или некомпетентного человека и т.д.), позволяющие следствию выйти на него или и вовсе повлекшие «провал» покушения. Пример «плохо организованного» наемного бытового убийства можно увидеть в приговоре по делу № 1-60/2021: в данном случае женщина решила убить своего супруга из мести за его аморальное поведение, составила план по лишению его жизни, в результате чего первый наемный убийца отказался от совершения преступления, пока вез его к месту убийства, а второй наемный убийца, который был знаком с обоими супругами, и вовсе приехал в состоянии алкогольного опьянения, не довез жертву до места убийства и не смог «добить» потерпевшего, в результате чего последнему удалось сбежать и выжить [9]. Данное дело достаточно наглядно показывает, что из себя представляют бытовые наемные убийства, а также лица, участвующие в них: заказчик руководствовался эмоциями при организации и планировании данного преступления — она захотела «отплатить» своему мужу за то, что тот избивал, оскорблял и унижал ее, и не пришла ни к какому другому решению (поход к психологу, обращение в правоохранительные органы или развод), кроме как лишить его жизни чужими руками. В результате чего женщина обратилась к своим знакомым, которые знали о том, как ее муж с ней обращается, и предложила им 150-200 тысяч рублей, чтобы те убили его, но из-за того, что убийцы оказались слишком «совестливыми» и некомпетентными, убийство совершить не удалось. Исходя из данного примера также становятся очевидными некоторые психологические особенности организаторов бытовых убийств, которые могут быть причиной такого высокого уровня раскрываемости бытовых наемных убийств: импульсивность в принятии решений, эмоциональная нестабильность, ограниченность мышления, незрелость, манипулятивность, уровень интеллекта ниже среднего.

Приведенный выше пример второго убийцы также дает нам достаточно ясную картину относительно «бытовых киллеров»: маргинальные личности, склонные к импульсивным и конфликтным действиям, низко ценящие человеческую жизнь, «непрофессиональные» и неспособные полноценно планировать свои действия. Наемные убийцы такого рода, как правило, уже привлекались к ответственности за совершение иных преступлений (кражи, разбой, нанесение вреда здоровью и т.д.), но при этом работа «киллерами» для таких людей в большинстве случаев ограничивается одним «заказом», поскольку в силу слабых организационных и некомпетентности они рано или поздно привлекаются к ответственности. Основной причиной таких личностей для совершения наемных убийств, как правило, является «легкое» получение денежных средств ради удовлетворения их собственных потребностей (например, в роскоши, алкоголе или наркотиках) [3, с. 94-95].

Также, говоря о «бытовых убийцах», важно выделить такую проблему, как существование наемных убийц-подростков. Для несовершеннолетних причины

участия в наемных убийствах могут быть различными, но зачастую все сводится к несформированной или неправильно сформировавшейся системе ценностей и эмоциональной незрелости как непосредственный результат воздействия внешней социальной среды (неблагополучная семья, антисоциальное поведение сверстников, отсутствие положительного примера подражания и т.д.). Соответственно, обращаясь за «помощью» в убийстве к несовершеннолетнему, заказчик сталкивается с повышенным риском, связанным с их физическими (необходимость обеспечить их оружием, подготовить место преступления и т.д.) и психологическими (завышение самооценки, самонадеянность, желание делать все по-своему и др.) особенностями. Но при этом ученые отмечают, что привлечение несовершеннолетних в качестве наемных убийств может мотивироваться следующими преимуществами:

- 1) подростку легче «втереться в доверие» к жертве;
- 2) поскольку у детей еще не сформирована система ценностей, их услуги могут обойтись значительно дешевле работы «взрослого киллера»;
- 3) если заказчику потребуется, он может достаточно легко избавиться от несовершеннолетнего;
- 4) как правило, несовершеннолетние в стрессовых ситуациях редко обращают внимание на детали, из-за чего они, как правило, мало что могут сказать следствию об обстоятельствах дела или личности заказчика [7, с. 331].

Намного более высоким уровнем организации и исполнения отличаются наемные убийства в сферах предпринимательства и криминального мира, поскольку заказчики в таких делах, в отличие от бытовых убийств, намного более интеллектуально развиты, а также, как правило, у них уже имеется опыт организационной и/или криминальной деятельности. В силу рационального, жестокого и амбициозного склада ума организаторы убийств в данных сферах руководствуются исключительно прагматичными (материалистическими) мотивами, поскольку к наемным убийствам они прибегают не из-за мести или обиды, а ради различного рода материальной и нематериальной выгоды, например, ради устранения конкурента, чтобы получить более высокую должность в организации (в том числе преступной), с целью избежать уголовной ответственности и т.д.

Что интересно, непрофессиональные убийцы также имеют место быть в сферах предпринимательства и криминального мира, но в силу намного более высокого уровня организации и планирования такого рода убийств правоохранительным органам редко удается выйти на соответствующих заказчиков. Также говоря о наемных убийствах в данных сферах, при должной организации и уровне исполнения, даже при участии непрофессионального киллера, возможен такой исход, что смерть жертвы правоохранительными органами и вовсе не будет квалифицирована как преступление, например, в случаях, когда убийство подстраивается под несчастный случай и были сокрыты все следы, указывающие на «участие извне».

Но в отличие от бытовых убийств, где жертвой является обычный гражданин, у которого, как правило, нет должной охраны и которого относительно легко можно лишить жизни, потерпевших из сфер предпринимательства и преступ-

ного мира намного тяжелее убить, не оставив следов, в связи с чем заказчики в таких случаях скорее предпочтут заплатить в несколько раз больше и обратиться к профессионалам (в случае с преступными организациями — к собственным подчиненным, специализирующимся на «решении» таких вопросов). В отличие от «бытовых киллеров», которые могут являться «первыми встречными» или и вовсе непосредственными знакомыми как заказчика, так и жертвы (что, по сути своей, даже несколько противоречит смыслу наемных убийств, так как будет прослеживаться четкая связь между тремя лицами), профессионалы, соответствуя своей репутации, обладают такими характерными чертами, как средний-высокий уровень интеллекта, исполнительность, умение обращаться с огнестрельным оружием и взрывчатыми устройствами, способность планировать и приспосабливаться к изменяющимся условиям окружения, что ставит их на несколько уровней выше, чем бытовые киллеры и «непрофессионалы». Еще одним психологическим отличием профессионалов от наемных убийц в бытовой сфере является их отношение к данной деятельности. Если последние рассматривают наемное убийство лишь как способ быстро получить деньги, то профессиональные убийцы видят его уже как непосредственно работу («подработку») и реальный способ заработка на жизнь, в связи с чем они относятся к этому со всей серьезностью и осмотрительностью — именно такое отношение, по нашему мнению, и является причиной того, почему профессиональные убийцы крайне редко привлекаются к ответственности.

Профессиональных убийц можно подразделить на две группы:

1. Убийцы, являющиеся частью преступных групп или активно сотрудничающие с ними, которые помимо наемных имеют иной способ (в том числе противозаконный) получения доходов, в число которых входят:

– бывшие военные, сотрудники правоохранительных органов (в том числе действующие), лица, имеющие опыт участия в боевых действиях — лица возрастом до 30 лет, которые, при осуществлении наемных убийств, как правило, действуют под четким руководством организатора;

– сотрудники охранных фирм, частных служб безопасности, имеющие хорошую боевую подготовку (бывшие офицеры, прапорщики, участники специальных подразделений) — лица возрастом 30-40 лет, которые при осуществлении своей «деятельности» могут не только руководствоваться указаниями заказчика, но и сами способны планировать и подготавливать будущие убийства [7, с. 332].

2. Профессионалы-одиночки — лица, не относящиеся ни к одной преступной группе, для которых убийства по найму являются не просто способом заработка, а полноценной профессией и увлечением. Именно профессионалов-одиночек принято считать самым редким (составляют около 1% от общего числа убийц) и общественно опасным видом наемных убийц, поскольку в основе их деятельности лежит не только желание заработать, но и их собственный интерес (энтузиазм) в совокупности с талантом в отношении заказных убийств [1, с. 81]. Криминалистическая характеристика личности профессионалов-одиночек строится на том, что такие люди достаточно умны и имеют высшее образование; хорошо социально адаптированы, но при этом достаточно замкнутые и редко заводят близкие знакомства; хладнокровны, умеют скрывать свои эмоции, обладают

высокой силой воли; никогда не привлекались к уголовной ответственности. Особо стоит уделить внимание последнему пункту: если в случае с иными наемными убийцами успешность их работы определяется исключительно тем, лишили ли они жертву жизни, то в случае с профессионалами-одиночками является крайне опасной их способность «заметать следы» (возможно, обусловленная их повышенным чувством самосохранения), благодаря чему следствию, как правило, не удастся выйти не только на исполнителя убийства, но и на заказчика и иных лиц. Как результат, такие убийцы не только получают источник дохода в виде многократных «заказов на убийства», но и повышают свою репутацию, благодаря чему к ним, как к опытным профессионалам, регулярно обращаются «за помощью» [3, с. 98].

Вопрос касательно заказных убийств, осуществляемых по заказу спецслужб иностранных государств, практически не исследован с правовой и процессуальной точек зрения, ведь не до конца понятно, как именно следует квалифицировать их деятельность и как привлечь заказчика к ответственности, но несмотря на это, в силу нынешних внешнеполитических событий вопрос как никогда актуален, поскольку все чаще в средствах массовой информации появляются новости об убийствах, которые, по версии следствия, осуществлены по заказу иностранных органов власти (например, Украины, в случаях с убийством Д. Дугиной или И. Кивы) [10, 11]. Такие убийства зачастую осуществляются общественно опасным способом, путем устранения политического оппонента, политически значимой фигуры в другой стране и т.д., с целью, как мы это видим, внесения разлада в правящую верхушку другого государства, устрашения граждан, призыва к изменению хода внешней политики (из-за чего еще раз встает вопрос о квалификации данного вида убийства, ведь, по сути своей, все вышеобозначенные цели — это признаки терроризма). И если с исполнителем такого рода убийств ситуация относительно понятна — ими могут являться как сотрудники соответствующих иностранных государственных органов (с соответствующей подготовкой, опытом и знаниями в данной сфере), так и убийцы обозначенных выше видов, привлекаемые «извне» (которые могут являться гражданами, любой из стран-участников конфликта). В случае с заказчиком ситуация абсолютно непонятна как с криминалистической, так и с уголовно-правовой точки зрения: кого следует считать организатором — руководство страны, отдельно взятого органа власти или всех вместе; как определить личность организатора — путем запроса в органы власти иностранного государства или с путем осуществления действий органами внешней разведки (тут же встает вопрос, будут ли относиться данные сведения к доказательствам и как их оформлять); каков порядок привлечения организатора к ответственности. Все эти вопросы, по нашему мнению, требуют дополнительной законодательной и методологической регламентации.

Помимо заказчика и исполнителя во многих наемных убийствах (особенно в сферах бизнеса и криминального мира) имеет место быть такой вид участника, как пособник. Его роль, как исходит из названия, заключается в содействии совершению наемного убийства при отсутствии его непосредственного участия в лишении потерпевшего жизни. Пособник в наемных убийствах может иметь

роль посредника (лица, которое осуществляет поиск непосредственного исполнителя, предоставляет ему орудия и информацию о преступлении) и укрывателя (лица, содействующего сокрытию следов преступления). Как правило, именно с посредниками имеют дело наемные убийцы, при контакте с заказчиком в криминальной и предпринимательской сферах — зачастую они имеют достаточно тесную связь с организатором и являются их непосредственным «помощником» или «правой рукой» [5, с. 280].

Всестороннее исследование криминалистической характеристики личностей наемных убийц, заказчиков и иных лиц, участвующих в осуществлении наемных убийств, по нашему мнению, является неотъемлемой чертой методики расследования такого рода преступлений и необходимо для их предупреждения, полноценного, эффективного расследования и раскрытия, а также привлечения виновных к ответственности.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Наемные убийцы как особо опасные преступники // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 82-86.
2. Зяблов Д.С. Личность преступника в системе криминалистической характеристики убийства по найму // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 18–19 апреля 2019 года. Тамбов, 2019. С. 316-320.
3. Кленина Е.В. Личность заказчика и исполнителя убийства по найму // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 декабря 2022 года. М.: Алеф, 2022. С. 93-99.
4. Молчанов Д.М. Организатор преступления в общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12 (133). С. 118-133.
5. Новгородский М.А. Убийство по найму: состав преступной группы, криминалистическая характеристика личностей виновных // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22-23 апреля 2021 года. Барнаул, 2021. С. 279-281.
6. Репецкая А.Л., Габеев С.В. Убийство по найму: криминологический анализ современного состояния в РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 4. С. 541-552.
7. Усков С.В. Первоначальный этап расследования убийств по найму: особенности проведения осмотра, обыска и выемки // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы Международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года. Красноярск, 2020. С. 278-282.

8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. М., 2023. С. 63.

9. Приговор Северодвинского городского суда Архангельской области № 1-60/2021 1-788/2020 от 16 марта 2021 г. по делу № 1-60/2021.

10. «В СК РФ заявили, что экс-депутата Рады Киву застрелили в парке» // Официальный сайт 5 канала. [Электронный ресурс]. URL: 5-tv.ru/news/460317/vskrfzaavili-cto-eksdeputata-rady-kivu-zastretili-vparke/ (дата обращения: 01.05.2024).

11. ФСБ раскрыла убийство Дарьи Дугиной // Лента.ру. [Электронный ресурс]. URL: lenta.ru/articles/2022/08/22/dugina/?ysclid=lqhcfbezyx887040580 (дата обращения: 01.05.2024).

С.Н. Титов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры права Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Использование информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности в настоящее время становится одной из самых обсуждаемых уголовно-правовых и криминологических проблем. Достаточно сказать, что и Министерство внутренних дел Российской Федерации, и Генеральная прокуратура Российской Федерации ведут специальную статистику таких преступлений, ежегодно отмечая и их общее число, и долю в массиве преступлений.

И тот, и другой орган отмечают тревожные данные в этой области. В 2023 г. доля таких преступлений составила одну треть от общего числа совершенных преступлений в стране [1]. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 г. общее число преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило 470 тысяч [2].

Под информационно-телекоммуникационными технологиями здесь нужно понимать в первую очередь сеть Интернет, так как подавляющее большинство (по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, три четверти указанных преступлений совершаются именно с использованием данной сети).

Проблема роста киберпреступлений не осталась без внимания и главы нашего государства. Еще в 2021 г. В.В. Путин обратил внимание на десятикратный рост числа преступлений в сфере информационных технологий за шесть лет [3]. После этого Президент России ежегодно обращал внимание на данную проблему в выступлениях на расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ежегодный рост преступности в сфере информационных технологий отмечен им по итогам 2021 г. [4]. В 2023 г. им бы-

ла названа безусловным приоритетом работы ведомства борьба с этими преступлениями и обозначен дрящийся рост числа таких преступлений — до полу-миллиона за 2022 г. [5]. По итогам 2023 г. эта цифра выросла до 680 тысяч, а ущерб превысил 156 млрд руб. [6].

Использование информационных технологий приобретает возрастающую популярность среди преступников по понятным причинам. Они облегчают передачу информации, ускоряют обмен данными, дают больше возможностей для обеспечения анонимности преступника.

Однако в рамках настоящего материала хотелось бы обратить внимание на еще один вызов для науки, законодателя и правоприменителя в области уголовного права. Речь идет о том, что при совершении преступления с использованием сети Интернет место нахождения преступника уже не имеет определяющего значения для механизма преступления. Уже стало привычным говорить, что в этом случае преступления совершаются в киберпространстве.

В связи с этим распространение информационных технологий требует нового осмысления принципов определения юрисдикции в отношении таких преступлений. На международном уровне признано, что главным, определяющим принципом является территориальный принцип — уголовная ответственность определяется законом страны, на территории которой совершено преступление [7]. Все остальные принципы являются экстерриториальными и применяются только в случае неприменимости территориального принципа. Однако в случае преступлений, совершаемых в сети Интернет, в частности, преступлений против интеллектуальной собственности, как уже отмечалось, место нахождения самого преступника может не совпадать ни с сервером, на котором размещен нелегальный контент, ни с территорией его распространения.

Известным примером транснационального нарушения авторских прав является ресурс Moonwalk, закрытый в 2019 г. Его серверы располагались в Нидерландах, в связи с чем российские правообладатели никоим образом не могли влиять на распространение контента [8].

Актуальность вопросов экстерриториальной юрисдикции уже много лет отмечается на международном уровне, не в последнюю очередь — в связи с ростом транснациональных корпораций и международной преступности [9].

Коротко, проблемный вопрос, который автор хотел бы в общих чертах разобрать в рамках настоящего материала, можно сформулировать так: возможно ли привлечение к уголовной ответственности на территории России иностранного гражданина, совершившего незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, находясь при этом за рубежом?

В рамках действующего законодательства такое привлечение к ответственности вряд ли возможно. Статья 11 и ч. 1 ст. 12 УК РФ к данному случаю неприменимы, поскольку деяние совершено за пределами территории России, а виновный не является российским гражданином. Что касается ч. 3 ст. 12 УК РФ, заключающий принципы пассивного гражданства, защиты (или реальный принцип) и универсальный принцип, то их применение также сопряжено с целым рядом сложностей.

Во-первых, интересы Российской Федерации не будут затронуты, даже если правообладателем окажется российский гражданин, поскольку интеллектуальная собственность относится к области частных интересов.

Во-вторых, принцип гражданства также вряд ли может быть применим, поскольку наиболее ценные объекты интеллектуальной собственности принадлежат корпорациям, а они в ст. 12 УК РФ не упомянуты.

Что же касается универсального принципа, его применение в настоящее время в целом сопряжено с целым клубком сложностей и противоречий, о чем речь пойдет ниже. А в данном случае его применение делает невозможным отсутствие соответствующих международных актов в сфере интеллектуальной собственности, которые бы с достаточной определенностью предоставляли Российской Федерации право претендовать универсальную юрисдикцию в описанном кейсе.

В современной литературе предлагается несколько вариантов решения данной проблемы. Не имея возможности в рамках данной статьи привести более или менее подробный обзор таких решений, остановимся на некоторых из них.

Очень оригинальным представляется подход, согласно которому киберпространство рассматривается как одно из тех пространств, на которые не распространяется юрисдикция ни одного из государств. Это так называемые «международные пространства». В настоящее время таковыми признаются открытое море, Антарктида и космос. Киберпространство в плане определения юрисдикции должно быть отнесено к их числу, то есть быть признано четвертым «международным пространством» [10, с. 70].

Данный подход обладает одним существенным недостатком. Да, действительно, и Антарктида, и космос, и открытое море являются территориями, на которые не распространяется суверенитет ни одного из государств. Однако они характеризуются тем, что человек, находясь на них, не теряет способности совершать деяния, чего нельзя сказать о киберпространстве, в котором человек не только не может действовать, но даже пребывать. Существуют публикации, согласно которым эту ситуацию в будущем может изменить процедура эмуляции мозга человека, когда его биологическая оболочка перестанет иметь то первоначальное значение, которое она имеет сегодня [11, с. 592, 593]. Однако на данном этапе развития науки и техники не представляется возможным приравнять киберпространство к «международным пространствам».

Подтверждением этого может служить позиция высшей российской судебной инстанции, согласно которой местом совершения преступления, при котором использовались информационно-телекоммуникационные технологии, является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления [12].

Учитывая указанные соображения, более перспективным представляется поиск решения обозначенной проблемы в области принципов и правил экстерриториальной юрисдикции.

В этой связи стоит отметить возрастающее внимание ученых и правоприменителей к вопросам универсальной юрисдикции. Данный принцип носит до-

полнительный, субсидиарный характер [13, с. 92]. Поэтому он близок к рассматриваемой нами ситуации, когда территориальный принцип неприменим.

Преимущества данного принципа определения юрисдикции очевидны. Он снимает все описанные проблемные вопросы, связанные с местом совершения преступления и гражданством виновного. Однако применение вышеуказанного принципа связано с целым набором сложностей, делающим его в настоящее время практически невозможным. В первую очередь речь идет о том, что для его применения требуется безоговорочное признание государствами преступным незаконное использование интеллектуальной собственности. Между тем сравнительно-правовое исследование показывает, что даже уголовные законы разных стран весьма далеки от единообразия по данному вопросу.

Более того, существует и целый ряд общих препятствий для применения данного принципа, отмечаемых, в частности, Комиссией ООН по международному праву — разногласия между государствами в определении понятия универсальной юрисдикции, в понимании ее охвата, включая перечень преступлений по международному праву, а также параметров ее применения, в том числе условия, критерии, процессуальные аспекты [14, с. 356].

В свете изложенного представляется наиболее перспективным решение обозначенного нами вопроса путем расширения применения реального принципа. Между тем, как уже отмечалось, ч. 3 ст. 12 УК РФ позволяет применять его только в случае, когда преступление затрагивает интересы Российской Федерации или гражданина России.

Согласно п. 1 ст. 1229 ГК РФ, правообладателем является гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. Следовательно, для полноценного применения реального принципа к трансграничным преступлениям против интеллектуальной собственности, совершаемым с использованием сети Интернет, следует дополнить ч. 3 ст. 12 УК РФ указанием на интересы российских юридических лиц.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // Сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 28.04.2024).
2. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 года // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 28.04.2024).
3. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Портал Президента Российской Федерации. 03.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 03.05.2024).
4. Глава государства принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Портал

Президента Российской Федерации. 17.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 02.05.2024).

5. Президент принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Портал Президента Российской Федерации. 20.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 02.05.2024).

6. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Портал Президента Российской Федерации. 02.04.2024. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 03.05.2024).

7. Решение Постоянной палаты международного правосудия по делу Lotus. Case of the S.S. «Lotus» (France v. Turkey), Judgment No. 9 of 7 September 1927, P.C.I.J. Reports 1928, Series A, No. 10 // Международная база данных прецедентного права Worldcourts. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (дата обращения: 03.05.2024).

8. Навсегда закрыт плеер, на котором работали 80% российских пиратских кинотеатров. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-10-22_v_niderlandah_prikryli_pleer (дата обращения: 07.04.2024).

9. Отчет о работе пятьдесят восьмой сессии Комиссии по международному праву. Приложение V. Сайт Организации объединенных Наций. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/annexes.pdf> (дата обращения: 04.05.2024).

10. Darrel C. Menthe. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces, 4 Mich. Telecomm. & Tech. L. Rev. 69 (1998). P. 69–103. [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.law.umich.edu/mttlr/vol4/iss1/3> (дата обращения: 04.05.2024).

11. Русскевич Е.А., Дмитренко А.Д., Кадников Н.Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Право. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 585–598.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. 28.12.2022. № 294.

3. Липкина Н.Н. Универсальная юрисдикция: международно-правовые основания и проблемы установления в отношении преступлений террористической направленности // Lex russica. 2018. № 6. С. 92–105.

4. Г-н Чарлз С. Джалло. Универсальная уголовная юрисдикция. Приложение к отчету о работе семидесятой сессии Комиссии ООН по международному праву. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/annex_a.pdf (дата обращения: 04.05.2024).

С.Ю. Туров, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД ПРИ СУДЕБНОМ САНКЦИОНИРОВАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В науке уголовно-процессуального права судебное санкционирование считается институтом уголовного судопроизводства [1, с. 100], судебной функцией [2, с. 42], формой реализации судебной власти [3, с. 135], видом особого производства [4, с. 123-126]. В отсутствие легальной дефиниции под ним чаще всего понимается правоприменительная деятельность суда по принятию решений о применении отдельных мер принуждения, либо о проведении следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права, свободы и законные интересы человека и гражданина [5, с. 23]. Законность и обоснованность этих мероприятий оценивается судом в рамках судебного заседания, при производстве которого он устанавливает наличие как формальных, так и материальных оснований для ограничения конституционных прав граждан.

Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении суду надлежит упомянуть конкретные фактические обстоятельства, принятые им в обосновании своего решения. При этом запрещается ссылаться на данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности, результаты оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Не углубляясь в тонкости конструкции указанной нормы, отметим лишь беспочвенность рассуждений относительно смысловой нагрузки используемого в ней законодателем термина «данные», вместо традиционного «сведения», определяющего содержание доказательств в ст. 74 УПК РФ. Этот вывод следует как из п. 1 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором термин «информация» раскрывается путем перечисления тождественных понятий сведения (сообщения, данные), так и из положений ч. 6 ст. 105.1, ч. 7 ст. 107 УПК РФ, обязывающих суд при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста учитывать представленные сторонами сведения. Нужно сказать, что нормативное закрепление правил оценки данных только при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает их действие на судебное санкционирование иных мер пресечения, так как обоснованность подозрения (обвинения) суд устанавливает исходя из положений ст.ст. 88-89 УПК РФ. Неслучайно Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 41¹ обоснованность подозрения соотносит с обязательной проверкой судом наличия в ходатайстве и приобщенных к нему материалах конкретных сведений, указывающих на причастность лица

¹ См.: пункты 2, 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Здесь и далее, если не оговорено иное, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс».

к совершенному преступлению, и с оценкой этих сведений в своем решении. Причем перечень таких материалов является открытым в связи с используемой в п. 13 формулировкой «иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению». Здесь встает важный вопрос о допустимости использования в качестве «иных материалов» результатов ОРД, поскольку часть 1 ст. 108 УК РФ требует их представления в соответствии со ст. 89 УПК РФ, а ее буквальное толкование в принципе исключает применение этих сведений в доказывании. Ведь результаты ОРД, независимо от способа фиксации в них обстоятельств, относящихся к уголовному делу, формируются в процессе оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), проводимых субъектами ОРД за рамками уголовного процесса, предусматривающего значительно больше процессуальных гарантий. Изложенное подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно подчеркивал, что результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках, способных стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем на основе норм уголовно-процессуального закона¹. С таким подходом согласуются и разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в п. 16 постановления Пленума № 8, где указано, что не имеют юридической силы доказательства, собранные и закреплённые ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством². Сохраняя последовательность, Верховный Суд РФ дословно отразил приведенные выводы в п. 13 постановления Пленума № 51³. Таким образом, складывается мнение, что результаты ОРД в связи с ограниченными доказательственными возможностями непроцессуальных форм трансляции оперативной информации в уголовное дело, имеют лишь гносеологическую ценность. Однако раскрывая конституционно-правовое содержание ст. 75 УПК РФ, Конституционный Суд РФ заключил, что она определяет только, какие доказательства относятся к недопустимым, но не устанавливает правила оценки доказательств, которые предусмотрены ч. 1 ст. 88 УПК РФ⁴. Равным образом в п. 2 постановления № 1 Пленум ВС РФ, избегая прямых указаний на то, какие иные доказательства, следует считать полученными с нарушением требований УПК РФ и относить к недопустимым на основании п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, ориентировал суды при раз-

¹ См.: например, определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О; от 26 января 2017 г. № 189-О; от 30 мая 2023 г. № 1076-О.

² См.: пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

³ См.: пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

⁴ См.: например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 527-О-О, от 23 июня 2009 г. № 886-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1190-О-О, от 21 июня 2011 г. № 849-О-О, от 29 сентября 2011 г. № 1200-О-О, от 23 апреля 2013 г. № 497-О, от 17 июня 2013 г. № 936-О, от 29 мая 2014 г. № 1049-О, от 29 января 2019 г. № 73-О и др.

решении данного вопроса в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение¹.

Семантическая характеристика результатов ОРД дана законодателем в п. 36.1 ч. 1 ст. 5 УПК РФ. Но Пленум Верховного Суда РФ, не ограничиваясь их нормативно-правовым определением, в п. 15 постановления № 20² ориентировал суды понимать под результатами ОРД — документы со сведениями о результатах ОРД, объекты, полученные при проведении ОРМ, носители информации или иные предметы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами.

Содержательная структура ст. 89 УПК РФ породила немало дискуссий среди юристов относительно процессуального закрепления и реализации в доказывании по уголовному делу непроцессуальной информации, добытой в результате ОРД. При всей широте диапазона предлагаемых решений фундаментально их можно сгруппировать в три концепции. Сторонники первой допускают непосредственное использование результатов ОРД в качестве доказательств, но отмечают необходимость усовершенствования и развития законодательства в этой сфере правоотношений [6, с. 138-139; 7, с. 110-115; 8, с. 170-178; 9, с. 40-48]. Приверженцы второй полагают возможным использование результатов ОРД в качестве доказательств лишь при условии их трансформации или преобразования в таковые уголовно-процессуальным путем [10, с. 124; 11, с. 110-111; 12, с. 252]. Представители третьей концепции в принципе исключают любую возможность применения результатов ОРД в качестве доказательств [13, с. 81-82]. Также существуют и фактически нейтральные точки зрения, суть которых сводится к закреплению в УПК РФ нормы о том, что информация с результатами ОРД может признаваться доказательством, только если она получена с соблюдением требований УПК РФ [14, с. 298-300]. Особого внимания заслуживает позиция В.В. Семенчука, справедливо отметившего, что нормы ст. 84 УПК РФ создают препятствие для использования результатов ОРД через призму «иных документов», так как орган дознания не относится к перечисленным в ст. 86 УПК РФ субъектам, осуществляющим сбор доказательств, а ОРМ, не являются процессуальными действиями [15, с. 105-117]. Эти рассуждения автора полностью совпадают с правовым мнением Конституционного Суда РФ, согласно которому «иные документы» используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве³.

Несмотря на безусловную ценность результатов ОРД для уголовного судопроизводства, нормы УПК РФ, как и Федерального закона от 12 августа 1995 г.

¹ См. пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² См.: пункт 15 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

³ См.: определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О; от 28 мая 2013 г. № 723-О.

№ 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), не регламентируют процедуру их предоставления (ввода) в уголовный процесс, не устанавливают обязательных условий, которым указанные результаты должны отвечать, не содержат адекватного механизма их закрепления и оформления. Отчасти данный пробел устраняет Инструкция¹, принятая в соответствии с ч. 4 ст. 11 Закона об ОРД (далее — Инструкция). В ней предусмотрен порядок предоставления результатов ОРД в виде: 1) рапорта об обнаружении признаков преступления, составляемого в соответствии со ст. 143 УПК РФ должностным лицом органа, осуществляющего ОРД; 2) сообщения о результатах ОРД (п.п. 6, 7). Здесь следует обратить внимание, что предусмотренный Инструкцией алгоритм передачи результатов ОРД — не единственный. В силу ч. 2 ст. 40, п. 3 ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 157 УПК РФ орган дознания вправе самостоятельно приобщить результаты ОРД к материалам доследственной проверки или возбужденному им же уголовному делу. Не противоречит закону и введение в уголовный процесс материальных объектов, полученных при проведении ОРМ, путем их изъятия в ходе следственных действий.

Известно, что помимо результатов ОРД, рапортом об обнаружении признаков преступления, согласно с п. 3 ч. 1 ст. 140, ст. 143 УПК РФ, оформляется сообщение о преступлении, полученное из иных источников, которое служит поводом к возбуждению уголовного дела. Причем значение такого рапорта учеными понимается по-разному. Например, В.И. Качалов считает допустимым использовать его в доказывании как «иной документ», при условиях отражения в нем фактических данных о признаках преступления, перечисления источников информации о признаках преступления и надлежащем оформлении [16, с. 430-431]. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский хотя и относят заявление и сообщение о преступлении к «иным документам», в то же время исключают составление и удостоверение этого самостоятельного средства доказывания органами, ведущими уголовный процесс [17, с. 109-110]. О.В. Качалова рассматривает рапорт лишь в качестве повода для возбуждения уголовного дела [18, с. 8]. И.И. Сюбаев трактует рапорт как внутреннюю форму взаимоотношений сотрудников правоохранительных органов, не имеющую отношения к доказательствам [19, с. 29].

Применительно к использованию в доказывании материалов, полученных оперативным путем, большую теоретическую и практическую значимость имеют правовые позиции Судебной коллегий по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в своих определениях по конкретным уголовным делам неоднократно допускала в качестве доказательств результаты ОРД, оформленные справкой-меморандум, рапортом, справкой, актом и протоколом о результатах проведения ОРМ². Помимо распространенных ссылок на проверку и оценку ре-

¹ Приказ МВД России № 776, Минобороны России №703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

² См.: определения Верховного Суда РФ от 17 июля 2018 г. по делу №34-АПУ18-6; от 8 октября 2019 г. по делу №201-АПУ19-45; от 23 октября 2019 г. по делу №203-АПУ19-16; от 9 июля 2020 г. по делу №223-АПУ20-2; от 6 декабря 2022 г. по делу № 222-УД22-60-А6;

зультатов ОРМ в соответствии с требованиями ст. 87 УПК РФ, с учетом правил ст. 88 УПК РФ¹, законность их проведения и использования в доказывании также обосновывается соблюдением ФЗ об ОРД, Инструкцией, фиксацией полученных оперативных сведений в протоколах следственных и иных процессуальных действий.

В частности, по уголовному делу в отношении А., Д., О., П., Х. законность проведения и использования в доказывании результатов ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, зафиксированных в актах наблюдения, протоколах обследования, справках по расшифровке компакт-дисков с телефонными разговорами, суд мотивировал их проведением на основании судебных решений, без признаков провокации, предоставлением следователю постановлениями руководителя органа, осуществляющего ОРД, в порядке, предусмотренном ФЗ об ОРД и Инструкцией с последующим правильным процессуальным закреплением в материалах уголовного дела².

По уголовному делу в отношении осужденного Ш. допустимость справки с результатами ОРМ, видеозаписи ОРМ, протоколов обследования суд объяснил тем, что ОРМ проведены для решения задач, указанных в ст. 2 ФЗ об ОРД, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст. 7 и 8 того же закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных действий³.

Рассмотрев дело в отношении осужденных Г. и А., Судебная коллегия ВС РФ сделала вывод, что результаты ОРМ использованы в процессе доказывания без нарушений, поскольку переданы в распоряжение следственных органов в порядке, предусмотренном соответствующей Инструкцией, осмотрены в необходимых случаях следователем, средства, изъятые из незаконного оборота, направлены на исследование экспертов, приобщены к делу как вещественные доказательства⁴.

Что касается непосредственно рапорта об обнаружении признаков преступления, то Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ он учитывается в качестве доказательства как «иной документ» в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УК РФ⁵.

от 22 декабря 2022 г. по делу № 222-УД22-69-А6; от 9 июля 2020 г. по делу № 223-АПУ20-2; от 23 марта 2023 г. по делу № 77-УД23-3-А1; от 26 сентября 2023 г. по делу № 4-УД23-42-А1; от 20 июня 2023 г. по делу № 4-УД23-24-А1; от 26 сентября 2023 г. по делу № 4-УД23-42-А1.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 23 марта 2023 г. по делу № 77-УД23-3-А1.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. по делу № 223-АПУ20-2.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. по делу № 222-УД22-69-А6.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным Верховного Суда РФ от 20 июня 2023 г. по делу № 4-УД23-24-А1.

⁵ См. например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. по делу № 64-004-26; 17 сентября 2013 г. по делу № 14-013-11; 11 января 2022 г. по делу № 5-УДП 21-143-К2.

Схожих суждений придерживаются некоторые нижестоящие суды, признавая допустимыми доказательствами рапорты по результатам проведения ОРМ и (или) рапорты в связи с рассмотрением сообщений из иных источников¹.

К примеру, рассмотрев в апелляционном порядке приговор в отношении С. и К., постановленный с участием присяжных заседателей, Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции признал неубедительными доводы жалобы защиты о незаконном исследовании справки и рапорта сотрудников органов внутренних дел, не относящиеся к доказательствам. Отсутствие нарушений УПК РФ суд аргументировал содержанием в этих документах сведений об обстоятельствах, относящихся к предмету судебного разбирательства².

Впрочем, существуют и противоположные судебные решения, в которых рапорт не признается доказательством лишь по причине его отнесения УПК РФ к поводам для возбуждения уголовного дела³. Но такой подход представляется весьма спорным, ведь принадлежность явки с повинной к поводам для возбуждения уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ не препятствует ее использованию в качестве доказательства, что следует из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ⁴ и практики Верховного Суда⁵.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ критически отнеслась к доводам осужденного С. и его защитника П. о незаконности получения «чистосердечного признания» и использования судом этого «признания» в качестве доказательства обвинения, ввиду того, что права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ, осужденному С. не разъяснялись, защитник не присутствовал. Свои выводы суд мотивировал тем, что сделанное осужденным С. «чистосердечное признание» является не чем иным, как явка с повинной, на что должна быть добрая воля самого осужденного. Перед получением явки с повинной разъяснение лицу положений ст. 51 Конституции РФ и присутствие защитника не требуется⁶.

¹ См. например: приговор Московского областного суда от 14 января 2022 г. по делу № 2-50/22 (2-121/21). [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 07.05.2024); апелляционное определение Московского городского суда № 10-15710/2014 от 15 декабря 2014 г. по делу № 1-546/14. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 07.05.2024); апелляционный приговор Верховного Суда Удмуртской Республики № 22-1167/2019 от 11 июля 2019 г. по делу № 1-96/2019 в отношении П.С.В. [Электронный ресурс]. URL: <https://vs.udm.sudrf.ru> (дата обращения: 08.05.2024).

² Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 года по делу № 55-321/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://4ap.sudrf.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

³ См. например: апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-4855/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-135/2020; апелляционный приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 2 апреля 2013 г. по делу № 22-581. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

⁴ См.: пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

⁵ Определения Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 89-О04-29сп; от 12 января 2017 г. № 53-АПУ16-32; от 29 ноября 2012 г. № 48-О12-107; от 2 февраля 2017 г. № 11-АПУ17-3; от 13 марта 2018 г. № 201-АПУ18-6.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2017 г. № 11-АПУ17-3.

Возможность использования явки с повинной в качестве доказательства неоднократно подтверждал и Конституционный Суд РФ, указывая на отсутствие в ст. 142 УПК РФ положений, которые бы противоречили нормам регламентирующим порядок доказывания по уголовным делам, в том числе ст. 75 УПК РФ, и отменяли бы обязательность их соблюдения при оглашении в ходе судебного следствия заявления о явке с повинной¹.

Проведенный анализ законодательства, теоретико-правовых подходов и материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что результаты ОРД допустимо использовать при принятии судом решения об избрании меры пресечения, но с учетом следующих условий:

- если они составлены уполномоченным должностным лицом правоохранительного органа с соблюдением документальной формы и представлены органу предварительного расследования и суду в порядке, предусмотренном Инструкцией;

- в них указаны конкретные источники сведений, относящиеся к предмету доказывания;

- содержащиеся в них сведения закреплены следственными и процессуальными действиями, и подтверждаются другими доказательствами, отвечающим требованиям УПК РФ;

- отраженные в них результаты ОРД получены (выполнены) в ходе ОРМ, проведенных для решения задач, указанных в ст. 2 ФЗ Об ОРД, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст. ст. 7 и 8 этого же закона, при отсутствии признаков провокации или подстрекательства преступлений.

Список литературы

1. Муратова Н.Г. Формирование концепции судебного контроля современного уголовного процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1.

2. Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции: Современные проблемы // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1.

3. Фарои Т.В. Функции и формы реализации судебной власти: дискуссионные аспекты проблемы // Общество и право. 2021. № 3 (77).

4. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 2.

5. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография / Э.А. Адильшаев, И.В. Жеребятьев, А.А. Шамардин. ООО ИПК «Университет», 2013. 277 с.

6. Мазунин Я.М. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31).

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О, 17 июля 2012 г. № 1280-О, от 20 марта 2014 г. № 638-О, 24 июля 2014 г. № 1338-О, от 29 сентября 2015 г. № 2270-О, от 27 октября 2015 г. № 2343-О, от 23 июня 2016 г. № 1429-О, от 26 января 2017 г. № 183-О, от 29 января 2019 г. № 73-О и др.

7. Соколов А.Н. К вопросу о субъектах полномочий по розыску, фиксации доказательств, оперативному сопровождению // Юристы-Правовед. 2011. № 3 (46).
8. Тамбовцев А.И. Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78).
9. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признавать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.
11. Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2021. 160 с.
12. Лупинская П.А. Избранные труды / сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 608 с.
13. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2014. 376 с.
14. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить *нельзя* поправить? В 3 т. Т. 1. М.: Юрлитинформ, 2023. 424 с.
15. Семенчук В.В. Совершенствование правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3.
16. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалиста, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 936 с.
17. Уголовный процесс: авторский курс [учебное пособие] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Москва: Эксмо, 2022. 368 с. (Новая школа права).
18. Качалова О.В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности // Уголовный процесс. 2021. № 5.
19. Сюбаев И.И. Допустимость показаний участников уголовного судопроизводства в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2021. № 12.

В.В. Ушакова, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, г. Москва

ТИПИЧНЫЕ МОДЕЛИ МЕХАНИЗМОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Частные методики расследования преступлений составляют комплекс взаимосвязанных компонентов. Несмотря на это, их структура не формируется

в единое целое из-за разнообразных толкований элементов и их сущности, предложенных криминалистами.

Р.С. Белкин писал, что «под частной криминалистической методикой следует понимать систему определенных элементов, взаимозависящих и взаимно определяющих. Система обладает структурой, в соответствии с которой ее элементы располагаются в определенной последовательности, образуя подсистемы» [1, с. 729].

Необходимым условием успешной разработки частной методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, выступает рассмотрение механизма совершения преступления, его элементов и взаимосвязи между ними. Также рассмотрение механизма преступления включает в себя анализ последствий преступного явления, воздействие на жертву, общество и самого несовершеннолетнего преступника. Анализ данных моментов в контексте механизма преступления поможет разработать эффективные стратегии расследования подростковой преступности. Исследование механизма преступления обеспечивает всестороннее изучение и понимание преступления, что гарантирует успешное расследование и принятие мер по предупреждению.

Впервые в определении понятия «криминалистика» нашло свое место понятие «механизм преступления» благодаря А.Н. Васильеву, который определял криминалистику как «науку об организации планомерного расследования преступлений, эффективном обнаружении, собирании и исследовании доказательств в соответствии с нормами уголовного процессуального закона и о предупреждении преступлений путем применения для этих целей специальных приемов и средств, разработанных на основе естественных, технических и некоторых других специальных наук, и на основе изучения механизма преступления и формирования доказательств» [7, с. 352]. Данный подход включает в себя анализ не только способа совершения конкретного преступления, но и потребности в комплексном подходе изучения всего механизма преступления как элемента криминалистики.

Изучение механизма преступления в контексте элемента криминалистики предполагает не только идентификацию вещественных доказательств, оставленных следов, изучения личности участников преступного события, но и рассмотрение психологических, социальных и культурных взаимосвязанных факторов, которые в равной степени оказывают влияние на процесс расследования. Такой подход способствует обнаружению тенденций подростковой преступности, что способствует разработке эффективных методик расследования. Рассмотрение механизма преступления носит комплексный характер, что впоследствии обеспечивает правоохранительным органам понимание природы преступности несовершеннолетних, причин и последствий.

Важные выводы относительно предмета криминалистики сделал Ю.И. Краснобаев: он писал, что «закономерности формирования способа подготовки, совершения и сокрытия преступления, возникновения следов преступной деятельности, судебного исследования доказательств и закономерности ее развития как науки» [5, с. 17]. Автор пришел к выводу в целесообразности изучения механизма преступления, в который, с одной стороны, входит преступная дея-

тельность субъекта преступления, а с другой — определяет изменения в окружающей среде.

А.Н. Васильев писал о необходимости изучения и рассмотрения механизма преступления как элемента предмета криминалистики и дал следующее определение: «Процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов (материальных и интеллектуальных), которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступления» [8, с. 288]. Тем самым автор выделяет два элемента механизма преступления — это криминалистически значимые следы, образовавшиеся в следствие преступных действий и совокупность действий преступника.

Р.С. Белкин под механизмом преступления понимал «сложную динамическую систему, элементами которой являются: субъект преступления; отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям, к соучастникам; предмет посягательства; способ преступления как система детерминированных действий; преступный результат; место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления; обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления; поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными или пассивными) события; связи и отношения между перечисленными элементами механизма преступления» [1, с. 68].

В.П. Лавров писал, что под механизмом преступления следует понимать «сложную (многоэлементную) динамическую систему, образуемую, прежде всего, действиями субъектов преступления, направленными на достижение преступного результата, в отношении конкретного объекта преступного посягательства, а также действиями потерпевшего и иных лиц, в том числе случайно оказавшихся на месте преступления» [11, с. 28]. Такие ученые, как З.И. Кирсанов и Н.П. Яблоков связывали механизм совершения преступления со стадиями совершения преступления и определяли как совокупность материальных объектов и процессов при подготовке, совершении и сокрытии следов преступления.

Анализ мнений ученых на понятие механизма совершения преступления и содержание элементов приводит к выводу, что элементы данного понятия и понятия криминалистической характеристики пересекаются. В связи с чем ряд ученых высказываются о функциональной идентичности данных понятий.

Однако в данном вопросе невозможно не согласиться с А.М. Кустовым в том, что несмотря на значительное сходство составляющих компонентов механизма преступления и криминалистической характеристики преступления, понятия не могут заменить друг друга — «это две самостоятельные научные категории, имеющие право (по своей значимости для общей теории криминалистики и практики) на существование и дальнейшую разработку и исследование» [9, с. 21].

Механизм преступления представляет собой динамическую систему, он описывает преступные процессы, способы, рассматривает мотивацию преступника, испытываемые им средства (орудия), анализирует обстоятельства, в которых произошло преступное явление. Важно отметить, что все эти составляющие рассматриваются совместно, взаимосвязанно между самой и в состоянии движения

по ходу события. Криминалистическая же характеристика сосредотачивается на идентификации, анализе и классификации доказательственной базы, ее рассмотрение происходит в статичном режиме, разъединяя компоненты для более глубокого их рассмотрения. Криминалистическая характеристика связана с описанием характеристики самого преступления, орудий, методов совершения преступления и другое. Хотя данные понятия имеют схожесть, они направлены на различные подходы к изучению преступления.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на множественные исследования, понятие механизма преступления однозначно не определено. Однако криминалисты сходятся во мнении, что механизм преступления не выстраивается только на деятельности преступника, а коррелируется с другими элементами, что представляет собой динамическую систему. При реализации преступного замысла взаимодействуют различные элементы, что отражается в объективной реальности, как преступление. В ходе расследования устанавливаются носители криминалистически значимой информации, затем восстанавливается ход событий, приведших к преступлению.

Целесообразным и необходимым для рассмотрения и построения механизма преступления, совершенного подростком, выступает учет специфических особенностей субъекта. Возрастные особенности — необходимо учитывать возрастной период, в который несовершеннолетний совершил преступление, уровень его реального развития. Социальная среда, в которой живет подросток, выстраивается во влиянии следующих факторов: экономические, культурные, политические межнациональные и внутригосударственные, которые влияют на сознание и ценностные ориентиры субъекта преступления, аналогичное влияние оказывают малые группы, с которыми подросток находится в тесной связи: семья, друзья, ученический коллектив. Психофизические особенности связаны с физиологическими и нейрологическими отличительными чертами каждого конкретного подростка, что связано со способностью к оценке рисков, контролю своего поведения и принятию решений.

Все это в целом влияет на понимание и восприятие мира подростком своих действий, в том числе и преступных, способности контролировать и осознавать события. Понимание и учет таких особенностей поможет построить механизм совершения конкретного преступления, максимально похожий на реальную преступную ситуацию.

Изучение механизма преступления, совершенного несовершеннолетним лицом, как целостной системы элементов, образующих доказательственную базу, дает возможность выдвижения следственных ситуаций и криминалистических версий преступления, планирования расследования, установление личности преступника, поиск жертвы преступления, возможные места сбыта похищенного имущества.

Механизм преступления представляет собой структуру элементов, отвечающих за определенное направление расследования, для того чтобы в итоге сложилась общая динамичная картина преступного события. В науке рассматриваются различные варианты содержания данных элементов.

Так, А.А. Возгрин в структуру механизма преступления включает: «признаки способа совершения преступления, личность потерпевшего и личность преступника» [2, с. 43]. В.Я. Колдин и Ю.Г. Корухов писали, что структура механизма совершения преступления может быть представлена четырьмя взаимосвязанными подсистемами «субъект, предмет, орудия (средства) и место (обстановка) преступления» [6, с. 333-334]. Элементы механизма, предлагаемые В.В. Клочковым и В.А. Образцовым, вызывают интерес, так как большее внимание авторы уделили именно лицу, совершившему преступление, они выделяют взаимосвязанные элементы: «преступник, поведение преступника, элементы окружающей среды» [4, с. 47-48].

Наиболее обширно структуру механизма преступления представил З.И. Кирсанов [3, с. 16], включив в нее семь элементов, которые касаются следующих аспектов: преступник, способ совершения преступления, предмет посягательства, личность потерпевшего, средства преступления, свидетели, материальная обстановка. Автор подробно рассмотрел каждый элемент и взаимосвязь между ними, что дает возможность рассмотреть картину преступления наиболее полно.

Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, как и ряд других ученых, в механизм преступления включают обстановку совершения преступления. В качестве обстановки преступления в криминалистике принято понимать совокупность окружающей обстановки, людей, объектов и всякого рода факторов, которые создают среду для совершения преступной деятельности.

А.М. Кустов предлагает следующую структуру механизма преступления: «деятельность субъекта преступного деяния; комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления; поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанных с преступным событием; отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, включая предмет преступного посягательства» [10, с. 26]. Представляется, что данная структура — одна из наиболее логически выверенных и структурированных моделей механизма преступления, элементы которой взаимосвязаны и дополняют друг друга для построения образа всего преступления.

Представляется возможным выделить один из самых основных элементов механизма совершения преступления — это совокупность взаимосвязанных действий несовершеннолетнего преступника, которые коррелируются с комплексом орудий и средств, направленных на приготовление, совершение и сокрытие преступления. Обоснованно можно считать, что данный элемент составляет основу механизма преступления, так как от него идет цепь для всех остальных элементов, количество которых может отличаться от мнения автора, реально существующей обстановки и принятой системы в исторический период.

Основываясь на анализе научных мнений по вопросу структуры механизма совершения, практического опыта и индивидуальных особенностей несовершеннолетних субъектов совершения преступлений, представляется возможным построить структурированную модель механизма совершения преступления несовершеннолетними лицами. Отметим, что данная структура не представляет собой абсолютно новой интерпретации, данная трактовка рассматривается как

ответвление от основной системы механизма преступления, но с толкованием в плоскости подростковой преступности.

Итак, структура механизма совершения преступлений, совершенных несовершеннолетними, состоит из следующих элементов:

- 1) совокупность действий несовершеннолетнего преступника по подготовке, совершению преступления и сокрытию следов;
- 2) совокупность действий потерпевшего, свидетелей;
- 3) реальная обстановка совершения преступления, включая предмет преступного посягательства;
- 4) криминалистически значимые следы, образовавшиеся вследствие преступных действий, которые говорят о причастности к преступлению несовершеннолетнего лица.

Первостепенным элементом при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетним, выступает механизм совершения преступления, так как данный элемент содержит в себе большую часть информации о преступном событии, он может раскрыть временный и динамический порядок связи отдельных этапов, установить факторы подготовки совершения преступления и сокрытия следов. Моделирование всех составляющих элементов обеспечит воссоздание общей картины преступного события, что в свою очередь при отсутствии доказательств дает реальную возможность на раскрытие преступления.

Моделирование, согласно А.М. Кустову [9, с. 265], — это универсальный метод научного познания, который применяется в том числе в криминалистическом исследовании, он необходим в случаях, когда непосредственное исследование факторов, произошедших в прошлом, затрудняется или вовсе недоступно. Принцип работы, согласно данному методу, заключается в воссоздании модели преступного деяния, это позволяет анализировать события, выдвигать версии и делать выводы относительно преступления на основе данных, полученных на момент моделирования. Реализация данного метода в процессе расследований преступлений, совершенных несовершеннолетними, обеспечит возможность воссоздать сценарий преступления, идентифицировать подозреваемых и предсказать возможные пути расследования.

В заключение отметим, что учитывая закономерности и особенности совершения преступлений несовершеннолетними, следователь в результате познавательной деятельности восполняет пробелы в картине преступления и формирует модели механизма совершения преступления, дает квалификацию и анализ. Следует выделить, что преступление — продукт деятельности человека, а значит, модель не может одинаково отражаться во всех преступлениях одного вида или рода. При построении модели механизма преступления должен быть учтен человеческий характер деятельности, то есть непредсказуемый характер и специфические особенности личности субъекта и его условий жизни.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 837.
2. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С 80.

3. Кирсанов З.И. Криминалистические учения о механизме преступления в его отражении: лекция. М., 1994. С. 248.
4. Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42. С. 44-54.
5. Краснобаев Ю.И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы): автореф. дисс. ...канд. М., 1976. С. 207.
6. Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 509.
7. Криминалистика: учебник / под ред. А.Н. Васильева. М., 1980. С. 496.
8. Криминалистика: учебник / отв. ред. С.П. Митричев, М.П. Шаламов. М.: Юрид. лит., 1963. С. 536.
9. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 355.
10. Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления / А.М. Кустов; под ред. Р.С. Белкина; Акад. МВД России. М.: Акад. МВД России, 1997. С. 227.
11. Лавров В.П. Учение о способе преступления. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика / под ред. А.Ф. Вольинского. М., 1999. С. 376.

А.К. Шеметов, ст. преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, г. Екатеринбург

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УБИЙСТВЕ, ПРИЗНАЮЩЕГО СВОЮ ВИНУ

Одним из основных источников информации об обстоятельствах произошедшего убийства является сам субъект, его совершивший. Это обусловлено вполне объективными факторами.

В первую очередь следует отметить, что подавляющая часть преступлений, связанных с лишением потерпевшего жизни, реализуется в условиях уединенности, отсутствия посторонних лиц, способных помешать замыслу преступника.

Во-вторых, даже имеющиеся в наличии редкие очевидцы содеянного либо наблюдали интересующее следователя событие лишь в его части, либо находятся в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения, делающего невозможным получение от них показаний в полном объеме.

Все это обуславливает важность получения нужных данных от того участника события, который остался в живых и имеется в распоряжении следователя.

Наиболее распространенной следственной ситуацией, формирующейся на этапе подготовки и проведения допроса подозреваемого в убийстве, остаются условия острого дефицита сведений о произошедшем убийстве и активного соперничества следователя со стороной защиты. Однако не исключены и случаи

дачи задержанным признательных показаний о совершенном им посягательстве. Видимость простоты указанных условий не лишает подобные ситуации ряда достаточно сложных задач, которые должен решать субъект расследования.

В рамках подготовки к производству допроса в этих условиях следователь должен подробно, насколько это возможно на указанной стадии производства расследования, изучить личность изобличающего себя субъекта [1, с. 209].

Выяснению подлежат качества допрашиваемого, способствующие признанию вины, раскаянию за содеянное. Далеко не всегда субъекты убийств обладают исключительно античеловечными свойствами, нигилистическими взглядами на соблюдение норм и правил, умаляют значение человеческой жизни. Подобные ситуации, например, достаточно часто возникают в условиях совершения убийства в ответ на издевательства, побои со стороны потерпевшего, осуществление им семейного насилия над самим субъектом или его близкими.

Данные о наличии у убийцы названных свойств могут содержаться в материалах разбирательств по тем или иным фактам, в которых он принимал участие, а также получены при опросах и допросах лиц, хорошо знавших задержанного, характеристиках с места работы, службы, учебы, жительства и т.п.

Подготавливаясь к производству указанного следственного действия, следует добиться выяснения причин, сподвигнувших названного участника на признание вины. Детерминирующие факторы могут быть различными. От благих намерений раскаяния, невозможности нести тяжкую ношу содеянного, до попыток таким образом скрыть причастность в более тяжком, в том числе квалифицированном посягательстве.

Прогнозирование возможных причин благосклонного отношения допрашиваемого к признанию доводов следвателя должно быть неотъемлемой частью моделирования ситуаций, которые могут возникнуть в ходе производства указанного следственного действия. На каждую из них у следвателя должна быть подготовлена модель собственного поведения, перечень мер противодействия.

Все же для судебно-следственной практики не характерны ситуации отсутствия конфликта между сторонами защиты и обвинения, тем более при расследовании таких серьезных преступных посягательств как преступления против жизни. Все это должно настраивать следвателя на действенное установление реальных причин дачи субъектом правдивых показаний о собственной причастности к убийству. В этой связи приобретает актуальность проверка версии о самооговоре указанного лица.

Как известно, признаками самооговора является большое количество противоречий, допускаемых признающим вину лицом, эмоциональная бледность, монотонность повествования об обстоятельствах, которые должны были вызвать более душевный отклик в памяти причинителя вреда [2, с. 256].

Конечно, в рамках первых допросов у следвателя зачастую отсутствует возможность сопоставить показания допрашиваемого лица с другими известными данными, показаниями свидетелей и очевидцев, выводами экспертных исследований и прочими сведениями. Однако подобные нестыковки могут сопровождать объяснения задержанного, которые он дает в разное время, в ходе от-

дельных следственных действий, а также в рамках неформальных бесед со следователем или оперативными сотрудниками.

При подготовке к допросу следователю требуется проанализировать имеющиеся нестыковки и противоречия, подготовиться к постановке вопросов, направленных на их выяснение.

Допрос в подобных ситуациях рекомендуется начинать со свободного рассказа признающего вину лица. При этом следователь, не вмешиваясь в повествование, должен быть готов к постановке вопросов, конкретизирующих сведения об обстоятельствах, прежде всего, известных только субъекту расследуемого убийства.

Так, конкретике подлежат действия, совершаемые до причинения смертельных ранений потерпевшему. Выяснению подлежат обстоятельства предшествовавшего конфликта, кто его инициировал, как он протекал, каковы конкретные действия погибшего.

Кроме того, выясняются данные о характере захвата предмета, использованного в качестве орудия убийства, частоте и направленности причиняемых повреждений, их количестве, контроле над ними со стороны субъекта убийства и прочее.

Выяснению подлежат и действия лица, совершаемые после наступления смерти жертвы.

Следует обратить внимание на то, что подобная детализация показаний позволяет не только решить проблему проверки правдивости показаний изобличающего самого себя преступника, но и решить задачу установления всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Подробная картина произошедших событий, выясненная таким образом, позволяет следователю проверить версию о самооговоре допрашиваемого. Только субъекту, действительно совершившему преступление, могут быть известны в подробностях обстоятельства совершенного деяния, участки местности, которые использовались в процессе совершения преступления, поза трупа и другие данные.

Кроме того, указанные детали, зафиксированные в протоколе следственного действия, заверенные позже подписью самого допрашиваемого, позволят избежать сложной ситуации при отказе от них стороны защиты [3, с. 91].

К этому следует добавить и возможность следователя уже на этом этапе, не дожидаясь выводов уже назначенных экспертных исследований, определить направления дальнейших поисков доказательств, подтверждающих доводы следователя в виновности задержанного.

В случаях подтверждения версии о самооговоре следует предпринимать попытки к установлению действительных причин признательных показаний задержанного. Следует отметить, что доводы в пользу лжесвидетельств данного рода должны быть достаточно вескими. Учитывая тяжесть содеянного, серьезные меры процессуального принуждения, опасность привлечения к уголовной ответственности, субъект действительно должен быть серьезно мотивирован на признания такого рода.

В подобных ситуациях имеет место преодоление противодействия стороны защиты, хоть и в столь специфической форме. Для этого традиционно используются приемы предъявления доказательств.

Ситуации, формирующиеся к моменту допроса указанного лица в качестве подозреваемого, характеризуются серьезным дефицитом сведений об обстоятельствах расследуемого события. Ряд экспертных исследований материальных объектов к этому моменту может еще быть не завершен, весомая часть свидетелей не допрошена и т.п.

Все это сказывается на объеме сведений, которыми располагает субъект расследования. Значительная часть этих данных может быть не облечена в форму вещественных доказательств.

Это обуславливает ограниченность доводов следователя, лексическую форму их демонстрации допрашиваемому. Субъект расследования должен умело оперировать данными, порой используя разные способы их демонстрации.

Доказательства могут демонстрироваться субъекту преступления как в единичном виде, так и совокупностью. Учитывая представленные выше типовые особенности следственных ситуаций, о демонстрации групп сведений зачастую говорить не приходится. Предъявление единичных данных может осуществляться в различной последовательности. Традиционно выделяют демонстрацию с нарастающей, убывающей силой или без логической связи друг с другом [4, с. 45].

Думается, что для изобличения оговаривающего себя лица может быть эффективно использована именно последняя из предложенных комбинаций.

Доказательства могут предъявляться как в стадии свободного рассказа допрашиваемого, так и во второй части действия, сопровождающейся вопросно-ответным диалогом следователя и субъекта преступления [5, с. 74].

В ходе повествования, излагаемого самим субъектом преступления, доводы следователя могут быть направлены на подчеркивание существующих противоречий, которые допускает рассказчик. Каждый такой довод следователь должен подчеркивать постановкой вопроса о причинах допущенных неточностей, значением их для версии стороны обвинения. Полученный ответ также анализируется, сопоставляется с имеющимися данными и может служить отправной точкой для последующего диалога.

Вопросы, поставленные после свободного рассказа, могут быть аргументированы имеющимися в распоряжении следователя данными без логической последовательности. Такая оторванность отдельных фактов друг от друга позволяет в объяснениях допрашиваемого выяснить еще большее количество противоречий.

Хотелось бы отметить и высокую эффективность фиксации хода и результатов указанного следственного действия с использованием дополнительных, кроме протоколирования, средств.

Так, при пояснениях, даваемых лицом, чьи показания подвергаются сомнению следователем, они могут сопровождаться изготовлением рисованных схем места происшествия, отдельных его узлов, обозначением локализации и механизма повреждений на подготовленных для этого изображениях или составляемых самим допрашиваемым.

Сам ход следственного действия может быть запечатлен на видеозаписи, что позже не позволит стороне защиты сослаться на оказанное со стороны следователя давление, неверность формулировок, внесенных в протокол, неправильном понимании отдельных слов и фраз, произнесенных допрашиваемым.

Кроме того, результаты допросов подобного рода могут стать основанием для проверки полученных в ходе них доводов экспертным путем или при производстве иных следственных действий.

В качестве итога хотелось бы отметить, что внешняя простота следственных ситуаций, складывающихся в подобных условиях, зачастую оценивается следователем чересчур превратно. В случаях, когда позже сторона защиты отказывается от озвученных ранее показаний, становится полной неожиданностью для субъекта расследования, а часть аргументов безвозвратно утрачивается со временем, прошедшим с того момента.

Список литературы

1. Рычкалова Л.А. Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 205-211.
2. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 532 с.
3. Ушаков О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний. Владивосток, 2004. 215 с.
4. Смолькова И.В. Самооговор как разновидность показаний обвиняемого // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 3 (11). С. 43-50.
5. Федорова Э.С., Перец В.А. Ложные показания и меры по их разоблачению. М., 2008. 142 с.

*С.В. Шепелева, к.ю.н. доцент, доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного института управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург*

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

С момента начала реализации в 2002 г. Уголовно-процессуального закона не прекращается дискуссия о регламентации процессуальной деятельности, возникающей после вступления в законную силу судебного решения. Указанная процедура осуществляется в соответствии с главами 46, 47 уголовно-процессуального законодательства [1], постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [2], а также приказами и инструкциями, но и по сей день неясны процессуальные возможности определенных участников и субъекта этой деятельности.

Весь уголовный процесс протекает в форме правоотношений, где в силу публично-правового характера деятельности обязательно участие субъекта — представителя государства: органа предварительного расследования либо судеб-

ного органа. Процедура исполнения судебного решения ничем не отличается от этого требования. В данном производстве субъектом уголовно-процессуальных правоотношений выступает судья, который разрешал уголовное дело по существу, либо в настоящее время находится по месту отбывания наказания (по месту жительства) осужденного.

Характеристика объекта уголовно-процессуальных правоотношений даст возможность определиться с особенностями правомочий субъекта и участников процессуальной деятельности.

Любым объектом будут выступать правоотношения, которые могут возникнуть в момент непосредственного исполнения судебного решения. Как правило, они включаются в перечень ч. 1 ст. 396 уголовно-процессуального законодательства и характеризуются тем, что в их содержании будет заложена необходимость обеспечения прав реабилитированного; изменения наказания; освобождение от отбывания наказания; разъяснение сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора.

С ориентацией на объект правоотношений определены и участники, которые вовлекаются или вступают в них по собственной инициативе для отстаивания прав.

Положения ч. 1 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства позволяют выделить участников, которые могут вступать в правоотношения: реабилитированный, осужденный, учреждения, органы, исполняющие наказание, прокурор, потерпевший.

Суд как субъект такой деятельности обладает определенными полномочиями.

Первое направление — подготовительные действия, в которых основной целью является определение процессуальных правил, которые обеспечат рассмотрение вопросов. Инициатор начала производства направляет свое ходатайство, тем самым обязывает суд принять его к своему производству и начать подготовку к его рассмотрению.

Действия судьи включают в себя возможность назначить судебное заседание, отказать в назначении судебного заседания, направить материалы по подсудности.

Второе направление деятельности суда имеет отношение непосредственно к рассмотрению вопросов, которые и послужили началом такого производства. В эту процедуру отнесены правомочия суда, которые определяют его обязанность по непосредственному анализу всех материалов, которые были направлены инициатором и сотрудниками мест отбывания наказания. И здесь возникают проблемы, в уголовно-процессуальном законодательстве нет указания на перечень процессуальных документов, которые могут послужить возможностью принятия решения, указаны только те, которые могут быть отнесены к служебным документам исправительных учреждений.

Третьим направлением будет деятельность, которая обеспечит реализацию судебного решения, вынесенного по результатам рассмотрения заявленных требований, и она аналогична той, которая включена в гл. 46 уголовно-процессуального законодательства.

Правовые возможности судьи определяются только теми требованиями, которые указаны в иске. И суд по своему усмотрению не может выйти за его границы.

Основным участником стадии исполнения приговора является осужденный, так как в рамках такого производства будут обеспечиваться его права и интересы.

Права осужденного определяются возможностями, указанными в ч. 3 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства: знакомиться с теми материалами, которые представлены в суд другими участниками, опровергать данные сведения, представлять документы, давать объяснения. В судебном заседании заявлять отводы и пользоваться услугами адвоката, процессуальный статус которого до сих пор не определен, кто он как участник — представитель или защитник. Эта неопределенность его статуса влечет определенные дискуссии в научных кругах [4, с. с. 106]. В основе ее лежит определение предмета защиты, так как если адвокат представлен в статусе защитника, то он обязан осуществлять функцию защиты, которая, в свою очередь, направлена на возможность оспаривания выводов обвинителя по поводу совершенного преступления и виновности лица в совершении преступления.

В стадии исполнения приговора такие вопросы не входят в предмет обсуждения и, соответственно, не обеспечиваются участием защитника. Тем более если проводить аналогии и анализировать ст. 51 уголовно-процессуального законодательства, в которой перечислены случаи обязательного участия защитника, то эти требования должны быть выполнены и на момент, когда лицо уже признано виновным в совершении преступления и осуждено.

Немаловажным будет и тот момент, который связан с оплатой труда такого защитника. Если он будет обязательным участником, невзирая на отказ от него осужденного, то это повлечет за собой оплату его деятельности — участия за счет средств федерального бюджета, что само по себе представляется как нонсенс.

Соответственно, логично, что адвокат будет представлять интересы осужденного в судебном заседании, когда рассматриваются вопросы, связанные с наказанием: изменением либо освобождением, а также другие, указанные в ст. 397, 398, 400 уголовно-процессуального законодательства, и его приглашение и оплата участия в такой процедуре, это желание осужденного [5, с. 98], обеспеченное финансовой составляющей.

Для уточнения процессуального статуса адвоката целесообразно дополнить ч. 4 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства тем, что «осужденный может осуществлять свои права с помощью представителя — адвоката». При рассмотрении вопросов осужденный может заявить ходатайство о своем непосредственном участии в судебном заседании. Форма его участия является прерогативой суду либо непосредственно, либо с использованием видеоконференцсвязи. Исходя из того, что суд определяет, возникают определенные сомнения по поводу того, будет ли обеспечена осужденному реализация его права на доступ к правосудию. Для устранения возможного ограничения предлагается внести дополнение в ч. 2 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства «...участие осужденного ... является обязательным».

Интересную позицию занял законодатель в отношении прокурора, правовое положение которого до настоящего момента еще полностью не определено, является ли он обязательным участником либо возможным. Такое положение связано с отсутствием правовой регламентации его статуса в уголовно-процессуальном законодательстве.

Рассматривая процессуальные возможности прокурора в этом производстве и анализируя ч. 6 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства, выделяются особенности, связанные с тем, что участие прокурора зависит от усмотрения судьи, при условии того, что даже если такой вызов и состоится, то прокурор не будет предварительно ознакомлен с информацией, послужившей основанием для такого судебного заседания. И здесь снова возникает вопрос, как должен быть исполнен п. 35 приказа Генеральной прокуратуры [3] о том, что прокурор обязан участвовать в судебных заседаниях и осуществлять надзорную деятельность за соблюдением закона в исправительных учреждениях, а в случаях их отсутствия — за соответствующими прокурорами территориальных прокуратур.

Если прокурор будет осуществлять надзор за соблюдением закона в исправительных учреждениях, то его участие при рассмотрении вопросов по исполнению наказания является обязательным в судебном заседании.

Более обоснованной представляется позиция о том, что прокурор как участник судебного заседания будет выполнять деятельность, которая направлена на защиту интересов осужденного при необходимости облегчения его положения или противоположную, которая предполагает наложение на осужденного дополнительных ограничений. Его действия фактически будут связаны с высказыванием мнения о правильности представления к поощрению или наложением взысканий, объективность данных подтверждающих ходатайства субъектов как осужденных, так и представителей исправительного учреждения.

Тем самым это определяет его участие в судебном заседании как обязательного и по характеру действий независимым помощником судьи.

Для осуществления такой деятельности необходимо внесение дополнения в ч. 3 ст. 37 уголовно-процессуального законодательства: «...При исполнении судебных решений прокурор выполняет правообеспечительную деятельность, направленную на недопущение ограничения прав осужденных (оправданных)». И внести изменения в ч. 6 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства: «В судебном заседании участие прокурора обязательно».

Инициатором рассмотрения вопросов по исполнению приговора выделяются сотрудники исправительных учреждений, где отбывает наказание осужденный, в соответствии с п. 3, 4, 4.1, 5, 5.1, 6 ч. 1 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства, а также представители иного компетентного органа, в соответствии со ст. 469 уголовно-процессуального законодательства.

Но регламентации их полномочий ни в федеральных законах — УПК РФ, УИК РФ, ни в ведомственных актах Федеральной службы исполнения наказания как таковых нет. Можно только выделить, что они должны подтвердить свое заявленное требование или опровергнуть информацию по ходатайству осужденного и на этом их полномочия исчерпываются.

На практике его положение более устойчиво, так как от его мнения зависит объективность вынесенных судом решений. Поэтому требуется законодательное закрепление его правомочий в судебном производстве по исполнению приговора.

Еще одним из участников представлен потерпевший. Надо отметить, особенность его участия в судебных заседаниях по рассмотрению вопросов, указанных в ст. 397 уголовно-процессуального законодательства, практически сведено к минимуму. И в целом, его участие в данном производстве предполагает только рассмотрение вопросов, указанных п. 21.1 ч. 2 ст. 42 уголовно-процессуального законодательства. В данном пункте характеризуются обязанности по представлению ему информации (исключительно при наличии от потерпевшего заявленного ходатайства) о перемещениях осужденного как к месту исполнения наказания, так и из одного исправительного учреждения в другое; об освобождении его из мест лишения свободы, а также вопросов об отсрочке исполнения приговора, либо замене неотбытой части наказания более мягким видом. То есть фактически кроме как о предоставлении информации на участие в судебном заседании о праве потерпевшего речи не идет.

В части 2.1 ст. 399 уголовно-процессуального законодательства охарактеризован процессуальный порядок участия потерпевшего, в случае возникновения обстоятельств, указанных в п. 4, 5, 19 ст. 397 уголовно-процессуального законодательства, но проблема в том, что он будет не обязательным участником, а только после высказывания своего желания — «...при наличии ходатайства..., заявленного в течение 10 суток со дня получения извещения о проведении судебного заседания». Если потерпевший не заявит о такой инициативе, то судебное заседание пройдет в его отсутствие. Проблема возникает в том, что всегда ставится под вопрос — реальна ли возможность обеспечения такой процедуры, так как уведомление должно быть проведено не позднее 14 суток до дня судебного заседания. В какой форме оно должно быть — повестки, смс-сообщения, электронного письма. А при наличии объективных причин, указывающих на невозможность получения такого извещения — нахождение на лечении в стационаре, командировка, отпуск, перемена места проживания — ограничивает право на доступ правосудия.

Для устранения такого пробела необходимым предложением будет внесение в процессуальный закон дополнения, связанного с формой уведомления о вызове в судебное заседание в электронном виде по адресам, которые будут представлены потерпевшим. Тем самым будет обеспечено его право на участие и сэкономлено время на письменные уведомления и заявление ходатайств.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета от 30.12.2011 г. № 296.

3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/>

4. Воронин О.В. Реализация прокурором правообеспечительной функции при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 104-106.

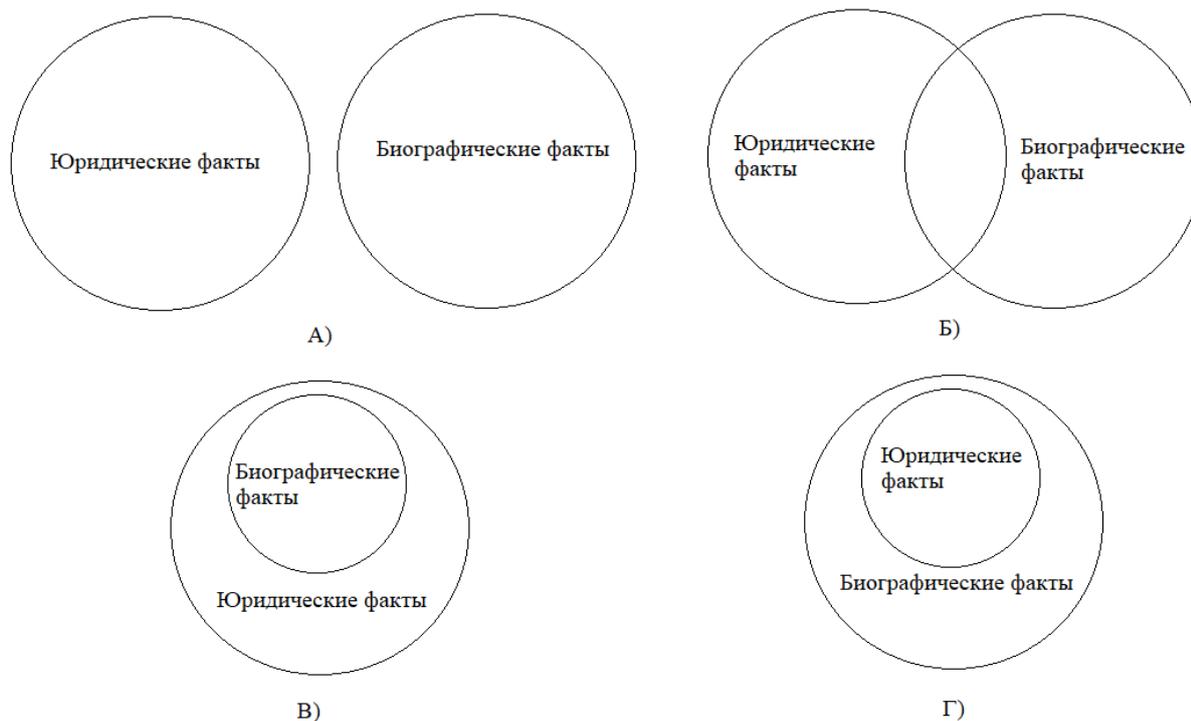
5. Бурмагин С.В. Проблемные вопросы состязательного построения судебных производств в стадии исполнения приговора // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15 (9). С. 93-103. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.093-103.

В.Л. Юань, ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск; ст. преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Томск

БИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТЫ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО

Сложно представить себе используемый в криминалистическом исследовании обвиняемого биографический метод без непосредственной работы с биографическими фактами, сбор и анализ которых составляет саму суть метода научного познания [1, с. 203]. Все операции с ними нацелены на составление полного и целостного знания о личности обвиняемого, вместе с тем в криминалистической науке отдельно понятие «биографический факт» не раскрывается и его содержание становится очевидным исходя из контекста [2, с. 235-238; 3, с. 136-137]. Наиболее близким к нему по значению может быть понятие юридического факта, являющееся одним из базовых понятий в теории права и образующим фактические составы, с которыми законодательство связывает наступление различных правовых последствий. В свою очередь, юридические факты принято делить на действия и события, подлежащие правовой оценке, вместе с тем отрицать факт существования действий и событий, которые остались нигде никем и никак не зафиксированными (неоформленными) [4, с. 57], а потому невидимыми в правовой науке, было бы тяжким грехом против науки и истины, что подтверждается существованием таких понятий как «de jure» и «de facto», а применительно к наукам уголовно-правового цикла — понятия «латентная преступность».

Все вышесказанное позволяет поставить следующий вопрос: как соотносятся между собой понятия «биографический факт» и «юридический факт»?

Варианты соотношения понятий «биографический факт» и «юридический факт»

Исходя из представленной выше схемы, соотношение понятий «биографический факт» и «юридический факт» возможны в следующих версиях:

А) биографический и юридический факты никак не соприкасаются между собой;

Б) биографический и юридический факты содержательно соприкасаются между собой;

В) биографический факт уже, чем юридический факт, и содержательно входит в него;

Г) биографический факт шире, чем юридический факт, и содержательно включает его в себя.

Существуют такие события и действия, которые юридическими фактами не являются, хотя могут влечь правовые последствия, если станут зримыми и о них будут осведомлены. При этом такие события и действия могут являться биографическими фактами, связи с чем закономерно возникает следующий вопрос: а есть ли юридические факты, которые биографическими не являются? К примеру, если обвиняемый получил водительское удостоверение 5 лет назад, но за эти 5 лет за руль ни разу не садился, юридически будет считаться, что его водительский стаж будет равен этим 5 годам, что разумно, так как установить фактическое количество часов, которое он провел за непосредственным управлением транспортным средством, подлинно и точно не представляется возможным, что также подтверждается Приказом МВД России от 13.05.2009 № 365 (ред. от 09.01.2024) «О введении в действие водительского удостоверения» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.07.2009 № 14302), в котором можно обнаружить следующие строки: «При отсутствии возможности подтверждения даты получения права на управление транспортными средствами какой-либо катего-

рии, подкатегории соответствующая графа раздела 10 не заполняется. При этом в разделе 14 указывается водительский стаж в соответствии с записями в ранее выданном водительском удостоверении. При отсутствии таких записей водительский стаж исчисляется от наиболее ранней даты получения права на управление транспортными средствами, подтвержденной соответствующими документами». При этом биографическим фактом будут являться два обстоятельства: 1) факт получения им водительского удостоверения (что легко установить по официальным документам); 2) факт того, что он не управлял транспортным средством на протяжении этих 5 лет. Понятно, что проверить подлинность этого факта очень трудно, однако именно в этом примере уже очевидна разница между юридическими и биографическими фактами.

Другой пример — известная в науке и практике латентная преступность. Так, если лицо женского пола стало жертвой преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 131 УК РФ, однако заявление подано не было, то по прошествии нескольких лет юридические перспективы привлечения к уголовной ответственности виновное лицо по тому эпизоду очень туманны в реальной правоприменительной практике.

Критерий	Юридические факты	Биографические факты
1. Цель сбора	Для правовой оценки и анализа в рамках правоприменительной практики	Для изучения биографии обвиняемого
2. Субъекты сбора	Должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, адвокаты, нотариусы, граждане и др.	Следователи, дознаватели
3. Источники	Все виды доказательств, содержащие в себе зафиксированные в том или ином виде юридические факты. Доказательствами по правовым делам являются полученные в предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации порядке любые сведения о фактах, на основании которых судебные органы; по уголовным делам также прокурор, следователь, дознаватель; по делам об административном правонарушении, включая орган и должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела; по уголовным делам — наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; по делам об административном правонарушении — на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к админи-	Четкого перечня нет, источником может выступать любая информация в любом виде и любой форме, а также поступившие от любого человека сведения. Может показаться, что согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, биографические факты в строгом виде не входят в круг вопросов, подлежащих доказыванию, вместе с тем положение ч. 1 ст. 73 УПК РФ придает биографическим фактам уголовно-процессуальную ценность, указывая в пункте 3 на то, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а в ч. 2 этой

	<p>стративной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.</p> <p>При этом в качестве доказательств по различным видам судопроизводства допускаются показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение, показания и консультации специалиста; протоколы следственных и судебных действий; показания специальных технических средств; письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы, а также объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса, полученные путем использования систем видеоконференцсвязи либо системы веб-конференции, а также тексты нормативных и других правовых актов, документов и их копий, дел, сведения и другие материалы; о заверении документов и текстов нормативных актов; о проведении проверок, исследований, экспертиз; об установлении определенных обстоятельств; о привлечении специалистов; о даче разъяснений, консультаций и об изложении профессиональных мнений по рассматриваемым делам. (ст. 64 АПК РФ, ст. 55 ГПК РФ, ст. 74 УПК РФ, ст. 59 КАС РФ, ст. 26.2 КоАП РФ, ст. 50 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)</p>	<p>же статьи и вовсе сказано, что подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления</p>
4. Виды	События и действия	
5. Методы сбора	<p>Посредством проведения следственных и судебных действий, иных процессуальных действий, действий в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а также путем запроса сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы (депутатский запрос), адвокатского запроса, запроса нотариуса и иных видов запросов и обращений со стороны граждан и организаций</p>	<p>Полномочия следователя и дознавателя, а также перечень оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»)</p>
6. Оценка	<p>Производится должностными лицами правоохранительных и судебных органов</p>	<p>Производится следователем и дознавателем самостоятельно</p>
7. Выпадающие из процесса сбора факты	<p>Ряд фактических событий и действий, которые нигде и никем не зафиксированы, в силу чего являются труднодоказуемыми</p>	<p>Вступающие в противоречие с фактическими обстоятельствами юридические факты</p>

Третий пример – хобби и увлечения обвиняемого, которые слабо отслеживаются и фиксируются в правовом поле.

Таким образом, из вышеуказанной схемы только один вариант — вариант Б наиболее достоверно отражает соотношение понятий «биографический факт» и «юридический факт». Сделанный вывод означает, что биографические и юри-

дические факты можно сравнить на основе небольшой группы критериев, выведенных из следующих 7 вопросов:

1. С какой целью осуществляется сбор фактов?
2. Кто именно осуществляет сбор?
3. Откуда можно получить информацию?
4. Какие виды фактов бывают?
5. Каким образом проводится соби́рание?
6. Кто производит оценку собранных фактов?
7. Какие сведения зачастую находятся за пределами совокупности собираемых фактов?

Сравнение юридических и биографических фактов в криминалистике.

Из приведенной таблицы видно, что по критериям 1, 2, 3, 5 и 6 (более половины всех критериев) биографические факты сужаются относительно юридических фактов, применительно к изучению личности обвиняемого, во многом являясь разновидностью юридических фактов, а по критерию 4 — и вовсе совпадают. Вместе с тем даже если убрать из анализа биографические факты из биографического метода в изучении любой личности, оставив исключительно криминалистическое изучение биографии обвиняемого, становится видно, что критерий 7, последний, явно выводит биографические факты, как понятие из содержания юридических фактов.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для юридических фактов есть жесткая процедура конвертации доказательств в юридические факты [5, с. 203], тогда как для биографических фактов такой процедуры нет и оценка их достоверности, полноты и точности лежит на самом следователе и дознавателе.

Во-вторых, существуют события и действия, лежащие за пределами правовой науки, но даже их отсутствие может свидетельствовать о тех или иных биографических фактах.

В-третьих, получение и юридических и биографических фактов сопряжено с анализом и использованием законов формальной логики, здравого смысла, бытового и профессионального опыта.

Список литературы

1. Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Феномен гомеостаза в криминалистическом исследовании личности с помощью биографического метода // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 201-205.
2. Алексеева Т.А., Юань В.Л. Использование психологического анализа устной речи и биографического метода в изучении личности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 233-239.
3. Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Пичугин Д.Г., Галимов О.Х. Теоретико-правовые основы пограничной деятельности. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2023. 395 с.
4. Миронов В.О., Зин Н.В. Юридические факты: понятие, признаки, классификация // Аграрное и земельное право. 2020. № 3 (183). С. 56-59.
5. Цыпленков Е.А., Шиндяпин А.В. Юридические факты: актуальные аспекты содержания и толкования // Вестник КГУ. 2017. № 2. С. 201-203.

Научное издание

**УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ПРАВОВОЕ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ**

*Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции
«Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае»*

Выпуск XX

Редактирование и подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Оформление обложки *О.В. Майер*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 04.12.2024. Вышло в свет 09.12.2024

Формат 60x84 / 16. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 9,53.

Тираж 100 экз. Заказ 656

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66